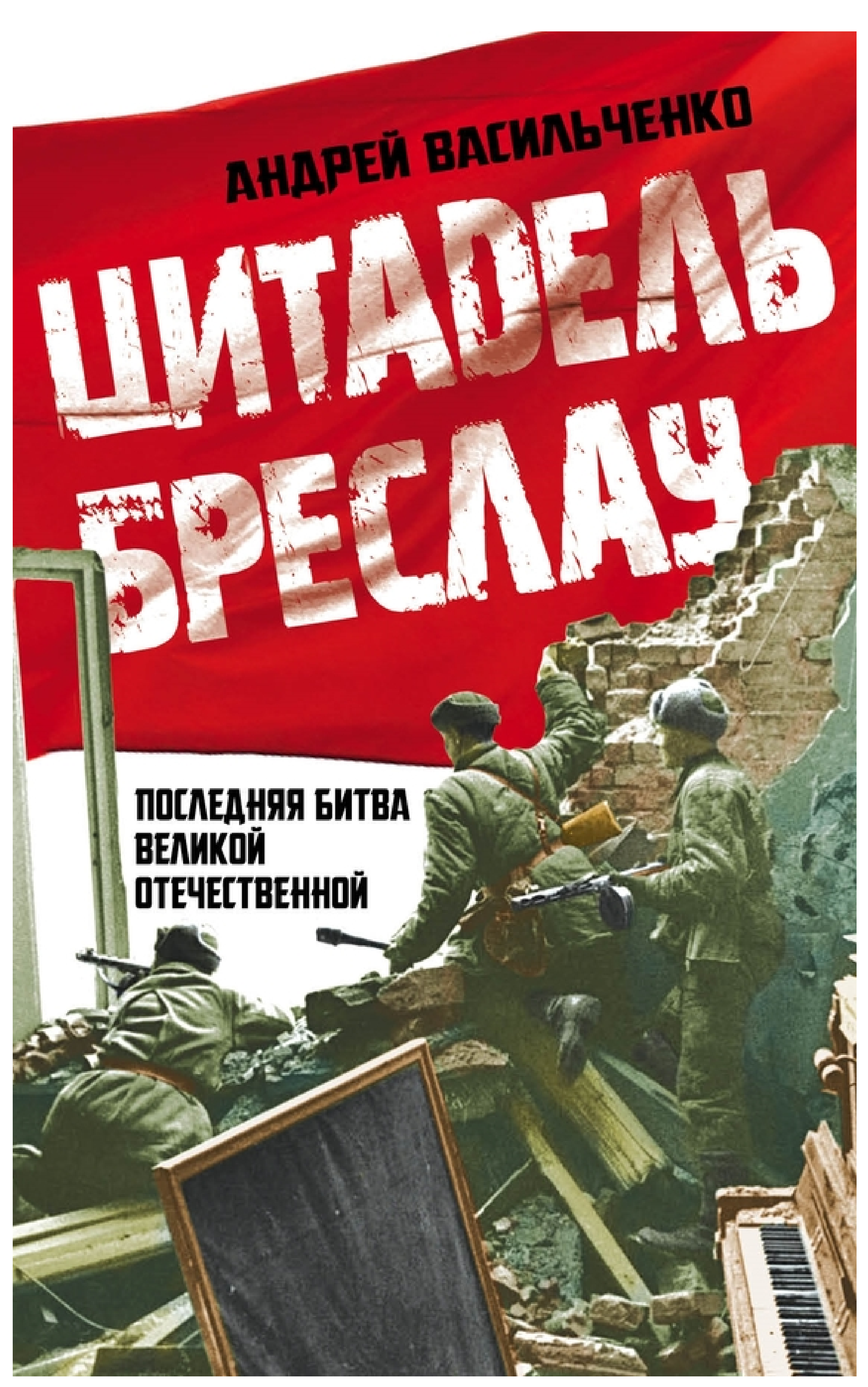
Андрей Вячеславович Васильченко
Цитадель Бреслау. Последняя битва Великой Отечественной

Освобождение Европы –

Васильченко А. Цитадель Бреслау. Последняя битва Великой Отечественной
М.: Алгоритм, 2015. – 290 с.

Аннотация

Города Бреслау больше нет. По итогам Войны он отошел к Польше и теперь называется Вроцлав. Именно Бреслау, а не Берлин стал последней цитаделью гитлеровского зверя.

Восемьдесят дней осажденный гарнизон и бойцы Фольксштурма оказывали отчаянное сопротивление Красной Армии, сковывая действия 13 советских дивизий. Гитлер даже назначил гауляйтера Бреслау Карла Ханке последним рейхсфюрером СС. Непокорный город, оказавшийся в глубоком советском тылу, капитулировал лишь 6 мая 1945 года, уже после самоубийства фюрера и падения Берлина.

Советские историки не любили вспоминать это последнее сражение. Но нельзя забыть подвиг советских солдат, которые смогли блокировать и принудить к капитуляции самую неприступную крепость Третьего Рейха. Известный историк Андрей Васильченко представляет самое полное исследование падения Бреслау.

Андрей Васильченко
Цитадель Бреслау. Последняя битва Великой Отечественной

Введение

Некоторым из отечественных историков и любителей истории известно, что силезская столица – город Бреслау (нынешнее польское название – Вроцлав[1]) – в течение несколько месяцев осаждалась советским войсками и капитулировала только в мае 1945 года. Впрочем, широкая публика вряд ли знает о существовании подобного «немецкого Ленинграда». Ей так же вряд ли известно, что за время осады в этом городе погибла большая часть из 250 тысяч мирных жителей, тех самых жителей, которые, опасаясь неизвестности и тягот эвакуации, предпочли остаться в родном городе. И уж почти никому не известно, что остановить кровопролитие в этом крупном немецком городе удалось благодаря рискованным переговорам, которые вели представители евангелической и католической общин, невзирая на угрозу со стороны гестапо. Сам факт таких переговоров мог закончиться для многих христианских священников весьма плачевно. Предложение о капитуляции даже в 1945 году продолжало рассматриваться как пораженчество, что, в свою очередь, приравнивалось к государственной измене. Но именно этот рискованный шаг позволил сохранить жизнь многим жителям.

Сама же длительная осада этого силезского города в немецкой историографии получила наименование «чуда Бреслау», что уже само по себе указывает на уникальность подобных событий. О «чуде Бреслау» стали писать уже в 50-60-ые годы. Достаточно упомянуть использованные при написании данной работы мемуары комендантов фон Альфена и Нихофа «Так сражался Бреслау», художественный роман Хуго Хартунга «Небо под ногами» и его опубликованные дневниковые записи, заметки Пауля Пайкерта «Крепость Бреслау в записях священника» и, конечно же, подробное описание жизни осажденного города, которые было дано очевидцем и активным участником этих событий, священником Эрнстом Хорнигом. Это покажется странным, но участники тех событий были более сдержанны в своих суждениях, нежели более поздние исследователи данной проблемы. В конце 70-х-начале 80-х годов к Бреслау вновь проявляется интерес. Но данная заинтересованность носит откровенно политический характер. Польские исследователи пытаются доказать правомочность своих притязаний на Силезию (Тереза Созаньска, Рычард Майески, «Битва за Бреслау»), а немецкие исследователи переходят на откровенные националистические позиции, пытаясь сосредоточиться на зверствах, творимых Красной Армией, а в особенности поляками (серия публикаций в журнале «Ландзер»). Изданная много позже работа Франца Куровски «Последний бастион Гитлера» и вовсе уделяет Бреслау всего лишь несколько страниц. Автор, как бы опасаясь обвинений в предвзятости, явно не хочет замечать «чуда». Впрочем, весь этот разнородный материал является отличным фундаментом для того, чтобы написать работу, посвященную малоизученному в отечественной науке сюжету – осаде Бреслау.

Сам по себе Бреслау был очень древним поселением. Во времена господства «варваров» в Европе в районе Бреслау располагался крупный перевалочный пункт, где пересекались торговые пути, идущие с востока (продукты и сырье) и с запада (украшения и готовые металлические изделия). Позже здесь стали пересекаться торговые пути, которые вели от Балтийского моря через Вену в Венецию. Здесь шла оживленная торговля янтарем. Здесь также оседала часть пушнины, которая направлялась из России к берегам Рейна. В 10 веке Бреслау (уже резиденция епископа) с примыкавшими к нему территориями вплоть до Одера, перешел под контроль Богемии. За эти земли развернулась нешуточная борьба. В итоге контроль над ними перешел к силезской ветви Пястов[2], которые породнились с немецкими князьями. В 1241 году вся округа была уничтожена во время набега монголов. Новое основание города было тесно связано с немецкими переселенцами из Франконии, Тюрингии и Нижнего Рейна. В 1526

---

[1] Далее по тексту будет применять исключительно немецкое название города.

[2] Пясты (Piasty) – польская княжеская и королевская династия.

году Силезия вместе с Богемией перешла под контроль империи Габсбургов. Но в свете того, что династия Пястов заглохла, на Силезию свои права предъявил прусский король Фридрих II. В итоге разразились так называемые силезские войны, которые Фридрих II Прусский вел против Марии-Терезии и ее союзников. Первая Силезская война длилась с 1740 по 1742 год. После битв при Мольвице и Хотузице она привела Фридриха к власти почти над всей Силезией. Вторая Силезская война была начата Фридрихом два года спустя вследствие угрожающего поведения Австрии, Англии и Голландии. Она закончилась подтверждением прав Пруссии на Силезию. Третья Силезская война по сути была частью Семилетней войны. В 1762 году Фридрих окончательно вытеснил австрийцев из Силезии, одержав над ними несколько побед. 15 февраля 1763 года в Губертусбурге на условиях status quo был заключен мирный договор. В итоге в составе Пруссии возникло новое графство Глац. Австрия сохранила контроль лишь над юго-восточной частью Силезии, которая стало именоваться графством Тешен со столицей в одноименном городе. В XIX веке Бреслау становится одним из крупнейших городов в Восточной Германии. Если говорить о времени нацистской диктатуры, то по состоянию на 1939 год в нем проживало 630 тысяч человек. С началом Второй мировой войны город не только не уменьшился, но, наоборот, увеличил свою численность. Это было связано в первую очередь с тем, что сюда, в Бреслау с западных окраин Германии перемещались многие военно-значимые промышленные предприятия. В итоге численность населения Бреслау превысила миллион человек.

Глава 1. Красный рассвет

Фронт группы армий «А», которой позже вернули старое наименование – группа армий «Центр», к началу 1945 года проходил по территории Польши, начиная от Бескид[3] вплоть до районов, примыкающих к северу к Варшаве. Линия фронта, проходившая по территории нынешней Польши, стабилизировалась осенью 1944 года после стремительного советского наступления, начатого в июне того же года. Эта советская лавина вошла в историю под названием операции «Багратион». Немецкий генералитет видел, что стратегическое положение советских войск, а именно, три плацдарма, расположенные к западу от Вислы, угрожали обороне таких городов как Баранов, Пулавы и Магнушев. Но гораздо больше немецкий генералитет беспокоило значительное численное преимущество Красной Армии: 11-кратное – в пехоте, 7-кратное – в танках и просто неисчислимое в различных видах артиллерии. После войны один из участников этих событий писал:

«Не исключено, что Красная Армия для запугивания немецких войск громогласно заявила, что она начнет наступление с артиллерийской подготовки, когда на один километр фронта будет приходиться по 250 орудий. Но сведения о подобных грандиозных батареях не были ни дезинформацией, ни пропагандистским ходом, а сущей правдой!»

Ожидаемое в начале 1945 года Верховным командованием сухопутных войск Германии крупное советское наступление началось 12 января. Незадолго до этого, где-то в середине декабря 1944 года, Гудериан предложил перебросить часть войск с Западного фронта на Восточный, а также сформировать сильную резервную армию, которая бы расположилась между Лодзью и Гогензальцем. Гитлер отказался осуществить этот план. Его больше волновали военные события в Венгрии, где Красная Армия штурмовала Будапешт. События на юго-востоке Европы интересовали фюрера, так как он полагал, что главной стратегической задачей Германии было сохранение контроля над нефтяными районами Венгрии.

Как уже говорилось выше, группа армий «А» была вынуждена перебросить в венгерский регион огромное количество своих частей. В этих условиях начальник штаба группы армий генерал-лейтенант Ксиландер вместе со штабными офицерами и командирами частей провел штабные учения. Уже в декабре 1944 года в военных росла озабоченность возможностью противостояния крупному советскому наступлению. Предполагаемая сила и направления ударов Красной Армии основывались на данных, которые поставляла разведка в течение последних месяцев. При этом собственную «оборону» немецкие офицеры строили в строгом соответствии с имеющимися в их распоряжении частями. В ходе этого штабного учения, которое длилось по одним сведениям восемь, а по другим сведениям двенадцать часов, был сделан потрясающий вывод. В ходе генерального наступления советские войска широким фронтом могли за какие-то шесть дней приблизиться к границам Силезии. В данных условиях единственной реальной задачей для штаба группы армий «А» могла быть организация обороны, чтобы хоть как-то воспрепятствовать продвижению частей Красной Армии в направлении Ратибора и Глогау[4].

Таким образом, проведенное учение показало, что имеющихся в распоряжении группы армий «А» сил (ни на фронте, ни в резервах) явно не хватало для того, чтобы помешать советским войскам выйти к силезским границам. Так как из документов группы армий «А» следовало, что ее командование не рассчитывало на пополнение резервов, то вполне логичным является то, что немецкие военные стали искать другой путь предотвращения военной катастрофы, нежели оборонительные бои. Исходя из имеющихся данных, генерал Ксиландер стал готовить проект операции «Катание на санях». В основных чертах данный проект выглядел следующим образом. Не самая сильная группировка Красной Армии, располагавшаяся к югу от Вислы, должна была атаковать участок фронта по реке Дануец.

[3] Бескиды – возвышенный район Малых Карпат.

[4] Нынешнее польское название – Глогув.

Целью данного наступления виделся охват с двух сторон города Тарнов[5]. Подобная операция советских войск позволила бы провести крупную наступательную операцию на южном фланге у изгиба Вислы. Далее предполагалось, что с плацдарма в Баранове части 4-го Украинского фонта, которым командовал маршал Конев, при значительном перевесе в танках и артиллерии прорвут немецкую оборону и начнут стремительное движение в направлении Одера, захватывая Ратибор и Бреслау. Закрепившись в данных районах, советские войска, по мнению немецкого генерала, должны были использовать эти плацдармы для дальнейшего разворачивания наступления.

При всем этом у немецких офицеров не вызвало сомнения, что связь с частями Вермахта, которые располагались по течению Вислы к северу от Баранова, будет моментально утрачена.

Далее предполагалось, что войска под командованием маршала Жукова, находившиеся на северном Висленском плацдарме под Магнушевым, будут развивать наступление в направлении Литцманштадта (Лодзи) и Познани. Результатом данной операции должен был стать выход к Одеру и блокирование с двух сторон Франкфурта-на-Одере. Это позволило бы создать Красной Армии очень выгодный плацдарм, открывавший путь на Берлин. Связь между двумя этими крупными стратегическими прорывами в линии немецкой обороны должна была поддерживать более скромная по своим силам группировка, которая, как предполагалось, должна была двигаться в направлении Радома с плацдарма под Пулавами. Именно эта войсковая группа позволяла бы оперативно координировать действия Жукова и Конева.

Прорыву немецких позиций должна была предшествовать внезапная и ураганная артиллерийская подготовка, которая в первые же часы должна была смести значительную часть находившихся в обороне немецких войск. Данные разведки, предоставленные в штаб группы армий «А», не оставляли Ксиландеру сомнений – многократное превосходство Красной Армии в артиллерии в любом случае обеспечивало прорыв линии обороны. В случае длительного обстрела немецкие войска были бы просто-напросто уничтожены без вступления в бой. Минимальное количество резервов, которыми располагала группа армий «А», не смогло бы позволить остановить советское танковое наступление в Польше даже у естественных преград вроде рек Пилица и Варта.

Ксиландер предполагал вывести из-под ураганного обстрела немецкие части, что позволило бы не только значительно сократить количество потерь, но и предоставляло возможность навязать советским войскам, резко продвинувшимся вперед, серию оборонительных боев, в которых бы Красная Армия временно не смогла использовать свое преимущество в артиллерии. Кроме этого предполагалось, что утомленные марш-броском советские войска не будут хозяевами положения. Они не сами будут выбирать время и место для сражений. С тактической точки зрения это могло стать преимуществом для немцев, которые могли принуждать принимать бой, когда они занимали более выгодные позиции. При этом особое внимание уделялось расширению района боевых действий, что могло расщепить танковые кулаки Красной Армии, лишив их, хотя бы отчасти, своей прежней пробивной способности. Поскольку для решения данной задачи окрестности Вислы никак не подходили, так как у Красной Армии там было три выигрышных плацдарма, то было решено, что для навязывания боев идеально сгодился бы район бывшей немецко-польской границы. Предполагалось, что значительно превосходившие по численности советские войска увязнут в нем в серии небольших боев, и в итоге советское генеральное наступление заглохнет и остановится. Как видим, у группы армий «А» был один-единственный шанс, который давал хоть мизерную, но все-таки возможность перехвата стратегической инициативы. Но для этого, повторюсь, надо было вывести немецкие войска из-под огня советской артиллерии, что означало хорошо подготовленное отступление. Только так немцы смогли бы более-менее успешно использовать свои крошечные резервы. Но отступление должно было начаться в сроки, максимально близкие к началу советского генерального наступления. Если бы отступление стартовало слишком рано, то в штабах Красной Армии могли понять, что замысел был раскрыт. В данной ситуации советские войска могли бы в любой момент провести

---

[5] Польское название – Тарнув.

перегруппировку. Идеально для отхода от линии фронта немецких войск подходили две ночи, предшествующие советскому наступлению. Но в данной ситуации единственной проблемой было установить точную дату начала операции. Командование группы армий «А» полагалось на данные разведки, считая их предельно точными. В итоге замысел был отчасти оправдан. Красная Армия должна была обрушить артиллерийский огонь на пустые позиции или территории, удерживаемые весьма незначительными воинскими группами. Но это не исключало риска, что артиллерийский огонь при раннем распознавании замысла немцев мог быть перенесен с передовой части фронта в оперативный тыл, в места, где продолжали находиться склады боеприпасов. Более того, своевременное распознавание немецкого маневра могло обернуться стремительным броском советских танков.

Чтобы избежать этих опасностей, немецкий отход с передовой должен был быть лишь первым актом, за которым должна была последовать мощная контратака. Только так немецкая группировка в Силезии могла сохранить боевую инициативу. В штабе группы армий полагали, что когда советскому командованию станет известно, что артиллерийская подготовка не достигла своих целей, то наступление будет сворачиваться, а наступающие части Красной Армии будут продвигаться вперед более осторожно, так сказать, на ощупь.

Расчет немцев был прост: Недостаток в боевой технике и живой силе предполагалось компенсировать контратакой всеми имеющимися в распоряжении войсками, которые должны были быть направлены на уничтожение «наконечников» советских клиньев, нацеленных вглубь немецких позиций. В итоге было принято решение, что все имеющиеся резервы и большинство пехоты надо было бросить на полное уничтожение одного из советских клиньев, в то время как на других направлениях наступающие части Красной Армии должны были увязнуть в боях. Немцы должны были выбрать новые позиции для обороны, которые были хотя бы временно недоступны для советской артиллерии. После уничтожения одного из клиньев предполагалось перебросить опять же все имеющие силы на уничтожение другого.

В итоге командование группы армий «А» выработало следующий оперативный план. Немецкие части уклонялись от боев с идущими в прорыв советскими частями, давая оборонительные сражения лишь на новых позициях, которые находились близ Губертусбурга. Затем группа армий «А» силами всех имеющих резервов и танковой техники должна была атаковать советские части, наступающие с плацдарма у Магнушева, взять в их клещи и уничтожить. Данная наступательная операция должна была осуществляться силами 9-й армии при поддержке XXIV и XL танковых корпусов.

Кроме собственно боевых действий важную часть плана, разработанного Ксиландером, составляла эвакуация ведомств 4-й танковой армии и южного крыла 9-й армии, а также значительной части гражданских учреждений польского «генерал-губернаторства» за линию Краков-Пилица-Лодзь.

К Рождеству 1944 года, то есть к 24 декабря, подробно разработанный план операции «Катание на санях» был представлен Верховному командованию сухопутных сил Германии, которое в целом его одобрило, но, решив подстраховаться, передало его на согласование в Верховное командование Вермахта. В Верховном командовании Вермахта, которое было более политизировано, получить одобрение этого плана было гораздо сложнее.

В ожидании одобрения плана в прифронтовой зоне части группы армий «А» стали готовиться к оставлению занимаемых территорий и отходу в оперативный тыл. В очередной раз делались все расчеты, проверялась готовность к отходу на позиции к Губертусбургу, где уже готовились оборонительные укрепления. Тем временем немецкая разведка смогла добыть сведения о том, что зимнее генеральное наступление Красной Армии начнется либо 11, либо 12 января. В соответствии с этой датой принимались конкретные меры для начала тактического отхода.

Позже один из офицеров штаба группы армий «А» будет вспоминать:

«В начале января мы осуществили часть запланированных мероприятий по дезинформации противника в районе барановского плацдарма. Враг не должен был раскрыть наших замыслов. Но сохранить секретность было очень сложно, так как в этом регионе участились случаи появления советских самолетов-разведчиков».

А тем временем начальник генерального штаба сухопутных сил Гудериан делал все возможное, чтобы спасти Восточный фронт от катастрофы. Он пытался переубедить догматически настроенного Гитлера. Предложения Гудериана сводились, по сути, к одному пункту – надо как можно быстрее было перебросить с Западного на Восточный фронт в район Одера полностью укомплектованную 6-ую танковую армию СС. Он поддерживал план операции «Катание на санях» и всячески противился безумию, которое задумал Гитлер в Венгрии[6]. По мере осуществления данных мер Гудериан был готов устранить угрозу, нависшую над Восточной Пруссией. Затем можно было деблокировать «крепость» Курляндия. Новое генеральное наступление на Восточном фронте можно было начинать на этом плацдарме, куда войска перебрасывались бы по морю.

Но все попытки изменить мнение Гитлера были тщетными. Все осталось на своих местах. Он и слышать не хотел даже о тактическом отступлении. В итоге было запрещено осуществлять операцию «Катание на санях».

12 января 1945 года, как и рассчитывала немецкая разведка, началось генеральное наступление Красной Армии. Как и предполагал Ксиландер, советская артиллерийская подготовка в буквальном смысле слова смела все передовые части Вермахта. Тысячи солдат погибли, даже не вступив в бой! 20 января, то есть 8 дней спустя после начала наступления, передовые танковые части Красной Армии подошли к границе Силезии. Положение становилось критическим. Ксиландер как автор проекта операции «Катание на санях» сказал одному из своих сотрудников:

«Если нам удастся перехватить стремительное русское наступление на рубеже А-1 или хотя бы у силезской границы, то можно говорить, что наша миссия выполнена. Большего вряд ли можно будет достичь. В данном случае промышленность Верхней Силезии продолжит свою работу, снабжая нашу армию, которая выкинет врага с немецкой земли. Благодаря этому высшее руководство рейха сможет выиграть время и превратит нынешнюю военную ситуацию в политический акт».

Другой немецкий офицер вспоминал, что Ксиландер был ответственным и дальновидным военным деятелем, который следовал словам Мольтке о том, что «стратегия является системой поддержек». Но словам Ксиландера не было суждено сбыться. Гитлеровская стратегия оказалась гибельной для Германии. Сам Ксиландер погиб 14 февраля во время перелета в Дрезден. В те дни некогда цветущий Бреслау уже являл собой сплошные развалины.

Как видим, еще до начала зимнего наступления 1945 года отдельные представители немецкого командования разрабатывали планы, которые бы позволили избежать катастрофы. Но этим планам не было суждено сбыться, так как против них решительно выступил сам Гитлер.

Наступление частей 4-го Украинского фронта, которым командовал маршал Конев, стартовало с Сандомерского плацдарма (в немецкой литературе он обозначается как Барановский плацдарм). Наступление было настолько мощным, что части 4-й танковой армии почти моментально были уничтожены. В силу того, что оперативные резервы на этом участке располагались слишком близко к линии фронта, они были уничтожены вместе с танковыми подразделениями. Многие из них так и не вступили в бой, поскольку были сметены во время ураганной артиллерийской подготовки. Как предполагали немецкие штабисты, уже 18 января 1945 года части Красной Армии приблизились к границам Силезии. На следующий день они вступили на территорию Верхней Силезии, единственный на тот момент исправно работающий индустриально-промышленный район Германии.

---

[6] В Венгрии планировалось осуществить деблокирование Будапешта, для чего туда перебрасывались огромные силы.

20 января советские войска заняли Крейцбург[7] и Розенбург[8]. 1 февраля части Красной Армии вступили в промышленный район, до этого фактически не тронутый воздушными налетами и бомбардировками. Русские войска продвинулись вплоть до линии Бейтен[9], Глейвиц[10], Альт-Козель. Советские войска быстро достигли округов Бреслау Бриг[11] и Штайнау[12]. Именно отсюда в первые дни февраля началось окружение Бреслау. Немецкие войска не смогли противостоять ему. 15 февраля 1945 года кольцо окружения вокруг Бреслау было замкнуто.

Немецкая линия обороны рухнула почти в одночасье, когда части Красной Армии начали свое зимнее генеральное наступление. Уже после войны немецкие генералы, словно оправдываясь, говорили о том, что делали все возможное, чтобы предотвратить катастрофу. Они возлагали вину за крушение фронта на Гитлера. Отчасти они были правы – именно Гитлер лишили группу армий «А» всех резервов и большей части танков техники, перебросив их под Будапешт, которому он уделял гораздо большее внимание, нежели территории Силезии, откуда открывались врата на Берлин. Отсутствие оперативных резервов и слишком тонкая линия обороны, по мнению немецких военных, привели к тому, что столица Нижней Силезии, город Бреслау, слишком рано оказался втянут в водоворот военных действий.

---

[7] Районный центр в Верхней Силезии, по состоянию на 1937 года – 12800 жителей. Польское название – Ключборк.

[8] Районный центр в Верхней Силезии. По состоянию на 1937 года – 6100 жителей. Польское название – Олесно.

[9] Верхний Бейтен, город в Верхней Силезии, 51тысяча жителей; центр верхнесилезской горной и металлургической промышленности, каменноугольные копи, цинковые, и свинцовые руды.

[10] Глейвиц – 52 тысячи жителей. Центр верхне-силезской горной и металлообрабатывающей промышленности, машиностроения и стекольной промышленности.

[11] 38500 жителей, польское название – Брцег.

[12] 5100 жителей, польское название – Сцинава.

Глава 2. Как становятся крепостями

После того, как в ходе летнего наступления 1944 года Красная Армия продвинулась вплоть до Карпат и Средней Вислы, она оказалась фактически у ворот Варшавы и границ Восточной Пруссии. Именно в это время Гитлер отдает приказ об осуществлении плана по строительству целого ряда оборонных укреплений. В августе 1944 года множество городов «немецкого Востока» провозглашаются «крепостями». Был среди них и Бреслау.

По сути, Бреслау никогда не был крепостью как таковой. Единственными реальными военными укреплениями в нем были воздвигнутые еще во времена наполеоновских войн бастионы. Более ста лет Бреслау никто не воспринимал как военный объект и уж тем более как крепость. Однако с началом Первой мировой войны в 1914 году силезскую столицу в срочном порядке «армировали», то есть оснастили быстровозводимыми оборонными укреплениями. В городе были также сформированы запасы продовольствия, которые могли использоваться в случае осады. Эти военные строения, которые получили наименование «пехотных сооружений», И-Верков (I-Werke), сохранились вплоть до Второй мировой войны. Они представляли собой укрепления, возведенные из не самого качественного бетона. В принципе, И-Верки могли защитить от пуль и осколков снарядов небольшого калибра, но отнюдь не от тяжелой артиллерии. Их можно было использовать в качестве командных пунктов, а также как укрытие от непогоды. Но ни в 1914, ни позже, в 1944 году в городе не возводилось реальных крепостных сооружений. Всего же в Бреслау было двенадцать пехотных построек. Пять из них располагались на северных рубежах чуть к югу от запруженных пастбищ, еще два – на юго-востоке, и пять – на юго-западе и западе. Во времена Веймарской республики, когда царил Версальский диктат, весьма существенно ограничивавший возможности развития армейского дела, рейхсверу удалось под видом дамб, защищающих город от наводнений и разливов Одера, соорудить некие железобетонные сооружения, которые больше напоминали бункеры, оснащенные пулеметными гнездами. Но реальная боевая ценность всех этих укреплений была ничтожной. А потому нельзя говорить о Бреслау как о «классической крепости». Его провозглашение таковой в 1944 году было в большей степени символическим жестом, который указывал на исключительную значимость этого города. Действительно, Бреслау был не только сердцем Силезии, но и крупным транспортным узлом, который располагался всего лишь в каких-то 300 километрах от плацдарма в Баранове, откуда могла начать (и начала) свое наступление Красная Армия. Так что появление Бреслау-крепости было всего лишь подтверждением серьезности военного положения, сложившегося на Востоке.

Что требовалось для того, чтобы Бреслау из «открытого города», каковым он был до войны, превратился в «крепость»? Можно привести лишь только короткий перечень того, что приличествовало иметь крепости. Это комендант крепости со своим собственным штабом, это крепостные войска и отдельный от них крепостной гарнизон. Это крепостные орудия, отдельный узел телефонной и телеграфной связи, хотя бы подобие аэродрома, что позволяло бы снабжать крепость по воздуху[13]. Это склады с огромным количеством самых различных запасов: боеприпасов, оружия, амуниции, горючего, лекарств и перевязочных материалов, продовольствия. Ну и, конечно же, крепость – это бастионы.

Этот огромный список необходимых условий для возникновения «реальной» крепости начал претворяться в жизнь с огромнейшим запозданием. Первый комендант крепости генерал-майор Краузе не очень-то спешил с «крепостными работами». Да и комендантом он был назначен с огромной задержкой. Напомню, что Бреслау был провозглашен крепостью в августе, а комендант у крепости появился только 25 сентября. Но куда хуже пустой траты времени было неясное положение в городе коменданта крепости и его штаба. Свой действительный статус они обрели лишь в феврале 1945 года, когда красноармейцы уже брали штурмом пригороды Бреслау.

---

[13] Появление первой крепости – Демянска, под которой в 1942 году в советское окружение попала крупная немецкая группировка, неразрывно связано с существованием «воздушного моста».

Когда летом 1944 года Гитлер подписал приказ, в котором Бреслау, как и несколько других городов, провозглашался «крепостью», судя по всему, никто не воспринял это распоряжение фюрера всерьез. Даже партийные чиновники посчитали его просто красивым жестом. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за несколько месяцев с момента провозглашения Бреслау «крепостью» никто ничего не сделал для усиления его обороноспособности. Никто не помышлял готовиться к обороне города. В результате располагавшаяся к югу от города высокая дамба, по которой пролегали четыре железнодорожные колеи, оказалась незащищенной. Сама же эта постройка находилась в весьма невыгодном для обороны города месте. Но гауляйтер Ханке[14] даже не думал что-то исправлять в данной ситуации. Он в качестве Имперского комиссара по вопросам обороны предпочел дать старт для помпезной акции «Бартольд», в ходе которой противотанковые рвы и укрепления возводились едва ли не в районе бывшей немецко-польской границы. В итоге они оказались изрядно удалены от города. Как показала практика, все эти приготовления оказались бессмысленной тратой времени. Использовать эти укрепления во время осады города не было никакой возможности. Эрих Шёнфельдер, офицер, принимавший участие в обороне Бреслау, вспоминал по этому поводу:

«План превращения Бреслау в крепость предусматривал наличие внешнего и внутреннего кольца. Внешнее кольцо обороны должно было быть протяженностью в 120 километров. На этом рубеже позиции должны были занять пять дивизий. Он должен был тянуться от Требница, через Бингерау, Пойке, Фюнфтайхен, деревню Мерц, Ротзюрбен, Кант, пересекать Одер и заканчиваться у того же Требница. Строительство этого рубежа было чисто партийным проектом».

Даже если бы этот оборонительный рубеж был вовремя построен, то сам собой напрашивается вопрос: могли ли вовремя на нем закрепиться в случае возникновения реальной угрозы со стороны Красной Армии пять немецкий дивизий? Ответ на него дало стремительное советское наступление, которое поставило крест не только на возведении внешнего оборонительного рубежа, но и на всех планах обороны города.

С самого начала своей деятельности штаб крепости должен был выполнять функции штаба дивизии, а возможно, даже более крупного воинского соединения. Но требования генерала Краузе создать специальный штаб корпуса, а также самостоятельный штаб крепостных саперов, которому бы подчинялись силы, возводящие «крепость», не были выполнены.

Собственно коменданту крепости непосредственно подчинялись только гарнизонный батальон и пехотный батальон 599, которые были укомплектованы старыми и больными людьми. В течение осени 1944 года командование армии приложило немало усилий, чтобы сформировать полноценный крепостной гарнизон, подчиняющийся непосредственно коменданту. В Бреслау были сформированы шесть крепостных артиллерийских батарей и по одной роте связи и саперов. Крепостные батареи по большому счету не были армейскими

[14] Карл Август Ханке родился 24 августа 1903 года в городке Лаубане, который находился в правительственном районе Лигнитц провинции Нижняя Силезия. Отец Ханке работал на железной дороге инженером локомотивов, и семья хотя и была не богатой, но не бедствовала. У Ханке был младший брат – он погиб во время Второй мировой войны. Четыре года Карл посещал народную школу в Лаубане, а в 1914-м поступил в гимназию. 7 августа 1920 года Ханке поступил в рейхсвер «временным добровольцем». Проходить службу его направили в 19-й пехотный полк, дислоцированный близ Франкфурта-на-Одере. Уволившись из армии в августе 1921 года, Ханке поступил в Немецкую мукомольную школу в Дипполисвальде и после ее окончания в 1923 году год проработал в железнодорожном депо родного Лаубана и на мукомольном производстве. После этого он на протяжении трех лет работал управляющим на различных мельницах в Силезии, Баварии и в Тироле. В 1920-х годах Ханке примкнул к национал-социалистическому движению, но пока речь шла только о политических симпатиях молодого человека. В 1928 году Ханке окончил курсы при Педагогическом институте (Berufspddagogischen Institut) в Берлине и получил право преподавать в реальном училище (по обучению все тому же мукомольному делу). В том же году он поступил на работу в училище в Берлине-Штеглице в качестве мастера по мукомольному делу. В том же году началась и его партийная карьера. 1 ноября 1928 года он вступил в НСДАП, получил билет № 102 606, а в 1929 году – в СА (до 1931 года он числился в резерве СА).

частями, они состояли из фольксштурмистов, которые прошли двухнедельные подготовительные курсы. На их вооружении стояли в основном трофейные орудия: французские, советские, югославские, польские. Часть из них была лишена приборов оптического наведения и таблиц стрельбы, которые после окружения города можно было доставить только по воздушному мосту. Для вооружения подразделений Фольксштурма имелось совсем немного запасов. В целом формирование крепостных подразделений постоянно сталкивалось с огромными материальными трудностями.

В целом создаваемые части очень сложно было назвать классическом «гарнизоном крепости». Кроме этого, генерал Краузе не был наделен полномочиями использовать соединения сухопутных сил, Ваффен-СС и Люфтваффе для пополнения гарнизона. Они подчинялись ему только в вопросах внутреннего порядка на время пребывания в Бреслау, что никак не относилось к боевому использованию.

В самом городе складывалась странная ситуация. В «крепости» не было ни крепостных сооружений, ни крепостных орудий, но в изобилии было военных госпиталей и медицинского персонала. С сентября 1944 года по конец января 1945 года Бреслау ничем не напоминал крепость. Генерал фон Альфен, ставший следующим комендантом крепости, писал в своих мемуарах:

«Никак не мог избавиться от ощущения, что отданный в августе 1944 года Верховным командованием приказ здесь, равно как и во многих других местах, не был воспринят всерьез. А как иначе можно объяснить упущения, основные из которых я перечислю ниже: отсутствие главного штаба, который бы прямо с августа 1944 года занимался превращением Бреслау в крепость; недостаточный уровень организации крепостных войск; недостаточное вооружение и плохое снабжение боеприпасами; упущение возможности снабжения города по воздуху на случай осады».

Кроме этого, не уделялось внимания тому, чтобы саперы вовремя начали осуществление технических мероприятий, выполнение которых позволило бы Бреслау справиться со своими задачами в роли крепости. На указанный момент командование армии даже не навело справки о том, как осуществлялась оборона крупных городов во время Второй мировой войны. Хотя казалось само собой разумеющимся найти грамотного артиллериста и сапера, связиста и офицера, сведущего в проблемах снабжения по воздуху, дабы те не только основательно изучить все прилегающие к городу территории, но и за картами выработать бы несколько вариантов возможного развития событий. Собственно квартирмейстер – полковник Хауэншильд – был назначен только после многочисленных требований и просьб генерала Краузе. Однако в ноябре 1944 года по выслуге лет (полковник был весьма преклонного возраста) он был освобожден от этой должности. На некоторое время в Бреслау никто не занимался вопросами поставок и снабжения. Новый квартирмейстер – молодой майор – появился в Бреслау лишь в январе 1945 года. Он тут же активно приступил в работе, но время было упущено, город со дня на день должен был погрузиться в хаос. В любом случае, отсутствие четкого военного руководства заранее снижало шансы Бреслау на военный успех. Возможно, высшее командование было успокоено тем, что оборону Силезии должны были осуществлять солдаты, в основном мобилизованные из состава местного населения. Однако в самом Бреслау ограниченные права коменданта крепости привели к тому, что солдаты не проходили должной подготовки, с ними даже не проводились тактические занятия на местности. В романе Хартунга «Небо под ногами» весьма красочно показано, что Бреслау, который не был на самом деле никакой крепостью, оборонялся солдатами Вермахта, которые по большому счету не были солдатами. В нем в одном из эпизодов описывается, что мобилизованные жители не получили никакой подготовки.

Кроме немногих слабых оборонительных сооружений, которые имелись в Бреслау еще накануне войны, в городе не было никакой военной инфраструктуры. По этой причине надо было предварительно создавать линию обороны. Основные ее контуры были намечены еще в конце августа – начале сентября 1944 года, то есть накануне прибытия генерала Краузе. Проблема Бреслау заключалась еще в том, что в ряде вопросов не было единоначалия. Так, например, Бреслау, как все «восточные крепости», с тактической точки зрения подчинялся

генерал-полковнику Штраусу, чей штаб располагался во Франкфурте-на-Одере. Но при этом в вопросах снабжения войска, располагавшиеся в окрестностях города, должны были подчиняться командованию 8-го военного округа. Для обороны Бреслау было предусмотрено пять дивизий, три из которых должны были располагаться на восточном, а остальные две – на западном берегу Одера.

Как уже говорилось выше, создание оборонительных сооружений началось очень поздно. Да и сам факт начала их возведения был во многом связан с инспекционной поездкой генерал-полковника Гудериана в крепость Глогау. Там имелись старые крепостные сооружения, возведенные еще в XIX веке, но, в отличие от Бреслау, в Глогау ставка была сделана на расширение так называемого «внутреннего кольца». Его несомненное тактическое преимущество состояло в том, что оно могло удерживаться даже незначительными боевыми силами. Однако для сооружения линии обороны протяженностью почти в 120 километров в Бреслау не было сил. Кроме этого, на этом протяженном участке должны были действовать всего лишь пять дивизий. Нельзя списывать со счетов негативное влияние, которое оказывал местный гауляйтер. Однако к его голосу как Имперского комиссара по вопросам обороны не имели права не прислушиваться. В итоге в январе 1945 года все имеющиеся в распоряжении силы были брошены на создание «внутреннего кольца» в Бреслау. В спешном порядке удалось создать некоторое подобие оборонительных сооружений.

Но не стоило забывать о том, что в спешке при создании «внутреннего кольца» было допущено множество просчетов. С юга и юго-востока Бреслау окружала мощная железнодорожная дамба. Начальник штаба строительных работ «Юг» капитан Эбергардт Зейферт еще осенью 1944 года предложил использовать это техническое сооружение для обустройства складов боеприпасов и помещений, которые могли потребоваться войскам. Данное решение было недальновидно отклонено. Во-первых, армейские чины ссылались на недостаток нужных для этого специалистов. Во-вторых, против этого решения выступило руководство Имперской железной дороги (рейхсбана), которое намеревалось использовать проходившие по дамбе железнодорожные пути как запасные ветки, которые могли пригодиться в случае активных воздушных налетов на вокзалы Бреслау. Причину того, что подобные странные сомнения не были тут же устранены, нужно искать в том, что саперные части не имели грамотного командира, а штаб крепости не был полностью укомплектован. Шахтеры верхнесилезского региона являлись достаточной силой, способной сделать в дамбе несколько капитальных укреплений, которые без какого-либо вреда для железной дороги могли использоваться во время боев за «внутренне кольцо».

Если «внешнее кольцо» обороны оставалось наполовину законченным, то оно все равно не было бесполезным. Эти сооружения использовались немецкими частями много позже для своих вылазок, которые длились до весны 1945 года.

12 января 1945 года началось советское наступление. Поскольку Вермахт не имел ни малейшей возможности его остановить, то были предприняты две меры, которые имели для Бреслау исключительное значение. Это были поспешное приведение гарнизона крепости в боеготовность и организация обороны к востоку от Одера и по обе стороны от Бреслау, а также срочная эвакуация населения.

Относительно эвакуации гражданских жителей города генерал Краузе еще в декабре сделал несколько предложений, которые так и не были осуществлены. Он писал:

«К концу 1944 года население Бреслау составляет около 1 миллиона человек. Также в данный регион были перемещены многие промышленные предприятия, так как он рассматривался как своего рода бомбоубежище Великогерманского рейха. После провозглашения Бреслау крепостью в его гражданском секторе стали проводиться мобилизационные мероприятия. Их осуществление в декабре 1944 года контролировалось специальной комиссией, присланной из Берлина. Комендант крепости также принимал участие в ее деятельности. На бумаге подготовка была образцовой. Для эвакуации гражданского населения ежедневно должно было предоставляться более сотни железнодорожных составов. Но комендант высказал сомнения относительно возможностей Бреслау принять одновременно столь большое количество поездов. Поэтому он предложил гауляйтеру заблаговременно

эвакуировать приблизительно 200 тысяч стариков, детей, молодых матерей и беременных женщин. Выслушав предложение, гауляйтер ответил: «И куда я должен направляться с этими людьми? Фюрер попросит меня застрелиться, если сейчас, в условиях затишья, я прибуду к нему с такими делами»».

Приказ об эвакуации был отдан лишь 19 января, то есть восемь дней спустя после начала советского наступления. Подобная поспешность привела к огромным трудностям и жертвам, которых при хорошей организации можно было избежать.

Поначалу военные события развивались не слишком стремительно. Но среди гражданского населения уже множились самые различные слухи. Вечером 18 января жители Бреслау услышали сирену. Город фактически не бомбили до этого. Бреслау подвергался бомбардировке лишь в октябре и декабре 1944 года. Последняя воздушная тревога пришлась как раз на Рождество. Тогда святящиеся всеми огнями рождественские елки стояли прямо на улицах под открытым небом. Для летчиков это было прекрасной целью. Поразительно, но даже в конце 1944 года в Бреслау никто не думал соблюдать светомаскировку. На город полетели бомбы. Одна из них разорвалась в восточном крыле больницы «Бетанин»[15], располагавшейся на Клостер-штрассе. От взрыва никто не погиб. Жертвами стали около тысячи окон, которые разбились от мощного разрыва бомбы. Евангелическое учреждение «Бетанин» располагалось на узкой полоске земли, пролегавшей между Клостер-штрассе и речушкой Оле, которая в Бреслау впадала в Одер. Это был крупный комплекс, который включал в себя современную больницу, дом престарелых и церковь. В «Бетанине» трудился большой коллектив сестер милосердия. Он являлся центром благотворительной работы, которая проводилась по всей Силезии.

18 января священник Лёффлер с сорока сестрами посетил Лодзь (Литцманнштадт), где побывал в тамошней обители диаконис[16], после чего продолжил поездку в Грюнберг. 20 января по линии «Бетанина» по всей округе стали распространяться сообщения о том, что женщины и дети должны были в срочном порядке покинуть Бреслау. В спешке родители забирали из «Бетанина» своих детей, которые учились в тамошней школе. Внезапный приказ об эвакуации поверг жителей город в состояние глубокого шока. В этом не было ничего удивительного, ведь до этого момента все репортажи и сообщения в газетах умалчивали о серьезности положения. Если говорилось о возможной угрозе, то ее размеры существенно преуменьшались. Ко всему этому добавлялось то, что многие родители в жуткой спешке попытались забрать своих детей, которых до этого в целях безопасности отправили на село. Столкнулись два потока. С одной стороны это были беженцы с Востока, с другой– люди, которые хотели найти своих детей. В одночасье на дорогах возник хаос. Уличное движение стало напоминать бурлящий поток. Многие из родителей, так и не достигнув своей цели, озлобленные и разочарованные, были вынуждены повернуть назад. Количество разъединенных семей с каждым часом становилось все больше и больше. Многочисленные матери искали своих детей. Молодежь посылалась на выполнение задач, поставленных в рамках операции «Бартольд». Мужчин мобилизовали в отряды Фольксштурма. Многие бросали свои квартиры, пытаясь скрыться из города.

Как уже говорилось выше, город фактически не подвергался воздушным налетам. Октябрьская бомбардировка унесла жизни всего лишь 69 людей. Принимая во внимание положение на фронте, военное командование предложило еще в декабре 1944 года экстренно эвакуировать из города женщин и детей. Ответственным за выполнение данной задачи должен был быть аппарат гауляйтера. Но в ответ на данное предложение гауляйтер Пауль Ханке заявил, что решительно выступает против срочной эвакуации. Осуществление данного замысла, по его мнению, «способствовало бы росту пораженческих настроений среди населения». Вот когда проявилась пагубность двойного правления – партийных и армейских структур! До этого момента оно напоминало симбиоз, безобидное сосуществование. Но в критической ситуации подобное двоевластие обернулось огромной бедой. Только лишь когда танковые колонны

---

[15] Бетанин – традиционное название для немецких клиник, которое означает концентрированный свекольный сок (E162).

[16] Евангелические сестры милосердия.

Красной Армии достигли границ Верхней и Нижней Силезии, гауляйтер Ханке буквально в последний момент отдал приказ о проведении экстренной эвакуации. Это произошло 19 января 1945 года. Поначалу это касалось только жителей сельских районов, располагавшихся на правом (восточном) берегу Одера. На следующий день было принято решение, что приказ относится к женщинам и детям, проживающим в Бреслау.

20 января 1945 года первые колонны беженцев, двигавшиеся с востока, достигли Бреслау. На 20-градусном морозе под пронзительным холодным ветром они переправлялись через Одер. Старики, женщины и дети, нагруженные своими пожитками, медленно двигались на запад. Кто-то из них хотел укрыться в Силезских горах, кто-то намеревался найти убежище в Саксонии или Тюрингии. В эти дни испуганные жители Бреслау могли видеть странную картину – длиннющие колонны беженцев, где вместо лошадей повозки тащили старики и подростки. Посреди этих повозок то тут, то там мелькали автомобили, в которых сидели облаченные в коричневую униформу партийные функционеры. Наблюдавшие это зрелище гнали прочь от себя страшные мысли. Многие понимали, что беженцы были обречены на страдания от холода и голода, так как им негде было бы поселиться. У беженцев из силезских сел не было даже запасов продовольствия. Женщины Бреслау с ужасом перестали дышать, когда 20 января услышали экстренное радиообращение. На следующий день оно с редкостной настойчивостью повторялось из всех динамиков, висевших на улицах города:

«Внимание! Внимание! Женщины с детьми должны направляться пешком по одной из улиц района Оппеpay в направлении Канта! Местом итогового сбора являются южные пригороды».

Почти моментально на всех вокзалах возник хаос и неразбериха. Это было вызвано тем, что многие женщины последовали прозвучавшему призыву. Посреди холодной ночи они направлялись в путь с чемоданами и детскими колясками (если дети были маленькими). Нередко коляски заменяли санками – на улицах Бреслау лежал глубокий снег. После нескольких часов утомительного марша многие из них пытались найти теплое помещение и хоть какое-то подобие кухни, чтобы согреть еду для малышей. Но почти все эти попытки были тщетными. Чтобы передвигаться быстрее, многие из матерей выбрасывали свое добро, упакованное в сумки и рюкзаки. Но не всем это помогало. Многих ожидала трагедия – к утру многие малыши умерли от холода. Хоронить их приходилось рядом с дорогой. Только в районе Нового рынка на Рыночной площади было похоронено около 40 детей. Только за первую ночь бегства из Бреслау в районе южного парка выросло 50 свежих детских могилок. Подобных трагических примеров можно было бы привести еще очень много. Смерть этих детей находилась на совести гауляйтера Ханке, который не прислушался к совету генерала Краузе и своевременно не начал эвакуацию жителей города. Печальные вести о массовой гибели детей стали быстро распространяться по городу. Эти сообщения окончательно утвердили жителей Бреслау в намерении остаться у себя дома. Они не хотели рисковать и спасаться бегством по морозу и без продуктов. Многие успокаивали себя мыслью о том, что здесь находился их дом, их кровати, запасы еды и угля. Многие не без показного героизма говорили о том, что лучше погибнуть в родном городе, чем умереть на обочине дороги от холода и голода. В итоге почти 200 тысяч человек, подлежавших эвакуации, остались в Бреслау. К ним присоединились еще 10 тысяч человек из окрестностей Бреслау и близлежащих сел, которые не успели прорваться на юг или на запад. Они могли найти убежище только в силезской столице. К моменту окружения в Бреслау находилось более 250 тысячи потенциальных беженцев, которые предпочли остаться «дома».

Как за несколько дней полностью поменялся облик Бреслау, рассказывал силезский крестьянин из округа Любен:

«Я вел сельское хозяйство в округе Любен. 17 января я был должен прибыть в Бреслау на прохождение в Фольксштурме курсов младших командиров. После прибытия мы выяснили, что курсы откладывались на три дня. До 20 января я решил остановиться у своей золовки. 17 января город жил своей жизнью и ничто не говорило о том, что 20 января все в корне поменяется. В

тот день мне показалось, что я попал совсем в другой город. Вокзал не вмещал всех людей. Даже железнодорожники призывали расходиться. Поезда ходили, но прибывали они с очень большим запозданием».

Нескольким сестрам милосердия из «Бетанина» в субботу, 20 января, еще удалось попасть после посещения Обернигка[17] – городка в округе Требниц – на северо-восток Бреслау, где их учреждение шефствовало над несколькими домами престарелых и домами семейного отдыха. Сестры милосердия помогли выехать на поезде нескольким пожилым людям. Обратно они уже не смогли вернуться, хотя планировали возвратиться в город на вечернем поезде. Не желая бросать пожилых людей на произвол судьбы, они прошли ночью 26 километров пешком. Старшая дочь священника Эрнста Хорнига (позже этому служителю культа предстоит сыграть в судьбе городе немалую роль) также попыталась скрыться бегством. Снаряженная теплой одеждой и едой, она смогла добраться только до Требница, после чего с трудом на последнем поезде вернулась обратно в Бреслау. В своих мемуарах Хорниг с чувством облегчения вспоминал о том, что его жена, ожидавшая седьмого ребенка, смогла покинуть город буквально за день до того, как там начался хаос. Она нашла убежище в Хиршберге. Сам священник помог всей семье (за исключением старшего сына, уже служившего в Вермахте) перебраться туда же, после чего вернулся в Бреслау, так как «не хотел оставлять без присмотра общину Святой Варвары». Но не исключено, что он проявил конформизм, поскольку незадолго до этого руководство Исповедальной Церкви распространило циркуляр, поначалу касавшийся только священников Берлина и Бранденбурга, в котором священнослужителей призывали оставаться в своих общинах даже в условиях приближающегося фронта и не принимать во внимание на угрозу боевых действий.

21 января в истории города навсегда останется как «черное воскресенье». Это было связано с тем, что он неожиданно попал в кольцо советского окружения, которое грозило в любой момент замкнуться. Многие предполагали, что уже в понедельник на улицах города появятся первые советские танки. К вечеру воскресенья был заминирован Императорский мост.

22 января провинциальные органы власти либо прекратили свою деятельность, либо вовсе трусливо скрылись из города. Чиновникам и служащим предоставлялся безвременный отпуск и официально разрешалось покинуть Бреслау. Исключение составляли только те, кто в порыве энтузиазма записался в Фольксштурм или был приписан к Вермахту. Университет Бреслау в тот же самый день бы перенесен в Дрезден. К концу дня туда же был переправлен Технический университет, университетские больницы, которые до этого располагались в районе Шайтниг. Но при этом почти никто из университетских профессоров не пожелал покидать родной город. Это намерение контрастировало с пустовавшими зданиями суда, новой правительственной резиденции на площади Лессинга и биржи труда на станции Одеркрон. Не собиралась эвакуироваться и располагавшаяся на Дворцовой площади Евангелическая консистория Силезской епархии. Более того, оба руководителя консистории, Кристоф Кракер фон Шварценвальд и Вальтер Линцель, оказались в Фольксштурме. Беспомощность и трусость партийных структур и органов власти показывает запись, сделанная в журнале «Бетанина»:

«Сегодня ночью консисторский советник господин Бюхзель получил от старшего консисторского советника Шварца дурные известия о нашем положении. Он разбудил сестер и стал готовить их к отъезду. Но перед этим он позвонил в приемную гауляйтера, начальнику полиции и даже старшему штабному врачу Земмлеру. Все заверили его, что речь идет всего лишь о панических слухах… Тем не менее, наш президент-председатель Д. Хоземан вместе со страшим консисторским советником Шварцем направились в Гёрлиц, куда и была перенесена консистория. В утренние часы мы узнали, что боевая группа «Олавские ворота» отошла в тыл. Таким образом, получаемые нами в течение дня официальные сообщения нередко противоречили друг другу».

---

[17] Местечко, которое по-польски называется Оборники.

Когда в тот же самый день консисторский советник Бюхзель заикнулся в компетентных органах боевой группы о необходимости перевозки домов престарелых, то ему сказал, что эвакуации подлежат только матери и дети. При этом ему цинично напомнили, что поспешные действия 20–21 января не принесли желаемого результата. Мол, к чему спешка, это лишь нарастание паники. А вечером того же дня в «Бетанин» пришло известие, что женщины, пребывавшие в материнском доме в Обернигке, были в срочном порядке увезены в Яуэр[18].

23 января состоялось заседание руководителей пастората евангелических церковных общин, которым руководил заместитель декана городского церковного совета Бессерт, служивший в памятной церкви королевы Луизы. Сам декан городского совета Вальтер Лирзе представлял на тот момент церковные интересы за пределами Бреслау. На собрании были представлены почти все 24 общины. Надо сказать, что Бреслау был преимущественно евангелическим городом. Главным вопросом было поставленное под угрозу духовное окормление жителей города. Особую озабоченность вызвало количество жертв, которых не успевали отпевать и хоронить. Хаос и неразбериха, царившие в городе, угрожали полностью обрушить существовавший до этого порядок погребений. Не хватало рабочих рук, чтобы рыть могилы, а промерзшая земля не позволяла копать их очень быстро. Вызывало обеспокоенность и резко возросшее в городе количество самоубийств. Многие люди сходили с ума, хотя в городе еще не начались боевые действия. Но даже в этих условиях священники пытались хоронить людей в соответствии с христианскими обрядами. Впрочем, с каждым разом это было все сложнее и сложнее. В журнале «Бетанина» было оставлена запись об одном из подобных случаев:

«У нас не было возможности похоронить 12-летнего мальчика, который пытался сам тащить тележку, но недалеко от нашего дома был сбит трамваем».

Похороны затруднялись еще тем обстоятельством, что почти все крупные кладбища находились за пределами города: Роткречам и Дюрргой – к юго-востоку от города, Грабшен – на юго-западе, Козель – на западе, Озвиц – на северо-западе. Все эти местечки были заняты Красной Армией. Но, тем не менее, и евангелисты, и католики в течение нескольких последующих недель пытались хоронить умерших и погибших. Так длилось до марта 1945 года. Затем количество трупов стало таким огромным, что даже просто не поддавалось учету.

24 января военное положение города стало критическим. В сводках командования Вермахта в тот день сообщалось следующее:

«На Одере на участке между Козелем и Бригом вражеский натиск значительно усилился».

На следующий день, 25 января сообщалось о

«решительных контратаках, предпринятых к востоку от Бреслау»: «Передовые отряды противника приблизились к Бреслау с юго-востока. Все попытки проникнуть в город с востока потерпели неудачу».

Тем временем «Батанин» при поддержке регионального руководства Гитлерюгенда смог эвакуировать в Грос-Бадис (при Лигнице[19]) девичий дом из Дойч-Лисса. Само собой разумеется, никто не предполагал, что уже очень скоро окрестности Лигница перейдут под советский контроль: Красная Армия уже 9 февраля возьмет район Любен, а 10 февраля ее передовые отряды проникнут в Лигниц. В ходе этого наступления будут перерезаны несколько железнодорожных линий: Бреслау-Глогау-Берлин, Бреслау-Лигниц-Гёрлиц, Лигниц-Заган-Берлин, Бреслау-Кёнигсцельт-Хиршберг. К 9 февраля свободное передвижение

[18] Нынешнее польское название Явор.

[19] Польское название – Легница.

могло сохраняться только по железнодорожной ветке Бреслау-Цобтен[20]-Швайдниц[21]. Но несколько дней спустя советские войска перерезали и ее. Но прежде чем Бреслау был полностью окружен, аппарат гауляйтера вновь обратился с призывом к населению покинуть город. 26 января по городу были расклеены афиши, которые призывали:

«Женщины любого возраста, а также мужчины старше 60 лет или младше 16 лет должны оставить город. Чтобы сохранить возможность транспортировки больных и престарелых, все способные передвигаться самостоятельно должны покинуть Бреслау пешком».

Но по описанным выше причинам население не спешило следовать подобным призывам. Именно психологический настрой жителей Бреслау объясняет, почему в нем осталось так много людей. Структуры национал-социалистической партии сознательно преуменьшали количество гражданского населения, оставшегося в городе. В некоторых документах значилось 180 тысяч человек, а в некоторых и вовсе фантастическая цифра – 80 тысяч человек! Подобное поведение достаточно легко объяснить. Сознательное уменьшение числа гражданских лиц позволяло партийным функционерам в будущем (а они еще надеялись выиграть войну) уклониться от ответственности за недостаточную инициативу, проявленную в деле эвакуации мирного населения. Кроме этого, значительное количество гражданского населения с чисто военной точки зрения затрудняло оборону города. Это была страусиная тактика. Партийцы «прятали голову в песок», полагая, что вымышленные цифры могут помочь им в реальной жизни. Можно привести множество доказательств того, что на тот момент в Бреслау оставалось от 230 до 250 тысяч человек гражданского населения: это и подсчеты представителей церковных структур, и анализ Юргена Торвальда, приведенный в работе «Большое бегство». Об истинном количестве гражданских, оставшихся в Бреслау, говорила хотя бы одна цифра – количество продовольственных карточек, выданных во время осады местной партийной структурой. Однако никто не проводил подсчет численности по районам, что было связано с постоянной «миграцией» оставшихся в живых горожан и беженцев. Также затруднительно сказать, какова была доля именно горожан, а какова – беженцев, укрывшихся в Бреслау из окрестных сел.

20 января проблемой эвакуации стариков и больных озаботились католические организации. Они, подобно евангелистам, предпочли опираться на собственные силы. Совместными усилиями по автобану удалось вовремя эвакуировать один из материнских домов, входивших в состав «Бетанина». Диакониса Клара Альтман одна (!) смогла организовать перевозку одного из таких домов. Чуть позже был эвакуирован «Якобхаус», евангелический дом престарелых, располагавшийся в квартале у Одерских врат. Пока диакониссы думали, оставаться ли им самим в Бреслау или нет, 25 января появилось распоряжение городского управления обеспечения жизнедеятельности города:

«Бетанин со всеми врачами и сестрами остается в Бреслау!»

Остаться должны были даже те девушки, которые еще только готовились стать сестрами милосердия. А коллективы уже действовавших сестер получали конкретные распоряжения и приказания. В качестве врачей были оставлены в «Бетанине» терапевт, профессор Шталь и доктор Крибель. 26 января им удалось увезти из Бреслау с Фрайбургского вокзала более сотни пациентов домов «Элим» и «Ноттебом». В этом деле им пригодилось знакомство с транспортным чиновником Дубилем.

26 января представители евангелической и католической общин встречались в здании нового штаба с комендантом крепости генерал-майором Краузе. Церковные деятели вели речь о том, что военное руководство (наряду с партийным) должно было нести ответственность за жизнь гражданского населения. Он требовали, чтобы генерал-майор дал слово, что церкви должны продолжать свою службу, а священнослужители должны непременно остаться в

[20] Польское название – Соботки.

[21] Польское название – Свидницы.

крепости. Но даже эта беседа не была безопасной для священников. Как писал в своих воспоминаниях Эрнст Хорниг:

«При всем том мы должны были считаться с антиклерикальной позицией партийных структур, прежде всего тайной государственной полиции, которая постоянно чинила неудобства церкви и ее служителям».

Не исключено, что именно по этой причине церковники обратились к военному командованию. Армейские чины недолюбливали гестаповцев. Комендант крепости, несмотря на жуткую занятость (ему предстояло срочно организовать оборону на юго-восточных рубежах города), принял церковных деятелей весьма любезно. Он поинтересовался, хотят ли они остаться, чтобы помочь в обороне или чтобы помогать оставшемуся в городе населению? Ответить на этот каверзный вопрос было поручено профессору Герберту Прайскеру, который как раз был уполномочен поддерживать связь церковных структур с Вермахтом, в том числе курировать вопросы помощи раненных в лазаретах и госпиталях. Он объяснил, что для выполнения возложенных на него обязанностей он нуждался в помощи своих коллег. После этого началось обсуждение конкретных деталей участия священнослужителей в деятельности военных госпиталей. Несмотря на сложившееся положение, комендант Краузе был настроен весьма оптимистично относительно возможностей обороны города. Его даже почти не волновал тот факт, что советские войска могли выйти в тыл и окружить Бреслау. Некая логика в этом была, ведь все последние дни бои между немцами и частями Красной Армии шли в основном к востоку от силезской столицы. После того, как было решено, что священникам позволят остаться в городе, те предпочли вернуться к своим общинам. Почти сразу же все они произнесли короткую проповедь. В ней говорилось, что церковная жизнь продолжается даже в новых, изменившихся условиях. В подтверждение этого на всех храмовых дверях Бреслау были вывешены расписания служб.

Когда гауляйтер громогласно объявил: «Наша столица была объявлена крепостью!», то почти все мужчины Нижней Силезии в возрасте от 16 до 60 лет были призваны в ряды Фольксштурма. Спешное приведение крепостного гарнизона Бреслау в состояние боеготовности обернулось тем, что 17 января под ружье были поставлены все городские резервисты. Кроме этого, на вокзалах и шоссе постоянно несли службу специальные патрули, которые должны отправлять на сборные пункты всех мужчин вне зависимости от их воинского звания и возраста. Сбор ополченцев проводился в местных кирасирских казармах. Командование ими было поручено майору запаса графу Зейдлицу. Позже именно он станет командиром всего Фольксштурма Бреслау. Вдобавок ко всему командование 8-го военного округа направило в город всех военнослужащих, проходивших подготовку в унтер-офицерской школе Франкенштейн.

Из всех этих подразделений было сформировано четыре полковые группы:

– А – состояла главным образом из солдат унтер-офицерской школы Франкенштейн;

– С – была составлена из резервных частей Карловиц и Розеталь;

– D – была составлена из резервных частей Ваффен-СС Дт. Лиссы (Немецкой Лиссы);

– Е – была собрана из наземных частей Люфтваффе.

Формирование полковой группы В («полк Мора») было завершено только в феврале 1945 года.

Все эти полковые группы были тут же направлены на передовую. Полковая группа С расположилась восточнее Одера и занимала позиции вплоть до устья реки Вайды, где она впадала в Одер. Выше по течению Одера в северо-западном направлении вплоть до Аураса занимала позиции полковая группа D. Никто не исключал, что удар по городу может быть нанесен в обход, именно с этого направления. На левом берегу Одера, юго-восточнее Бреслау, стояла полковая группа А. Группа Е находилась в оперативном резерве. Батальоны Фольксштурма были в равной степени подчинены командованию всех этих полковых групп. Вскоре силы защитников Бреслау были пополнены специальной моторизированной офицерской разведывательной группой, в задачи которой входило уничтожение многочисленных мостов через Одер. Несколько позже она была привлечена к возведению противотанковых сооружений.

Несмотря на множество недоработок, командованию крепостью Бреслау удалось самое главное – был создан барьер, который не позволил бы советским воскам моментально проникнуть в город.

Немецкая разведка докладывала, что советские войска при массированной поддержке танков наступали широким фронтом. Остановить продвижение передовых частей Красной Армии было поручено 269-й (гамбургской) дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Вагнер. Это испытанное в боях соединение сразу же после начала зимнего советского наступления было отозвано из Эльзаса и передано в распоряжение командования 4-й танковой армии. В течение целой недели (21–28 января 1945 года) дивизия отступала по линии Вартенберг-Ёльс-Бреслау. Задержать советские войска не удавалось. Чтобы не втягиваться в затяжные бои, части Красной Армии вдоль берега Одера обошли Бреслау с двух сторон. Здесь красноармейцы не встречали серьезного сопротивления, а замерзший Одер позволил активно использовать танки. Несмотря на то, что немцы заблаговременно позаботились уничтожить большинство мостов через реку, части Красной Армии 26 января смогли достигнуть деревни Мерцдорф, которая располагалась на пути к Олау (западный берег Одера). На левом фланге наступление проходило не столь стремительно, там действовали не столь сильные советские части, а потому им удалось создать плацдарм близ Пайскервица лишь к 29 января. Взятие деревни советскими войсками Мерцдорф могло иметь для немцев весьма печальные последствия – оттуда можно было развернуть наступление на западном берегу Одера. По этой причине уже 26 января 1945 года комендант крепости принимает рискованное решение бросить все свободные силы – дюжину старых танков и четыре роты юнкеров Люфтваффе – под эту деревню. Ее надо было отбить во что бы то ни стало. Немцы смогли справиться с этой задачей. Но в любом случае этот мелкий немецкий тактический успех не устранял всей угрозы, нависшей над Бреслау. Если ранее в окрестностях Бреслау действовали передовые отряды Красной Армии, то теперь постепенно подтягивались основные силы. В итоге командование 4-й немецкой танковой армии принимает решение направить на этот участок фронта подкрепление. На ликвидацию советского прорыва под Олау была направлена 269-ая дивизия. 28–29 января ее перебрасывали едва ли не на городском транспорте. В ходе последовавших боев немцам удалось оттеснить советские войска от Олау. Одновременно с этим силами роты юнкеров из школы СС была проведена контратака под Трешеном (он располагался ближе к Бреслау). Данной операцией командовал капитан Зейферт. Во время контратаки отличилась даже одна из немецких медсестер – она стала первой женщиной Бреслау, которая была награждена Железным Крестом.

Передовым группам Красной Армии удалось серьезно закрепиться только в деревне Вассерборн. Окопавшаяся у массивных деревенских домов советская стрелковая рота, несмотря на все усилия немцев, не оставляла своих позиций. Чтобы удержать этот маленький плацдарм, красноармейцам пришлось перейти в глухую оборону. Оружие они использовали только для того, чтобы отразить очередную немецкую атаку.

Переместившись с северного фронта на южный, 269-ая дивизия оставила с составе полковой группы С несколько своих подразделений, в том числе учебно-егерский батальон, которым командовал майор Теншерт. 18 января этот батальон находился еще в месте своего формирования, а день спустя был перекинут по железной дороге в район Вартенберга, где он принял на себя удар советских войск.

Оглянемся немного назад. Накануне наступление Нового 1945 года 269-ая дивизия вела ожесточенные бои под Олау, где части Красной Армии пытались создать плацдарм для разворачивания дальнейшего наступления. В ходе этих боев с командующим 269-й дивизией генерал-лейтенантом Вагнером произошла одна забавная история, которая требует отдельного описания. 21 января в замке Вартенберг он встретился с его владельцами, принцем Бироном Курляндским и его супругой принцессой Херцелайде, внучкой кайзера Вильгельма II. Вагнер рекомендовал им покинуть замок как можно быстрее. Желая помочь аристократам, он даже намеревался вывезти из замка уникальную коллекцию стеклянных и фарфоровых изделий, которая была свадебным подарком венценосного дедушки. Но в силу недостатка времени ее пришлось оставить. В течение нескольких дней принц и принцесса провели в Ёльсе. Там генералу не раз приходилось проявлять заботу о багаже знатных беженцев.

Была и другая история. В своем имении Вайдебюрке (дословно – «мост через реку Вайда») проживал находившийся в отставке генерал-фельдмаршал Клейст. Генералу Краузе стоило немалых усилий убедить немолодого фельдмаршала покинуть свое имение. Произошло это буквально накануне того, как те места были заняты советскими войсками. Впрочем, позже Клейст был выдан англичанами Югославии, откуда он был выслан в Советский Союз. В СССР Клейста приговорили к 25 годам лагерей.

Если говорить о стратегической инициативе немцев, то комендант крепости предпринял безуспешную попытку спустить водохранилище Глацер Найсе, находившееся в 70 километрах по прямой на юг от Бреслау. Этой мерой он планировал резко поднять уровень воды в Одере, что должен было сломать крепкий лед реки, по которому переправлялись советские войска и техника.

Об отчаянности положения Бреслау говорит хотя бы тот факт, что из Маркштадта с предприятия «Борзиг» в срочном порядке было вывезено около сотни полевых гаубиц образца 1918 года. Остальные были взорваны.

31 января 1945 года генерал Краузе заболел воспалением легких. Болезнь оказалась настолько тяжелой, что командование Бреслау было решено на время передать генерал-полковнику Шёрнеру, командующему группой армий «Центр». Тот решил назначить новым комендантом генерала фон Альфена. 6 февраля 1945 года генерал Краузе был вывезен из Бреслау и направлен в госпиталь для легочных больных, который располагался в Исполиновых горах.

Глава 3. Новый комендант

Генерал-майор Альфен получил свое звание 30 января 1944 года. Однако об этом он узнал только 12 февраля. До того как стать комендантом Бреслау, Альфен был командиром заградительных частей группы армии «А», перед которым стояла задача прикрывать Вислу на левом фланге 4-й немецкой танковой армии. Все подобные усилия были тщетными. В полдень 15 января части армии получают приказ оставить свои позиции по Висле, так как советские танковые прорвались далеко на Запад. Во время своего отступления заградительные части группы армий «А» были окружены с трех сторон подразделениями Красной Армии.

После ночных маршей, в ходе которых немцы пытались уклониться от боев с советскими войсками, 18 января части под командованием Альфена смогли объединиться с остатками 4-й танковой армии в районе Кильце. На тот момент армия, которой командовал генерал бронетанковых войск Неринг, была усилена XXIV танковым корпусом. Чтобы избежать попадания в котел, немецкие танки были вынуждены постоянно отступать.

В то время как после 14-дневнего непрерывного отступления из Глогау заградительные части в ночь с 28 на 29 января 1945 года заняли новые позиции близ полигона Нойхаммер, Альфен получил приказ отходить к Ленгицу. Оказавшись там 31 января, Альфен узнал, что был назначен комендантом Бреслау. Поначалу в крепость предполагалось направить только самого генерала. Его штабной офицер (1а) майор Альбрехт Отто должен был остаться в прежней части. Но настойчивость самого Отто, который прошел длинный путь от командира саперной роты, сформированной в 1934 году в Ной-Ульме, смогла изменить мнение командования группы армий. Тот факт, что и фон Альфен, и Отто начинали свою военную карьеру в саперных частях, в будущем оказалось весьма полезным для обороны Бреслау.

После короткого обсуждения действий 1 февраля 1945 года фон Альфен и Отто были направлены самолетом в Бреслау. Город с его оживленным транспортным движением, несмотря на наличие множества баррикад, мало напоминал крепость. Выше мы перечисляли все то, чем должна была обладать «крепость». После короткого доклада капитана Эрдманна и майора Бёка, с которым Альфен был знаком по временам службы в рейхсвере и по Норвежской кампании, стало ясно, что с начала января здесь фактически командовал начальник штаба 8-го военного округа генерал-майор Лосберг. Появление фон Альфена должно было освободить его от лишних обязанностей. Сам же фон Альфен видел, что надо было срочно принимать меры.

С учетом того, что советские войска находились уже перед воротами Бреслау, надо было оперативно решить все организационные вопросы. Все единодушно придерживались мнения, что оборона Бреслау во многом зависела именно от этого. Предпосылкой тактического успеха немцев должна была стать координация действий различных структур. На тот момент каждая из них имела свое собственное задание, которое в некоторых случаях не учитывало общей обстановки. К обороне крепости надо было привлечь все части Вермахта, все гражданские структуры, все промышленные предприятия и по возможности большую часть гражданского населения. Вот в чем оказался незаменимым майор Отто! Он сразу же стал начальником оперативного отдела штаба крепости. Сам же Отто с немалым удивлением обнаружил, что до 1 февраля никто даже не пытался наладить координацию действий.

Сейчас уже сложно установить в точных деталях, как шла данная координация. В любом случае ясно, что для выполнения столь сложного задания сил штаба дивизии явно не хватало. Подобно своему предшественнику, фон Альфен попытался получить разрешение на расширение командного пункта хотя бы до уровня штаба корпуса. Но в очередной раз все было тщетно, хотя находившиеся в его подчинении 50 тысяч солдат, включая части Фольксштурма, и 80 тысяч подключенных к обороне города гражданских лиц (сведения были предоставлены местным крайсляйтером НСДАП 14 февраля 1945 года) позволяли рассчитывать именно на структуру штаба корпуса, со всеми вытекающими последствиями. Сразу же надо отметить, что на протяжении всех боев за Бреслау неоценимую помощь немецкому штабу оказывал полковник запаса Тизлер. Он был коренным уроженцем Силезии. В свое время командовал 38-ым егерским полком. Он мог не только мог удержать от панических настроений молодых солдат и фольксштурмистов, но и дать хороший совет Альфен. В итоге не было ничего удивительного в том, что Тизлер был сделан личным представителем коменданта крепости.

Многие из участников тех событий вспоминали после войны, что для них бои за Бреслау были бы немыслимы без «папаши Тизлера».

Майор Пёль, который незадолго до 1 февраля был назначен офицером штаба, отвечавшим за снабжение, к великому сожалению фон Альфена, был направлен на обучение в военную академию. Пёль покинул город 15 февраля, то есть буквально накануне того, как Бреслау оказался полностью окруженным. До того момента, как квартирмейстером был назначен майор Фухс, было потеряно несколько драгоценных дней. Более удачно для немцев шло формирование частей связи и оповещения. Кроме этого, в начале февраля в крепости появился полковник Урбатис. Он был лично вызван фон Альфеном из Шведница. Бреслау незамедлительно требовался грамотный командующий артиллерийскими частями, и Урбатис идеально подходил на эту роль.

В начале января многочисленные мобилизованные саперы подготовили к уничтожению 40 мостов Бреслау, в том числе через Одер и притоки Одера. Но в силу отсутствия у них командира они не получили до февраля более ни одного задания. Фон Альфену пришлось лично связаться по телефону с управлением личного состава командования сухопутных войск. Лишь после этого в середине февраля в Бреслау прибыл майор Хамайстер. Он был назначен командиром саперного полка Бреслау.

В первых числах февраля Бреслау получил очередное подкрепление. Это была рота 6-го технического батальона, которой командовал лейтенант Шульце, инженер по образованию. Рота была хорошо обмундирована, отлично снабжалась и была полностью моторизованной. Это подразделение участвовало в обеспечении жизнедеятельности Бреслау, о чем будет рассказано позже. Для усиления саперных частей крепости приблизительно в то же самое время по железной дороге с полигона Кёнигсбрюк прибыли два эшелона телеуправляемых танкеток «Голиаф». В каждом эшелоне кроме 48 «Голиафов» прибыло по 60 человек персонала. Сам по себе «Голиаф» представлял миниатюрную танкетку на гусеничном ходу, которая могла нести на себе от 50 до 75 килограммов взрывчатки. Эти «вездеходные торпеды» управлялись через специальный кабель.

Если говорить о пехотных частях, включая Фольксштурм, то их состояние вряд ли можно было назвать даже удовлетворительным. По большей части они состояли из резервистов, а также гражданских, которые, даже не пройдя маломальской подготовки, были срочно мобилизованы. Из этой огромной кучи людей, которые, за исключением резервистов, не были знакомы даже с азами военного дела, предстояло сформировать боеспособные пехотные полки. Задача для немцев в некоторой степени облегчалась тем, что каждый из пехотинцев должен был защищать свою малую родину. В начале февраля командование армии прислало нескольких штабных офицеров, которые должны были сформировать из полковых групп обыкновенные пехотные полки, обозначавшиеся уже не буквами, а именами их командиров. Все эти меры предвосхитили более поздние события. Они заблаговременно позволили создать условия для восполнения огромных потерь, с которым немцы впервые столкнулись зимой 1941–1942 годов. Тогда выход из ситуации был найден в использовании так называемых «отпускных батальонов». Аналогичным способом формировалась и 609-ая дивизия генерала Руффа, которая поначалу именовалась корпусной группой «Бреслау». Она начала создаваться в начале февраля на южном участке фронта под Бреслау. Большую часть необходимых для пополнения солдат она получала из крепости, равно как и командиров полков: Райнкобера, Керстена и Шульца. Штаб этой дивизии был организован в январе 1945 года в Дрездене, но в феврале он перебрался в Бреслау. Из призванных в Бреслау людей постоянно приходилось пополнять состав не только 609-й, но и упоминавшейся выше 269-й пехотной дивизии, а также других соединений, которые сражались за пределами крепости. Каждое соединение, каждый полк постоянно нуждался в солдатах.

Нельзя не сказать, что постоянное пополнение частей, сражавшихся за пределами Бреслау, перечеркивало все планы командования гарнизона крепости. Как ни, организационные мероприятия стали проводиться планомерно лишь только после полного окружения города. Подготовкой мобилизованных жителей занимался майор граф Зейдлиц, а всеми организационными моментами – служивший в штабе оберлейтенант Рихтер.

После вступления советских войск в Силезию в Бреслау стали прибывать отступающие подразделения Фольксштурма. Они были подготовлены еще хуже, чем фольксштурмисты крепости. Но оборона города была немыслима без их участия. Офицерам Вермахта требовалось как можно быстрее исправить все упущения, которые были допущены после создания Фольксштурма осенью 1944 года. Главную вину за плохую подготовку Фольксштурма (не только в Бреслау, но и по всей Германии) военные чины после войны перекладывали на плечи национал-социалистических законодателей, принявших закон «О Фольксштурме». Сам Альфен писал:

«Создание народного ополчения было очень ответственным заданием, требующим специальной проработки. Но к нему отнеслись без должной серьезности».

Подготовка и обучение фольксштурмистов в начале февраля 1945 года было поручено обергруппенфюреру СА Херцогу и подчиненным ему людям. Сам Хергоц был бывалым солдатом. Будучи офицером-резервистом, он принимал участие в Западной кампании 1940 года. Именно благодаря ему аморфная масса немецких народных ополченцев стала напоминать подобие воинских частей. Он разбил весь Фольксштурм на боевые батальоны, во главе которых попытался поставить либо офицеров запаса, либо людей, имевших боевой опыт. Командирами рабочих батальонов и двух батальонов, сформированных из членов Гитлерюгенда, он назначил действующих офицеров Вермахта. Многие подчеркивали, что он поступил с тактической точки зрения правильно, когда сформировал из подростков отдельные подразделения, не став их смешивать с взрослыми ополченцами.

Как уже говорилось выше, столь активной реорганизации гарнизона крепости предшествовал целый ряд ошибок и просчетов. В итоге большинство защитников Бреслау были не просто плохо, а ужасно вооружены. Подавляющее большинство фольксштурмистов получили трофейные винтовки самого различного производства, начиная от советского, заканчивая французским. К каждой из винтовок прилагалось не более 10 патронов. У них не было ни униформы, ни даже сносной обуви. В итоге нет ничего удивительного, что во время боев в конце января 44-й (Клугрер) и 46-й (Пешке) батальоны полковой группы А понесли огромные потери. Самое большое количество жертв было во время сражения, которое шло по обе стороны от так называемого «большого» железнодорожного моста, когда немцы пытались остановить переправлявшиеся через Одер передовые советские части.

Созданные 55-й (Зейферт) и 56-й (Линденшмидт) батальоны Гитлерюгенда получили энергичных и грамотных командиров и унтер-офицеров, которые занимались подготовкой подростков. Если не считать 41-го батальона (Клозе), то подразделения из состава Гитлерюгенда были единственным исключением из правил. Они были хорошо оснащены и вооружены. Почти все указанные выше батальоны имели на вооружении винтовку Маузер 98 и легкие пулеметы МГ 08/15 («Максим»). Если говорить о 41-ом батальоне, то бросается в глаза, что он начал подготовку еще осенью 1944 года. Будучи полностью укомплектованным командирским и младшим командирским составом, его личный состав начал учения на местности. Местом потенциальной обороны был выбран левый берег Одера, чуть ниже Бреслау. К слову сказать, именно на этом участке 41-ому батальону пришлось сражаться в последних числах января 1945 года.

Выполнение каких задач предполагала боевая обстановка, сложившаяся к 1 февраля 1945 года? По большому счету их было три: укрепление северного участка фронта, оттеснение советских войск от Вассерборна и закрепление на плацдарме близ Пайскервица.

На север был направлен только что сформированный полк Мора. Он получил в качестве усиления несколько 88-миллиметровых зенитных орудий. Это решение было принято командиром артиллерийской группы майором Гартлем. Кроме этого саперы стали создавать перед позициями полка минные поля и специальные заграждения.

В ночь с 2 на 3 февраля рота саперов, которой командовал капитан Эбергардт Зейферт, ликвидировала советский плацдарм в Вассерборне или, как его назвали немцы, «осиное гнездо». Во время этой операции саперы активно использовали огнеметы. Во время ночного наступления был убит командир одного из взводов. Показательно, что капитан Зейферт, несмотря на опасность попасть под трибунал, категорически отказался атаковать Вассерборн

силами двумя рот «отпускников», как ему было приказано командованием корпусной группы «Бреслау».

Третья задача – ликвидация советского плацдарма в Пайскервице – была осуществлена 8 февраля 1945 года силами самого мощного воинского соединения, находившегося в крепости. Это был эсэсовский полк Бессляйна. Предшествующие этой операции немецкие атаки полностью провалились. Только совместив наступление с массированной огневой артиллерийской поддержкой, немцам удалось отбить у красноармейцев Пайскервиц. В артподготовке принимали следующие силы:

– 12 легких полевых гаубиц;
– 8 88-миллиметровых зенитных орудий;
– 6 тяжелых пехотных орудий;
– 12 легких пехотных орудий;
– 16 120-миллиметровых тяжелых минометов.

Итого – 54 орудия и миномета.

Кроме этого, две немецкие артиллерийские батареи вели огонь по советским позициям с флангов и отчасти с тыла.

Ликвидация этого крошечного советского плацдарма, который едва ли превышал по своей площади 2 квадратных километра, может показаться на фоне последующих ожесточенных боев современному читателю второстепенной и незначительной операцией. Даже использование немцами нескольких десятков орудий вряд ли может впечатлить. Может даже возникнуть вопрос, почему этому крошечному участку фронта уделялось столь большое значение? На это было несколько причин. Кроме тактического, эта операция имела большое психологическое значение. Немцам очень срочно требовалась удачная наступательная операция, не связанная с большими потерями собственных сил.

Само общевойсковое соединение, которое представляла собой крепость Бреслау, было не только новым, но и во многом «импровизированным». Части не знали своих командиров. По этой причине немецкий успех в Пайскервице был неким символичным событием. Без него не только полку Бессляйна, но и всем оборонявшимся в Бреслау немцам было очень сложно продолжать борьбу. Кроме собственно эсэсовцев в ликвидации плацдарма в Пайскервице также принимали участие 41-й (Клозе) и 42-й (Штефан) батальоны Фольксштурма, которые были включены в состав данного полка.

После этих операций внимание штаба гарнизона вновь оказалось приковано в Бреслау, точнее, его обустройству. В первую очередь это относилось к хаотически возведенным баррикадам. Их расположение и построение было не всегда верным как с тактической, так и технической точки зрения. Генерал-майор Альфен вспоминал после войны:

«В первые же дни февраля мы обнаружили, что эти лабиринты баррикад не столько помогали, сколько вредили нам, так как препятствовали оперативной переброске сил и мешали работе наших связистов».

Под руководством саперов фольксштурмисты стали приводить систему баррикад в порядок. На тот момент у саперных частей в Бреслау не было единого командования. В итоге было решено, что наиболее опытные саперы будут заниматься исключительно минированием мостов, в то время как остальные были отведены для менее значимых задач. Всего в Бреслау и его окрестностях было 66 мостов: 40 мостов через Одер, его притоки и через каналы, 16 мостов-путепроводов западнее и южнее города, а также 10 мостов-путепроводов близ главного вокзала Бреслау. К началу февраля к подрыву были готовы все 40 мостов через реку. Но их взрыв был временно отложен, так как даже наступающие с севера части Красной Армии вели бои в 12 километрах от центра города. Кроме этого в Бреслау пришел строжайший запрет на «предусмотрительное» уничтожение мостов и переправ. Взорвать их можно было только при непосредственной угрозе захвата советскими войсками. Во всех остальных случаях на подобные акции требовалось отдельное разрешение командования. Сами же заминированные мосты становились местом повышенной опасности. Опасность они могли представлять по четырем различным причинам:

– возможно было непредусмотренное срабатывание взрывателей;

– система осуществления взрыва могла пострадать от погоды или действий советских разведчиков, что могло привести к сохранности моста в критический момент;

– взрыв мог быть предотвращен или, наоборот, спровоцирован саботажниками и диверсантами;

– появление незначительных групп красноармейцев, например, разведчиков, могло привести к тому, что командиры специальных немецких саперных отрядов могли взорвать мосты по собственной инициативе.

Осуществление тактических и технических мероприятий по нейтрализации данных опасных факторов было поручено тогдашнему командиру саперов, капитану Мёллеру. В критической ситуации конца января – начала февраля 1945 года он действовал весьма оперативно и грамотно, что, впрочем, потребовало от него немалых сил.

Для более грамотного использования имеющихся в Бреслау сил в начале февраля 2/3 саперов были отозваны с берегов Одера. Они были постепенно заменены специально подготовленными и обученными фольксштурмистами. В итоге проблемами мостов в общей сложности занимался только один саперный батальон, а два высвободившихся 10 февраля были посланы на выполнение других заданий. Конечно, на мостах в будущем не обходилось без инцидентов, но их число с учетом количества переправ было совсем незначительным. Кроме этого, ни один из этих инцидентов не привел к необратимым последствиям. Если забежать вперед, то можно сказать, что в апреле 1945 года некоторые из мостов «внутреннего Одера» были даже разминированы. В этой связи возникает вопрос: почему минирование мостов, уничтожение которых должно было произойти только в исключительном случае, заняло столько времени и сил? Немецкое командование не исключало, что советские войска могли войти в город с севера. Если бы в данной ситуации мосты не были разрушены, то немецкая группировка оказалась бы в очень сложной ситуации. А развитие событий на южном участке фронта складывалось к 12 февраля для немцев настолько неблагоприятно, что большинство из них были вынуждены считаться с возможностью скорейшего окружения Бреслау.

Управление военными силами в Бреслау было по меньшей мере странным. С одной стороны, существовал комендант крепости, но с другой стороны, Бреслау подчинялся командующему 8-ым военным округом, который формально являлся также командующим корпусной группы «Бреслау». При этом ему не подчинялись части и соединения, сражавшиеся на южном участке фронта, а лишь только 609-ая дивизия, которая пополнялась исключительно за счет жителей Бреслау. Граничившая на правом фланге с ней 296-ая пехотная дивизия, которая с конца января находилась близ Олау, формально входила в состав XVIII корпуса.

С началом февраля советским войскам удавалось едва ли не ежедневно захватывать новые плацдармы. В период с 1 по 9 февраля 1945 года частям Красной Армии удалось закрепиться близ Брига, Олау, Мальча, Штайнау и Бойбуса. Немецкому командованию становилось очевидным, что советские войска планировали взять город в клещи с юга и севера, замкнуть кольцо окружения, после чего можно было атаковать основные немецкие силы, располагавшиеся значительно южнее Бреслау.

Если до 31 января 269-й дивизии удавалось более-менее успешно отбивать советские атаки близ Олау, то с 2 февраля картина стала меняться не в пользу немцев. Несмотря на отчаянное сопротивление, положение 269-й дивизии и располагавшейся несколько восточнее 609-й дивизии вряд ли можно было назвать надежным. Учитывая особенности линии обороны, советские войска при многократном превосходстве постепенно обходили позиции 269-й дивизии с западного фланга. Ее командир, который не имел приказа отходить с дивизий назад в Бреслау, принял в сложившейся обстановке верное решение, когда в ночь с 11 на 12 февраля 1945 года вывел из окружения к основным силам Вермахта по единственному сохранившемуся проходу на юг (близ Йордансмуля) всю дивизионную артиллерию и транспортные средства. Пару дней спустя, в ночь с 13 по 14 февраля, по тому же самому пути последовал прорыв боевых частей дивизии. Из окружения удалось вырваться не всем дивизионным подразделениям. Те, кто не смог выйти из кольца, были вынуждены отступить в Бреслау – отныне они становились частью крепостного гарнизона, что было для коменданта весьма ценным пополнением. Командир 269-й дивизии, генерал-лейтенант Вагнер, которому не

удалось вырваться из окружения, в ночь с 15 на 16 февраля вместе со штабом корпусной группы «Бреслау» был вывезен на самолете на юг, где он присоединился к своей дивизии. Позже это соединение, избежавшее попадания в котел, был переброшено на северный участок фронта, откуда неоднократно пыталось деблокировать Бреслау. Сама крепость Бреслау была обязана 269-й дивизии очень многим. Самое главное – она смогла выиграть время. В конце января – начале февраля Бреслау был еще слишком слабым, чтобы выдержать осаду.

Прежде чем вернуться в сам Бреслау, надо хотя бы несколько слов сказать еще об одном немецком войсковом соединении, которое выполняло аналогичную 269-й дивизии функцию. Это была 17-ая пехотная дивизия генерала Заксенхаймера. С ожесточенными боями она отходила от Вислы в районе Пулавы в направлении Мальч – Ноймаркт. Боевые действия этой дивизии фактически на две недели смогли затормозить обход советскими войсками Бреслау с запада. То есть почти на 15 недель было оттянуто блокирование крепости от основных германских сил.

Кроме этого, перед началом своей передислокации на южный участок фронта из состава дивизии в Бреслау было передано несколько подразделений, что опять же усилило гарнизон крепости. Но появление новых воинских подразделений отнюдь не решало проблему с боеприпасами. Откуда в сложившейся обстановке должны были прибывать боеприпасы в Бреслау? Выигрыш во времени и ведение ожесточенных оборонительных боев неизбежно вели к ухудшению обстановки с боеприпасами. Их поставки были настолько незначительными, что не могло быть и речи о подобающем «снабжении крепости». Впрочем, замедление советского наступления, которое длилось почти месяц (17 января -14 февраля) было использовано для того, чтобы достигнуть принципиального согласия командования армии на снабжение Бреслау по «воздушному мосту».

Обстановка в Бреслау принципиально изменилась после 14 февраля. Теперь город мог рассчитывать только на собственные силы. На северном участке фронта полки Мора и Зауэра пытались отражать атаки частей Красной Армии. В основном атаковали силами, не превышающими по своей численности стрелковый батальон, что позволяло удерживать свои позиции. Энергичность Мора как нового командира полка позволила ликвидировать не только пресловутое «осиное гнездо», но и «вечернее поселение», как называлось место, располагавшееся между Закрау и Хундсфельдом, где закрепились несколько рот красноармейцев. Кроме этого, полк Мора в одном случае даже смог перейти в контрнаступление, в ходе которого батальон Теншерта у советских войск отвоевал участок в 3 километра. Во многом эти вылазки смогли на время остановить развивавшееся на данном участке фронта советское наступление. Эти акции значительно облегчили немцам создание оборонительных рубежей. Использование 88-миллиметровых зенитных орудий, равно как и возведение противотанковых сооружений, позволило на некоторое время стабилизировать обстановку на северном участке фронта. Теперь здесь немцы могли отразить и более мощные советские атаки. Но все эти меры никак не позволяли немецким разведчикам выяснить складывающуюся вокруг Бреслау обстановку. Она менялась едва ли не каждый час. Для коменданта крепости было ясно одно – советские войска концентрировали свои силы к югу от города. Между тем, в период с 12 по 14 февраля части Красной Армии, обходившие Бреслау с запада и с востока, стали соединяться к югу от крепости. До 15 февраля в возникавшем кольце окружения еще существовали некоторые «дыры» (например, близ Канта), которые позволяли функционировать крупной железнодорожной ветке, ведущей на Вальденбург.

Если говорить о советских частях, окружавших Бреслау, то с запада (Немецкая Лисса) находилась одна советская дивизия, с юго-запада (Кант) – также одна дивизия, с юга к Бреслау приближалась более мощная группировка, состоявшая из 4 дивизий. Прежде чем обсуждать перспективы советского наступления, обратим свой взор на немецкие части, располагавшиеся к западу и юго-западу от Бреслау. Полк Веля (ранее полковая группа Е) был сформирован из наземных частей Люфтваффе, в основном обслуживающего персонала. Большинство из них до начала советского наступления располагалось в Шёнгартене, который лежал юго-западнее Бреслау. В силу разношерстности данного полка выбор места его использования был определен не сразу. По сравнению с другими полками данное пехотное соединение было не самым подготовленным, что предопределило суть его первого боевого задания. Он был направлен на

участок фронта Вайстриц – Штригауэр. Именно отсюда по телефону в ночь с 11 на 12 февраля сообщалось о передвижения советских войск. Чтобы занять более укрепленные позиции, в ночь с 13 на 14 февраля полк был отведен ближе к общей линии обороны на участок Германсдорф – Клеттендорф, благодаря чему уклонился от принятия боя с хорошо вооруженными частями Красной Армии. На левом крыле все еще не до конца оформившегося полка ему помогли немецкие артиллеристы и саперы. Заново сформированное новым командующим артиллерии подразделение легких полевых гаубиц, которым командовал капитан Кюбель, смогло остановить продвижение красноармейцев по автотрассе близ Беттлерна. Одновременно с этим на данном участке фронта советские войска были атакованы немецкими саперами. Близ автотрассы чуть южнее Клеттендорфа при помощи «Голиафов» они не только уничтожили путепровод, но и смогли подорвать шесть советских противотанковых орудий. Именно оказавшись в Клеттендорфе, полк Веля был включен в состав 609-й дивизии, позиции которой проходили от этого места на юг к Херцогсхуфен, к Брокау, и заканчивались на берегах Одера. Справа от Веля по обе стороны от Германсдорфа позиции удерживал полк, которым командовал полковник Гёлльниц. Позже полк будет носить имя Ханфа. Кроме этого, в ночь с 13 на 14 февраля на «Одерский фронт» к Вайстрицу был выдвинут полк Бессляйна. В тот момент гарнизон Немецкой Лиссы уже мог наблюдать приближающиеся советские части.

Под советским давлением немецкие полки были вынуждены постоянно совершать тактические действия, которые в основном сводились к весьма сложными ночным перегруппировкам. Но при этом основная линия фронта оставалась по сути неизменной. Однако уже с 14 февраля можно было говорить о том, что кольцо окружения замкнулось, и сформировался единый фронт борьбы.

Если принимать во внимание уровень подготовки полков, количество вооружений, а также удаленность от переправ через Одер, фронт вокруг Бреслау мало походил на идеальное оборонительное сооружение. Передовая находилась где-то на расстоянии в 9-10 километров от центра города. При общей протяженности фронта в 72 километра его в целом удерживало 8 пехотных полков (5 «независимых» и 3 – из состава 609-й дивизии), то есть на каждый полк приходилось в среднем по 9 километров линии фронта. Кроме этого, сам фронт проходил слишком близко от центра города. Уже в начале февраля было ясно, что положение Бреслау требовало принятия решительных мер. Самым главным решением, принятым в период с 12 по 14 февраля, было намерение сузить кольцо обороны, что должно было помешать прорыву линии фронта и проникновению советских войск на территорию самого Бреслау. Также было предельно ясно, что успешность обороны Бреслау во многом зависела от возможности существования «коридора», который бы связывал город с располагавшимися южнее основными немецкими войсками. Но, несмотря на возможность сужения кольца обороны, непременно надо было удерживать до последнего аэропорт Гандау. К великому сожалению коменданта крепости, в ходе боев взлетные полосы аэродрома сильно пострадали, перестав соответствовать требованиям, которые предъявляли к подобным сооружениям в Люфтваффе.

Прежде чем мы вернемся к положению Бреслау и ожесточенным боям, которые начались 15 февраля 1945 года, уделим внимание некоторым подразделениям разных родов войск. Своевременно начатый отвод военных саперов от мостов через Одер позволил создать несколько оперативных команд, которые должны были подготовить к уничтожению располагавшиеся в западных и южных предместьях Бреслау многочисленные путепроводы. К великому сожалению немцев, этим командам пришлось уничтожить мосты через Вайстриц, левый приток Одера. На участке от Немецкой Лиссы до Канта не осталось ни одной переправы. Впрочем, это позволило немцам выиграть время. Не взорви они эти мосты, советские войска уже в феврале 1945 года были бы под стенами Бреслау.

Во время отступления 269-й и 17-й немецких дивизии не все их части смогли избежать окружения. В итоге в Бреслау оказалось несколько подразделений и определенное количество оружия. В городе очутились:

– унтер-офицерская школа Штригау, чьим составом в тот момент командовал капитан Зоммер;

– батальон фаненюнкеров военной школы Гнезен;

– учебно-разведывательное подразделение 8 из Ёльса под командованием ротмистра

Ханфа;

– шесть 75-миллиметровых штурмовых орудий (немецких самоходных артиллерийских установок) из состава 311-й бригады штурмовых орудий;

– одно подразделение (три батареи) тяжелых 150-миллиметровых полевых гаубиц, которым командовал капитан Гирардет;

– одна батарея (два ствола) 210-миллиметровых минометов, к которым имелся боезапас только на 50 выстрелов;

– часть 269-го саперного батальона;

– многочисленные транспортные средства 17-й дивизии.

Штурмовые орудия были тут же включены в состав постоянно используемого в боевых действиях «Подразделения истребителей танков Бреслау». По большому счету, они стали его ядром. Оберлейтенанту Реттеру, подчинявшемуся временному квартирмейстеру, майору Пёлю, было поручено «прочесать» все находящиеся в городе и округе склады и железнодорожные станции. Он предполагал найти подбитые или неотремонтированные танки. Но итогом ревизии стало обнаружение около сотни «офенроров» («печных труб» – ранних модификаций противотанковой реактивной установки «Панцершрек») приблизительно с 6 тысячами зарядов к ним. В итоге к 20 февраля 1945 года «Подразделение истребителей танков» стало важным резервом при обороне крепости.

Один из командиров «Подразделения истребителей танков», артиллерист штурмового орудия Хартман (в апреле 1945 года он будет представлен к званию лейтенанта), так вспоминал о начале этой работы:

«Первые три дня в крепости Бреслау я провел в бункере, где располагался военный госпиталь. Я не был ранен. В госпиталь я попал утром 16 февраля 1945 года по причине полного истощения. С имеющимися в распоряжении десятью штурмовыми орудиями 269-й пехотной дивизии на протяжении 12–13 февраля мы пытались отразить к югу от Бреслау наступление русских, которое они предпринимали с плацдармов в Бриге и Штайнау. Были отбиты все атаки. Чуть южнее позиций нашей боевой группы русским удалось прорвать линию фронта, после чего Бреслау оказался окруженным, а мы – отрезанными от своей части. В ночь с 13 на 14 февраля мы попытались вырваться из окружения. Но деревня Галлен, через которую лежал наш путь, оказалась буквально нашпигована противотанковыми орудиями и русскими минометами. Также обнаружили там значительное количество танков. Попытка прорвать оборону противника не увенчалась успехом. На рассвете я со своим штурмовым орудием был вынужден вернуться на исходные позиции. Мы отходили мимо наших сожженных машин. Мы собирались вместе у имения Шёнвассер. Уцелевшие шесть штурмовых орудий из состава нашей 311-й бригады были вынуждены направиться в Бреслау. Все желающие могли попытаться пешком вырваться из окружения. Я не знаю, удалось ли им это, но у меня это не получилось. Я перебрался по тонкой корке льда и весь день промокший лежал к югу от Херцогсхуфена межу нашими и русскими позициями, в ночь с 15 на 16 февраля на подходе к Брокау я столкнулся с несколькими фольксштурмистами, которые тут же направили меня в госпиталь. Через три дня я выздоровел и был уже на ногах. У меня до сих пор не укладывается в голове, как я умудрился не заработать воспаление легких или что-то вроде того. За эти три дня у меня было предостаточно времени, чтобы обдумать сложившуюся обстановку. Впервые за всю войну мне стало страшно. Я оказался в русском окружении. Ходили самые различные слухи. Каждый хотел верить в то, что нас деблокируют. Никто не считал возможным, что город можно будет удерживать более трех недель. На третий день лечения я смог передвигаться самостоятельно. В то время у стороннего наблюдателя вряд ли бы сложилось мнение, что мы жили в осажденном городе. По улицам ходили даже трамваи. На каждом углу были расклеены красные листки с приказами коменданта крепости. Каждую ночь прожектора русских исследовали небо, а их зенитная артиллерия, чей огонь напоминал издали жемчужные ожерелья, охотилась за нашими самолетами. Я прибыл в подразделение, которому были переданы штурмовые орудия моей бригады. Начиналось формирование танковой роты «Подразделения истребителей танков Бреслау». Она состояла из двух взводов штурмовых орудий, одного взвода с шестью легкими танками и одного взвода, снабженного самоходными

лафетами. Самоходные орудия, число которых никогда не превышало шести, имели 75-миллиметровые пушки, а танки – 20-миллиметровые. Командир роты, оберлейтенант Фенцке командовал штурмовым танком модели IV, на котором было установлено орудие от «Пантеры». В качестве униформы для состава роты использовались темно-синие, подбитые мехом летные комбинезоны. В чем – в чем, а в одежде недостатка явно не ощущалось. По своему составу рота была очень пестрой: экипажи штурмовых орудий, танкисты, люди из противотанковых подразделений, артиллеристы. Впрочем, это не помешало нам в кратчайшие сроки стать слаженной военной единицей».

Если говорить об артиллерийских частях, то из «Боевого порядка и местоположения артиллерийских батарей» вытекало следующее. Артиллерийская группа «Север» была приписана к полкам Мора и Зауэра. Артиллерийская группа «Запад» поддерживала огнем из района Гандау полки Бессляйна и Ханфа. Артиллерийская группа «Юго-запад» состояла из гаубиц, которыми командовал Гирардет. Они должны были прикрывать юго-западный фланг полка Веля. Кроме этого, из состава 609-й дивизии был выделен отдельный артиллерийский полк, который состоял из трех неполных батальонов, которыми командовал майор Зиберт. В целом эти 32 артиллерийские батареи совместно с полком зенитной артиллерии, который подчинял непосредственно командующему крепостной артиллерией Урбатису, насчитывали около 200 стволов. В условиях нормального снабжения боеприпасами немецкая артиллерия могла стать серьезным препятствием для советского наступления.

Единственное, с чем не испытывал никаких проблем комендант Бреслау, было продовольствие – его было едва ли не в изобилии. Связано это было отнюдь не с тем, что после провозглашения Бреслау крепостью в нем стали создаваться специальные запасы. Дело в том, что на протяжении нескольких лет Силезия как «бомбоубежище Германии» становилась областью, в которой создавалось множество складов. В итоге эту немецкую область можно было бы назвать некой «имперской кладовой». Если говорить об уровне имевшихся припасов в Бреслау, то можно назвать такие цифры как 5 миллионов куриных яиц и 150 тысяч замороженных кроличьих тушек; это не считая прочих продуктов питания. Столь огромные запасы не просто имелись в наличии в осажденной крепости, но и благодаря стараниям заместителей бургомистра Штедтлера и Альберта Штоша хранились едва ли не в идеальных условиях. Население Бреслау должно было быть благодарно этим двум людям, что во время осады оно имело не только достаточное количество пищи, но даже алкогольные напитки и сигареты. Забегая вперед, скажу, что Штедтлер погиб во время одного из воздушных налетов.

Генерал Альфен, приобретший определенный опыт в обороне крупных городов, заблаговременно решил позаботиться о канализации Бреслау. Для этого он привлек городского советника по вопросам строительства д-ра Либиха. Перед ним было поставлено две задачи. Во-первых, при вероятном развертывании советского наступления с юга нужно было предотвратить проникновение передовых отрядов Красной Армии на территорию Бреслау через канализационные сети. В противном случае советские солдаты могли почти беспрепятственно оказаться почти в самом сердце крепости. Во-вторых, надо было оперативно выяснить, насколько была затоплена канализация в районе расположенных к северу от Одера лугов. Если эти канализационные сети не были затоплены, но имелась подобная возможность, то это могло стать выгодным моментом в укреплении обороны «северного» фронта, как минимум, сэкономить имеющие в распоряжении немцев силы. Советник Либих смог вполне успешно справиться с поставленными перед ним задачами, о чем мы поговорим отдельно. Впрочем, никто из командования Бреслау не ожидал, что разлив Оле приведет к возникновению настоящего озера. Но при помощи использования специальной гидротехники можно было все-таки затопить луга, которые имели значительные низины и овраги. Подобная болотина вряд ли могла полностью остановить наступление Красной Армии, но в любом случае могла стать естественным заграждением для хорошо ориентирующихся на местности подразделений Фольксштурма.

Если говорить о санитарных подразделениях, то они находились под командованием старшего полевого врача Мелинга. В своих мемуарах генерал Альфен отмечал:

«Эта сфера деятельности была прекрасно организована и с точки зрения снабжения медикаментами, и с точки зрения наличия грамотного персонала, который в большинстве своем состоял из врачей различных клиник Бреслау. Хорошее снабжение медикаментами давало надежду, что мы не будем знать медицинских проблем во время оборонительных боев». Большинство немецких госпиталей располагалось в специальных бункерах.

Если говорить о гражданском населении, то надо отметить, что после 14 февраля было прекращено любое движение из города. Все беженцы, которые не успели покинуть город, были размещены в помещении Нового рынка (Ноймаркт) на юге Бреслау. Как отмечал генерал Альфен:

«80 тысяч населения не доставляли командованию никаких хлопот, так как имелись достаточные запасы продовольствия. Но такое количество людей создавало другие проблемы. Возникали вполне правомочные, чисто человеческие вопросы. Например, какие районы города надо было сразу же эвакуировать? В феврале ответить на него было сложно, так как над Бреслау постоянно сгущались тучи. Все зависело от общей обстановки на фронтах и того, насколько удачно будет развиваться наступление противника. Если он угрожал вначале с севера, то эвакуировались северные районы. Гражданское население могло переждать бои на юге города».

Военное командование решило избавить себя от проблем с эвакуацией мирного населения и передало эти задачи в руки партийной организации НСДАП, а именно крайсляйтеру. Кроме этого во время осады крепости немцам весьма пригодилось сотрудничество с фирмой «ФАМО». Этому будет посвящен отдельный сюжет.

Отдельным, неким символическим действом стало перемещение командования крепости из служебных помещений, которые располагались на Гарбиц-штрассе, в хорошо укрепленные подвалы на холмах Либих, где было предусмотрительно создано помещение командного пункта. Подобный переезд для немцев оказался весьма своевременным. Когда во второй половине дня 14 февраля 1945 года оперативный отдел штаба крепости сообщил коменданту о готовности начать работу в новых условиях, пришли сведения, что прежнее здание штаба было полностью уничтожено во время советской бомбардировки. «Переселение» состоялось, что называется, в самый последний момент. Если говорить о новом местоположении штаба крепости, то надо отметить, что для его размещения пытались выбрать наиболее благоприятное место. При его выборе учитывалось несколько факторов: возможность свободного передвижения, удобство протягивания кабеля связи, а также некие конструктивные особенности. В итоге был выбран один из просторных подвалов, в котором постоянно могло поддерживаться искусственное освещение. Часть этого подвала была несколькими годами ранее расширена, так как именно здесь предполагалось расположить штаб ПВО Бреслау. Нет ничего удивительного в том, что в 1945 году здесь расположился штаб «крепости Бреслау». Каково же было удивление штанных офицеров, когда один из них стал утверждать, что перекрытия данного бункера-подвала были возведены без железного армирования. Поначалу к данным сведения отнеслись скептически и весьма недоверчиво. Лишь после того, как были предоставлены строительные планы, оказалось, что данная информация была верной. При прямом попадании бомбы штаб мог сложиться как карточный домик. В итоге в срочном порядке был вызван саперный батальон Фольксштурма, который должен был усилить конструкцию здания. В основном для этого использовались вывороченные из мостовой соседних улиц булыжники, которые в свое время были сделаны из силезского гранита. В итоге над подвалом возникла новая насыпная конструкция. В конце февраля практика показала, что она была в состоянии выдержать несколько бомбовых попаданий. Из состава батальона Теншерта в штаб вовремя был переведен оберлейтенант Зееван, который сделал немало для обеспечения жизнедеятельности командного пункта крепости. Этот офицер оказался по своему образованию специалистом по организации крепостных командных пунктов. Впоследствии именно по его инициативе было подготовлено запасное помещение штаба крепости, которое располагалось на Песчаном острове в многовековых подвалах университетской библиотеки. И,

наконец, именно оберлейтенант Зееван возвел в восточных районах городах третий командный пункт, который, впрочем, так никогда и не использовался.

Но обратимся к проблемам простых жителей Бреслау. В конце января 1945 года ни для кого не было секретом, что в ближайшее время советские войска должны были блокировать город. Поэтому во всех районах «Организация Тодта» начала работы по возведению на улицах баррикад. Но сил организации для успешного выполнения поставленной перед ней задачи явно не хватало. По этой причине к строительным работам активно привлекалось гражданское население. Собственно строительными работами это было назвать трудно, так как основным материалом для баррикад служили камни, вывороченные из мостовой. В возведенных баррикадах оставляли лишь небольшие проезды, в которые могла «протиснуться» машина или городской трамвай: как правило, они совпадали с рельсовыми путями.

Особенностью осады Бреслау было то обстоятельство, что из имевшихся на тот момент десяти трамвайных маршрутов три продолжали свою работу. И это касалось не только первых дней осады. Итак, что же это были за трамвайные маршруты? Один имел условное название «окружная железная дорога»; он еще иногда именовался «круглым маршрутом». Он связывал между собой вокзал у Одерских врат, Фрайбургский вокзал и Главный железнодорожный вокзал. Действовал также маршрут № 1, который пролегал через Требницскую площадь, шел на север к городскому кольцу через площадь Гинденбурга (до этого площадь кайзера Вильгельма), а затем ехал в южные пригороды. Был еще маршрут, который пролегал с запада на восток. Он начинался у аэропорта Гандау на западе и закачивался, проходя через центральное кольцо, на Офенер-штрассе на востоке. Но если углубиться в центр самого Бреслау, то мы смогли бы обнаружить там бесчисленное множество новых трамвайных маршрутов. Это было связано с тем, что в центре Бреслау располагалось огромное количество партийных, административных органов, военных предприятий, которые были эвакуированы сюда несколько лет назад. Там же располагались военные госпитали и армейские ведомства. Для оперативного сообщения между ними были пущены трамваи. Кроме этого, партийное руководство полагало, что при помощи подобного приема оно могло подавить панические настроения среди населения: «Трамваи ходят – значит бояться нечего, все не так уж плохо». Пока горожане ездили на трамваях, в них могла еще жить надежда, что все исправится. Трамвай даже в окруженном городе был неким символом обычной, нормальной жизни. Но от многих не укрылись странные изменения. Трамваи стали ходить без кондукторов, а плату за проезд больше никто не требовал. Впрочем, в начале марта пустили маршрут, который ездил с юга на север города. Но уже в середине марта трамвайный парк оказался разбомбленным. К апрелю в городе действовал лишь «круглый маршрут», по которому трамваи следовали от Требницской до Королевской площади. Была еще небольшая трамвайная ветка Королевская площадь – Шлахтхоф – Франкфуртская улица.

Последние дни января прошли под знаком активного переселения немецкого населения с севера на юг города. Поскольку военное командование посчитало, что советские войска нанесут удар по городу с сервера, то было издано распоряжение очистить все районы на правом берегу Одера. В итоге в южные пригороды Бреслау в поисках жилья и пропитания устремились тысячи людей. Но и здесь они не нашли покоя, так как впоследствии 17 февраля части Красной Армии нанесли удар именно с юга, между Брокау и Клеттендорфом. Наступление было настолько сильным, что жители были вынуждены устремиться обратно. Подобные эвакуации проходили в буквальном смысле одна за другой. На каждую из них отводилось минимальное количество времени. Нередко приказы напоминали издевательство. Так, например, в конце января на переселение больницы Вифлеема, находившуюся на Маттиас-штрассе, было отведено всего лишь 20 минут! А ведь там находились тяжелобольные люди, над которыми взяли опеку диаконисы из Грюнбергского материнского дома. В столь же спешном порядке в одну из городских больниц был перемещен госпиталь во имя Всех Святых. Не успели они обустроиться на новом месте, 17 февраля больных в такой же жуткой спешке стали увозить из южных пригородов на север. Неизвестно, от чего больные пострадали больше: от советского наступления или «заботы» партийных властей.

О том, насколько тяжело приходилось гражданскому населению в Бреслау, можно судить по воспоминаниям Эрнста Хорнинга. Из бесед со священниками и прихожанами он узнавал о растущем числе самоубийств, которые происходили в городе. Сам же он придерживался

мнения, что установить их точное количество было делом сложным. Свидетельства очевидцев тоже весьма расходились. Приведем две полярные оценки. Одна из них принадлежала священнику Паулю Пайкерту. Тот записал 13 марта в своем дневнике:

«Из достоверного источника я узнал, что ежедневно в нашем городе происходит от 100 до 120 самоубийств».

В то же самое время член попечительского совета больницы Святого Георгия Альфонс Буххольц отмечал:

«После окружения города русскими добровольный уход из жизни не был очень распространенным явлением».

Собственные наблюдения Хорнига давали некую промежуточную цифру. В своих воспоминаниях он логично замечал, что дать «достоверные данные» в то время в Бреслау не мог никто. Сам же он слышал о волне самоубийств, которая началась во время приближения фронта к Бреслау, а затем получила новый импульс с началом боев на южных окраинах города. По его подсчетам, счеты с жизнь ежедневно сводили около 50 человек. Если эту цифру помножить на 84 дня осады Бреслау, то получается, что за это время с собой покончило около 4200 человек. Впрочем, точные сведения об этой проблеме вряд ли удастся когда-либо получить.

28 января 1945 года жители Бреслау с ужасом обнаружили расклеенные на улицах домов листовки, подписанные гауляйтером Ханке. В них говорилось:

«Второй бургомистр города, министерский советник д-р Шпильхаген попросил обер-бургомистра столицы гау Ляйхтерштерна связаться с Берлином, дабы того назначили на новую должность. Его исключительная трусость подвигла его к бегству… По моему приказу министерский советник Шпильхаген был расстрелян отдельным подразделением Фольксштурма перед зданием ратуши. Тот, кто боится погибнуть с честью, умрет в бесчестии».

Хуго Эртунг, в свое время достаточно известный немецкий писатель и сценарист, написал в те дни в своем дневнике:

«Один из наших фаненюнкеров пришел ко мне в квартиру бледный и взволнованный. Он рассказал о том, как стал свидетелем расстрела бургомистра Шпильхагена, что было личной инициативой гауляйтера. Я часто встречал д-ра Шпильхагена в трамвае – мы оба очень рано выезжали на работу. Как-то раз я даже имел беседу с этим очень умным человеком, который не стеснялся высказывать критику в адрес царивших порядков. Его ужасный конец просто потряс меня».

Другой очевидец вспоминал:

«Приказу о расстреле Шпильхагена предшествовал многолетний конфликт с гауляйтером Ханке, которого экономный бургомистр критиковал за помпезные празднества, которые устраивались в городе. Теперь партийный функционер получил повод для того, чтобы наконец-то расправиться с критиковавшим его бургомистром. Утром 28 января в 6 часов утра расстрельная команда направила винтовки на бургомистра, которого с завязанными глазами поставили у подножия конной статуи Фридриху II. Раздалась команда, залп, и д-р Шпильхаген упал мертвым». Далее очевидец продолжал: «Затем было еще много страшных расстрелов. Со временем даже перестали расклеивать листовки, объявлявшие о них. Накануне 1 февраля по приказу Ханке появилось такая листовка: «Начальник сельскохозяйственного управления Нижней Силезии д-р Зоммер 25 января, не получив на то соответствующего разрешения, самовольно покинул свой пост в Бреслау и без каких-либо веских причин направился Гёрлиц… По законам военного времени он был расстрелян»».

Были и другие плакаты. Вот еще один вопиющий пример. Очевидец вспоминал:

«Меня потрясла смерть бургомистра города Брокау, Бурно Курцбаха. Из текста объявления мы узнали, что тот 26 января оставил свой пост. Как выяснилось на допросе, он из соображений безопасности хотел перевезти свою семью в Штригау. Из Штригау он по телефону связался в Бреслау, чтобы выяснить, являются ли правдивыми слухи о том, что Брокау был занят русскими. Поскольку с городом не было никакой связи, он посчитал, что тот был захвачен неприятелем. Сам Курцбах полагал своим долгом сообщить в земельный совет открыткой о том, что он ожидает дальнейших распоряжений в Штригау. Затем последовали обвинения в том, что бургомистр оставил город на произвол судьбы. Как итог, он был расстрелян по приказу гауляйтера».

Нередко должностных лиц расстреливали даже за то, что они покидали свою резиденцию. Стоило оказаться за пределами своего места жительства, как человек уже считался трусом и дезертиром.

Впрочем, были и вовсе удивительные случаи. Об одном из них вспоминал Эрнст Хорнинг. О нем ему рассказала уже после капитуляции одна из молодых прихожанок храма Святой Варвары. Ее младший брат, которому только исполнилось 16 лет, был расстрелян по пресловутым «законам военного времени». Сам мальчик наотрез отказался идти добровольцев в Фольксштурм. Когда к нему на улице к нему обратился какой-то фанатично настроенный рабочий, почему тот не был в рядах народного ополчения, то подросток ответил:

«Может, именно благодаря мне Адольф так и не выиграет войны».

Рабочий доложил об этом случае «куда следует», и на следующий день мальчишку расстреляли.

Если говорить об общих настроениях жителей Бреслау, то они с ужасом и отвращением думали об этих расстрелах. Подобное отношение распространялось и на партийные структуры. С одной стороны, низовым структурам НСДАП, конечно же, нельзя было отказать в некоторой заботе о населении в окруженном городе, но, с другой стороны, жители были недовольны жесткими мерами, когда к рискованным работам в принудительном порядке привлекали женщин и детей. В итоге настроения, господствовавшие в обществе, по мнению Эрнста Хорнинга, были направлены против гауляйтера и местного партийного руководства. Излишняя жестокость честолюбивого гауляйтера стала очевидной всем, когда появилось очередное объявление:

«Тот, кто присваивает себе собственность эвакуированных народных товарищей, должен быть казнен как грабитель и мародер. Этот принцип, продиктованный военным временем, был применен к двум женщинам».

В дни, когда существовала реальная опасность прорыва советских войск в Бреслау с севера, Хуго Эртунг записал в своем дневнике:

«30 января. Плохие известие прибывают он юнкеров из военного училища. Они несут большие потери. Кроме этого многие из них рискуют быть обмороженными. Мальчишек посылают на заснеженные позиции в полуботинках».

Собственно в те дни болели не только молодые юнкера. Именно в эти дни с воспалением легких свалился генерал Краузе.

В последние дни января произошло еще одно событие. В доме Эрнста Хорнинга появился эсэсовский офицер. Он объявил евангелическому священнику, что должен передать приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Согласно этому приказу, все священники города Бреслау должны были покинуть его в течение 24 часов. Сам Хорниг стал возражать. Он объяснял, что мог бы принять данное указание только к сведению. Эсэсовский офицер не стал в ответ ни возражать, ни угрожать. Сам Хорниг подчеркивал в своих мемуарах, что у него сложилось

впечатление, что эсэсовский чин прибыл из Берлина только для того, чтобы озвучить приказ, но его мало волновало исполнение оного. Кроме этого оставление города было небезопасным занятием. Священников могли подобно расстрелянными чиновниками принять за «дезертиров». В итоге делегация от католиков и евангелистов направилась к Ханке. Гауляйтер подчеркнул, что впервые слышит о подобном приказе Гиммлера. После долгих переговоров с представителями партийных органов и местной структурой гестапо было решено, что выбор – оставаться в городе или нет – был личным волеизъявлением каждого священника.

Между тем жители Бреслау стали выражать немалую обеспокоенность тем, что над городом повисла угроза полного окружения. О серьезности положения говорили даже сводки Верховного командования Вермахта. В документе от 4 февраля сообщалось следующее:

«6-я русская армия занимает позиции широким фронтом от Гляйвица до Вальденбурга. Можно ожидать, что Бреслау будет взят в клещи».

Теперь об угрозе блокады заговорили буквально все. О критическом положении крепости писалось даже в заявлениях местной партийной организации и комендатуры. 6 февраля, после длительных проволочек, появилось воззвание гауляйтера.

«Жители и жительницы Бреслау! Вновь и вновь мы видим на вокзалах и выездных дорогах, что из Бреслау эвакуируются народные товарищи, которые несут свои вещи. Так как в первую очередь должны вывозиться семьи с детьми, то возвратившиеся в город за своими вещами более не смогут эвакуироваться по железной дороге. Органы власти получили распоряжение задерживать всех, кто без документов, удостоверяющих личность, пытается пешком покинуть город».

Вопреки всем заявлениям, сделанным уже после войны, прежнее военное командование крепости не уделяло должного внимание эвакуации гражданского населения. По этой причине новый комендант крепости, генерал-майор Ганс фон Альфен, 7 февраля подписал приказ:

«Все женщины с детьми, а также женщины старше 40 лет должны покинуть Бреслау».

«Силезская ежедневная газета», являвшаяся единственным местным официальным органом НСДАП, 9 февраля опубликовала новый, весьма длинный приказ коменданта крепости. В нем сообщалось, в том числе, о причинах его появления:

«Согласно приказу я сменил на посту коменданта крепости заболевшего генерал-майора Краузе».

Далее приводился текст приказа, который фон Альфен получил 26 января 1945 года. Комендант крепости взывал *«к чувству собственного достоинства и совести каждого из служащего Вермахта»* . Показательно, что генерал обрушился с критикой *«на старую немецкую ошибку и болезненную склонность к бюрократизму и бумажной волоките, от чего надлежало избавиться как можно скорее»* . В качестве главной мысли в приказе-обращении прозвучал призыв:

«Сохранять стойкость и силу веры, а также не позволять себя смущать неблагоприятными сообщениями о положении города и действиях противника».

Фон Альфен также призывал не задаваться вопросом о том, может ли следование приказам привести к смерти, а спросить себя: *«Как я выполню порученное мне задание?».* Генерал даже привел известные слова Фихте:

«Ты должен думать о будущем Германии, о возрождении твоего народа. Не позволяй происходящему вокруг лишить тебя веры. Ты должен поступать так, как если бы от твоих действий и от тебя лично зависела судьба всего дела».

Как видно из стилистики, этот приказ был обращен в первую очередь к частям Вермахта и Фольксштурму. Собственно, он был адресован к 40 тысячам плохо вооруженных солдат и фольксштурмистов. Но не стоит слишком сильно корить фон Альфена, не надо забывать о том, что в это время командующим группа армий «Центр» был Шёрнер, который наводил ужас на всех подчиненных. Именно он стал активно применять расстрелы для отступающих солдат.

Гауляйтер Ханке не мог остаться в стороне. В своих обращениях он обращался к историческим примерам: к 1241 году, когда в битве при Лигнице германо-славянское войско смогло остановить продвижение монголов, или к 1813 году, когда Пруссия поднялась против Наполеона, а Бреслау был одним из первых городов, поддержавшим призыв короля Фридриха-Вильгельма III «К моему народу». Он призывал также студенчество следовать духу истории.

7 февраля 1945 году в Бреслау прибыл высокий гость – в крепость из Берлина приехал секретарь Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Науман. Месяц назад он держал речь в Познани. Тогда он утверждал, что Восточный фронт силен как никогда, что наступлению русских будет положен конец. Он обещал присутствовавшим новое оружие и новые армии. Но это были пустые обещания. Месяц спустя Науман уже не рисковал давать столько опрометчивые обеты. Он лишь призывал офицеров удерживать крепость до последнего человека.

Науман был ведущим сотрудником министерства Йозефа Геббельса. Это был человек, который до самого конца пребывал во власти собственных иллюзий. Неудивительно, что Гитлер в своем политическом завещании сделал его преемником Геббельса на посту Имперского министра пропаганды; сам Геббельс должен был стать рейхсканцлером. Собственно, появление Наумана в Бреслау, вотчине Ханке, не было удивительным. Ханке и сам был в свою бытность тесно связан с министерством пропаганды.

Как в одной из статей отмечал российский исследователь К. Залесский: «Вообще Ханке был крайне интересной и, безусловно, талантливой личностью и выделялся из ряда других партийных иерархов Третьего рейха». Еще в апреле 1931 года Ханке за слишком активную национал-социалистическую деятельность уволили из училища, и Геббельс сразу же перевел его на оплачиваемую (правда, не очень высоко) освобожденную партработу. С этого момента и до конца своей жизни Ханке был партийным функционером. Новым назначением для Ханке стал пост бецирксляйтера (районного руководителя), а затем и крайзляйтера (окружного руководителя) Западного Берлина. Надо отметить, что это был уже довольно высокий пост в нацистской партийной иерархии: выше стоял гауляйтер, т. е. руководитель гау – а это уже венец карьеры. Берлин же в административном отношении позже был разделен на 10 крайзов – а в 1931 году их было еще меньше. Одновременно Ханке стал гауреднером (т. е. официальным оратором по политическим вопросам) и бетрибс-целленреднером (т. е. оратором на предприятиях) и в этом качестве стал активно участвовать в нацистских пропагандистских кампаниях.

В 1932 году Ханке стал личным адъютантом и референтом Геббельса (по должности имперского руководителя пропаганды) и первым руководителем по организационным вопросам гау Берлин. На выборах 24 апреля 1932 года Ханке был избран членом ландтага Пруссии, а 6 ноября 1932 года – депутатом рейхстага по 3-му округу (Потсдам II) и таким образом стал уже деятелем общегерманского масштаба. Членом рейхстага Ханке оставался до краха Третьего рейха. В тот же день, 6 ноября, Геббельс перевел Ханке из гау Берлин в свой аппарат – Имперское управление пропаганды НСДАП – гауптамтсляйтером (руководителем главного управления).

После прихода Гитлера к власти покровитель Ханке Йозеф Геббельс получил возможность поставить под свой контроль всю пропагандистскую работу в Германии, и, когда 13 марта 1933 года было объявлено о создании Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, Ханке был переведен в его центральный аппарат и назначен личным референтом и руководителем личного секретариата имперского министра (им стал Йозеф Геббельс). В июне 1933 года Ханке получил ранг министерского советника. В феврале 1934 года Ханке вступил в СС (билет № 203 103) и 7 августа того же года получил звание

штурмбанфюрера СС. Карьера в СС шла параллельно с партийно-государственной: 23 января 1934 года Ханке был зачислен в штаб рейхсфюрера СС, 1 июля 1934 года стал фюрером для особых поручений при штабе XXIII абшнита СС и, наконец, 1 апреля 1936 года вновь попал в штаб рейхсфюрера СС.

В июне 1934 года Ханке сопровождал Геббельса во время его официального визита в Варшаву и Краков. В январе 1937 года Ханке, оставаясь начальником секретариата, получил еще и пост 2-го вице-президента Имперской палаты культуры (президентом был Геббельс): фактически на Ханке легла вся повседневная работа по этому органу. 20 апреля 1934 года он получил ранг министериальдиректора, с 15 января 1938 года стал статс-секретарем (т. е. заместителем министра) Имперского министерства народного образования и пропаганды. Одновременно, «без отрыва от производства» Ханке прошел переподготовку в воинских частях (ноябрь – декабрь 1937 года). Параллельно с развитием карьеры на государственной службе шел и рост Ханке в чинах СС: 12 апреля 1935 года от стал оберштурмбаннфюрером, уже 5 сентября того же года – штандартенфюрером, 20 апреля 1937 года – оберфюрером СС.

Но вернемся обратно в Бреслау. То, как кольцо советского окружения замкнулось вокруг Бреслау, достаточно красочно изображал в своих воспоминаниях командир 17-й пехотной дивизии генерал Заксенхаймер:

«В ночь с 10 на 11 февраля не было никакой возможности более сдерживать продвижение вперед мощных танковых колонн, которые двигались по шоссе в направлении Канта-Бреслау… Части генерала Лёпера получили приказ занять оборону по обе стороны от шоссе… С 11 по 13 февраля наш передний край обороны проходил от Шлаупе до Одера, через Яшкендорф и холмы, расположившись чуть восточнее Нового рынка, до Франкеталя. В эти дни русские нанесли удар с обеих сторон от шоссе. Захваченную ими территорию не представлялось никакой возможности отбить обратно. Исход этих боев сводился к тому, что неприятель, нанося непрерывные удары вдоль шоссе, замкнул кольцо окружения вокруг Бреслау».

В этой связи Заксенхаймер вспоминал об эпизоде, который произошел у деревни Лойтен (округ Ноймаркт – Новый рынок), где когда-то в ходе Семилетней войны Фридрих Великий в 1757 году одержал убедительную победу. Фронт постепенно отодвигался в сторону Бреслау. Генерал никак не мог забыть одну женщину, которая, не желая покидать свой родной дом, решила помочь отступающей дивизии. По самому обычному телефону, выглядывая из окна, она передавала сведения о проходивших мимо советских частях.

Немцам явно не хватало сил, чтобы противостоять советскому наступлению. Заксенхаймер это отчетливо понял еще во время боев у шоссе. У Красной Армии было несомненное численное преимущество. К югу от города после нескольких боев советскими войсками были заняты Домслау, Клеттендорф, Шёнгартен, Хартлиб. Вскоре части Красной Армии оказались у так называемой окружной дороги, которая могла привести к вокзалам Мохберн, Шмидефельд и Брокау. По большому счету, советские войска находились всего лишь в 5 километрах от центра города. Щипцы советского наступления сжались: на юго-востоке – в районе Олау, а на западе – в районе Мальча.

Те, кто не успел выбраться из города, все еще лелеяли неясные надежды. А как же иначе? Ведь еще 13 февраля в сводке Верховного командования Вермахта говорилось:

«В Нижней Силезии наши части предприняли контратаку, чем сорвали попытку Советов отрезать крепость Бреслау от основных немецких сил. На небольшом участке фронта к юго-западу от города противник потерял в бою около 60 танков».

Но 14 февраля всякая связь с «внешним миром» на юге города внезапно оборвалась.

Целый день жители города пребывали в некой растерянности. И только 15 февраля генерал фон Альфен объявил:

«Жители Бреслау! Наша крепость полностью окружена. Это не должно быть для Вас неожиданностью, так как крепость должна постоянно жить с мыслью, что ей придется сражаться в окружении… Мы должны приготовиться к тому, что на улицах нашей крепости будут разрываться мины, снаряды и бомбы. Во время обороны крепости это является нормальным явлением. Для каждого горожанина является недостойным терять самообладание под этим огнем. Помните о том, что в нашей истории есть множество примеров того, как крепости были окружены, но продолжали успешно обороняться… Если на Бреслау будут падать снаряды, то надо сохранять спокойствие и спрятаться в подвалах! Для усиления нашей обороны могут быть взорваны мосты через Одер. Не теряйте мужества!».

Глава 4. Удар с юга

Но вернемся к советским войскам, которые мы оставили на позициях, которые они занимали 14 февраля 1945 года. 15 февраля части Красной Армии замкнули кольцо окружения вокруг Бреслау, крепость оказалась в осаде. Положение немцев нельзя было назвать безнадежным. На юге позиции удерживали 3–4 полка, а еще по одному – на юго-западе, западе и севере. Грамотно выбранные позиции для обороны могли позволить немцам долгое время не обращать внимания на численное превосходство советских войск, которые намеревались штурмовать крепость.

Не исключено, что воодушевленное стремительным наступлением и тактическими успехами января 1945 года советское командование оказалось во власти иллюзий относительно возможности продолжительного сопротивления защитников Бреслау. Оказавшись на немецкой земле, части Красной Армии уже чувствовали себя победителями и не предполагали столкнуться со столь ожесточенным сопротивлением. Сам генерал фон Альфен вспоминал по этому поводу:

«Возможно, что командование противника в своей характерной манере начало быстрое стремительное наступление без длительной подготовки к нему. Однако направление основного удара, которое после 7 февраля все более и более перемещалось на юг, было выбрано правильно».

Действительно, к югу от Бреслау не имелось никаких естественных преград, если не считать таковой сложно-пересеченную местность. Несмотря на стремительное продвижение вперед советских войск, к счастью для немцев, они действовали совершенно не согласованно. Наступление на Бреслау с юга, с севера и с запада не представляло какой-то единой операции, каждый участок представлялся едва ли не самостоятельным театром боевых действий. Немецкая группировка в Бреслау смогла с выгодой для себя использовать данное обстоятельство.

После того, как на протяжении 14–16 февраля самая мощная «южная» советская группировка войск ограничивалась только разведкой боем, 17 февраля началось давно запланированное наступление на крепость. Оно стартовало между Клеттендорфом и Брокау с мощнейшей артиллерийской подготовки. Но на «западном» и «северном» фронтах советские войска предпочли ограничиваться небольшими операциями, в основном разведывательного характера.

Как уже говорилось, к югу от городских окраин Бреслау не имелось ни хорошо укрепленных оборонительных позиций, ни естественных преград. Немецким войскам было весьма проблематично противостоять превосходящим силам Красной Армии на этом участке боев. Предвидя последствия данного советского наступления, командование крепости направило в этот район наиболее опытные, так сказать, «старые», воинские части. Несмотря на то, что они неизбежно были вынуждены отступать, можно отметить, что советское наступление отнюдь не превратилось в «красный потоп». За несколько дней боев (17–22 февраля) частям Красной Армии удалось продвинуться вглубь немецких позиций не более чем на 2 километра. При этом сами немецкие «старые» части не потеряли взаимосвязи с «молодыми» воинскими формированиями, что в сложившихся условиях можно было считать тактическим успехом. Но в любом случае немцам не удавалось остановить советское наступление.

Во время начавшихся на «южном» фронте боев располагавшаяся поблизости больница «Бетезда» почти сразу же стала наполняться ранеными. Многие из немецких солдат получили ранение в голову. Старшая медицинская сестра Маргарита Циглер вспоминала о событиях 16 февраля:

«Было ужасно видеть такое количество молодых людей с тяжелыми ранениями головы и поврежденными глазами. Солдаты с трудом сдерживали натиск, им не хватало боеприпасов и оружия».

Несмотря на постоянную угрозу бомбардировок и артиллерийских обстрелов, «Бетезда» продолжала действовать на протяжении всего февраля и марта 1945 года.

Советским войскам с боями удалось занять южную железнодорожную дамбу. Именно в этом районе они впервые вошли на территорию города. В ходе этих боев советское командование, как и сами красноармейцы, получило ясное понимание того, что защитники Бреслау не собирались сдаваться. Во время первых боев уже на территории города выяснилось, что немцы были намерены бороться до последнего патрона. Так, например, под вечер 20 февраля 55-й батальон Фольксштурма, сформированный из членов Гитлерюгенда (Зейферт), предпринял контратаку на территории южного парка. Во время этой молниеносной вылазки, в ходе которой сами подростки почти не понесли потерь, красноармейцы оказались выбиты с территории города. Этот тактический успех немцев, для которого не имелось фактически никаких предпосылок, имел большое значение для всех защитников Бреслау. Как отмечал генерал Альфен: «Их моральный дух укрепился». Сами же красноармейцы поняли, что на скорую победу и быстрое взятие крепости им рассчитывать не приходилось.

Для командования крепости итоги этой дерзкой вылазки имели еще и некое методологическое значение. Был сделан обоснованный вывод о том, что фанатично настроенную молодежь было лучше использовать для стремительных, но не продолжительных операций, например, контратак. Именно в этих условиях подростки из Гитлерюгенда могли продемонстрировать свой взрывной характер. При этом учитывалось, что они не могли с силу психических особенностей участвовать в затяжных боях. По этой причине между местным руководством Гитлерюгенда и комендантом Бреслау была достигнута принципиальная договоренность о том, что после окончания операции 55-й и 56-й «молодежные» батальоны Фольксштурма будут отводить с передовой для того, чтобы дать им отдохнуть и подготовиться к новой вылазке. Сам же отдых должен был быть использован для их военной и тактической подготовки. Как показала практика, подобная тактика привлечения подростков из Гитлерюгенда оказалась весьма эффективной. Сама же контратака, предпринятая под конец 20 февраля, стала своего рода призывом к молодежи Бреслау.

В боях на «юге» побывали многие подразделения. Один из участников оборонительных боев 20 февраля вспоминал:

«Полк Люфтваффе под командованием Веля вместе с Фольксштурмом пытался остановить продвижение русских вперед. Самые ожесточенные бои развернулись за так называемый Киндер-Цобтен. Теперь передним краем нашей обороны стал дамба окружной дороги. Здесь люди стояли насмерть».

Упомянутый холм Киндер-Цобтен был излюбленным местом игр для детей Бреслау. Весной здесь они играли в цветущих ивах, летом и осенью запускали воздушных змеев, а зимой катались на санках. Теперь эта горка стала местом кровопролитных боев.

Немецкая группировка не могла похвастаться исключительной боеспособностью. Отступление от южной железнодорожной насыпи многие считали признаком не самого грамотного командования, но, с другой стороны, именно этот тактический отход позволил немцам сконцентрировать силы и предотвратить проникновение советских войск по направлению к центру Бреслау. Фон Альфен в своих воспоминаниях словно пытался оправдать этот шаг:

«Эта железнодорожная насыпь была лишь небольшим участком всего фронта. Я уже говорил, что по целому ряду причин в январе отказались от демонтажа железнодорожных путей, которые шли в четыре линии. Если бы поблизости вовремя начались фортификационные работы, то это массивное транспортное сооружение можно было подготовить к обороне. Но для этого надо было привлечь специалистов из силезских шахт и необходимые средства еще осенью 1944 года. Однако когда крепость была поднята по тревоге, у нас уже не было ни сил, ни времени, чтобы начать эти работы. На гребне насыпи лишь кое-где были вырыты окопы и пулеметные гнезда».

При этом немецкие позиции были настолько очевидными, что войска Красной Армии даже не намеревались их штурмовать. Большинство пулеметных гнезд и окопов были просто-напросто уничтожены советской артиллерией.

Кроме этого, от дамбы далее в город не шло никакой глубоко эшелонированной системы обороны. С тактической точки зрения отступление от дамбы, которая при соответствующих условиях, конечно же, могла стать отличным оборонительным рубежом, было верным решением. Ее удерживание могло закончиться потерей значительных сил. Штаб крепости уже с начала февраля рассматривал возможность использования данного сооружения для ведения оборонительных боев. Именно по этой причине близ насыпи были заминированы 16 мостов и путепроводов, и при отступлении немецких войск все они были взорваны. Их обломки перегородили путь советским танкам. К моменту взрыва этих объектов (20 февраля) находившиеся на южных участках боев немецкие части более не могли противостоять бронетехнике Красной Армии. В сложившихся условиях ни использование фаустпатронов, ни смелые вылазки не могли остановить продвижение советской техники в центр города. Оставление железнодорожной насыпи и уничтожение путепроводов стало одной из причин, почему советские войска не смогли пробиться к центру крепости еще в конце февраля 1945 года. В итоге прибывший 18 февраля самолетом в Бреслау командир саперного полка майор Хамайстер смог применить свои знания и навыки уже на других участках боев.

В это время 609-ая дивизия вела оборонительные бои на участке фронта, тянувшемся от Ольташина до запутанных кладбищенских и садовых территорий. Примыкавший к дивизии на правом фланге полк Веля сражался у загибавшейся на северо-запад железнодорожной насыпи, которая на южном отрезке уже полностью контролировалась советскими войсками. Над этим полком нависла угроза мощной советской атаки с фланга, которая могла закончиться не только многочисленными потерями, но и утратой значительных территорий. Ко всему этому добавлялось то обстоятельство, что уже в начале боев за город немецкая артиллерия стала испытывать огромные трудности с боеприпасами. В некоторой степени обстановку немцам удавалось исправить посредством использования «Голиафов», телеуправляемых танкеток, которые могли нести на себе значительный запас взрывчатки. При помощи этих танкеток у немцев выходило уничтожать дома и здания, которые были заняты красноармейцами. Например, подрыв здания 4-го трамвайного депо, в котором находились красноармейцы, привел не только к значительным потерям среди советских бойцов, но и весьма негативно сказался на их моральном самочувствии. В частях Красной Армии заговорили об использовании немцами пресловутого «чудо-оружия». Но если советским подразделениям не удавалось прорвать немецкую оборону, то это вовсе не останавливало кровопролитных боев. Советские атаки после 20 февраля следовали одна за другой. Они предпринимались и днем, и ночью. Генерал фон Альфен вспоминал об этих днях:

«Противник огнем всех имевшихся в его распоряжении противотанковых орудий пытался сломить наше сопротивление, которое опиралось в основном на угловые дома улиц. Зажигательные бомбы и снаряды запалили множество домов, и отдельные улицы превратились в море огня, которому мы пытались не дать разлиться дальше».

В итоге, чтобы не сгореть, немцы были вынуждены оставлять отдельные здания и уступать советским войскам территорию. В те дни ожесточенные бои шли за здание кирасирских казарм, которое переходило из рук в руки по несколько раз за день. В итоге полк Веля получил приказ оставить позиции и отступить. Теперь он должен был занять хорошо укрепленные позиции по линии земельное управление Бреслау – Опиц-штрассе – площадь Хёфхен – Лотарингер-штрассе. 22 февраля полк Веля на этом участке фронта был сменен полком Мора. Сам же полк Веля был направлен на более спокойный «северный» фронт.

Подобная смена полков в условиях тесного взаимодействия с находившейся на левом фланге 609-й дивизией стала поворотным моментом в обороне южных рубежей Бреслау. С этого момента до самой капитуляции крепости, которая произошла в мае 1945 года, советские войска не смогли достигнуть сколько-нибудь заметного тактического успеха на данном участке фронта. При приблизительно равном соотношении сил защитники города находились в более

выгодном положении, нежели Красная Армия, части которой в каждой атаке несли огромные потери. Сам генерал Альфен был вынужден признать:

«Переброска полка Мора произошла в самый критический момент».

Здесь можно привести сообщение, которое было перепечатано одним стокгольмским вестником из московской газеты. В нем говорилось о боях в Бреслау:

«Бои идут не только за каждый этаж, но и буквально за каждое окно, в котором немцы установили пулеметы и прочее автоматическое оружие! Сложно понять, как немцы обеспечивают себе снабжение боеприпасами, продуктами и водой. За время всей войны можно было найти лишь несколько примеров столь фанатичной борьбы, как в Бреслау, где демонстрируется полное презрение к смерти».

Если говорить об немецких контратаках и вылазках, то нельзя не упомянуть о поразительном тактическом успехе, которого смогла добиться разведывательная группа под командованием кавалера Рыцарского креста оберлейтенанта Вольфа. Командир группы, который до войны служил унтер-офицером в Бреслау, знал все края вдоль и поперек. Не раз ночью он выходил в тыл советским частям, нанося стремительные удары. Каждая из таких вылазок обычно заканчивалась захватом языка.

Если говорить о боевых действиях полка Мора на «северном» фронте, то в первую очередь надо отметить действия батальона Теншерта. Он занимал позиции на выступающем вперед отрезке фронта близ Закрау и Хундсфельда. Предвидя удар советских сил в данном направлении, он вовремя смог оставить свои позиции. Уклонившись от боя с превосходящими силами Красной Армии, батальон Теншерта спутал все карты советскому командованию. Мощный удар оказался нанесенным в пустоту. Когда немецкий батальон занимал новые позиции на берегу реки Вайда, то он натолкнулся на несколько передовых отрядов красноармейцев. Те не смогли сориентироваться в темноте, и почти все погибли в ожесточенном ночном бою.

Использование полка Мора на «южном» фронте было весьма предусмотрительным шагом. 21 февраля подполковника Мора «осторожно» предупредили о возможной смене позиций. Чуть позже комендант крепости уведомил его о критическом положении, которое складывалось на южных рубежах Бреслау, после чего попросил изложить видение проблемы с небольшим обоснованием предлагаемого решения.

После того, как полк Мора оказался на юге, он неоднократно получал подкрепление – удерживать позиции удавалось с трудом, иногда ценой больших потерь. По состоянию на 1 марта 1945 года полк Мора состоял из семи пехотных батальонов, пяти батальонов Фольксштурма, одного подразделения, вооруженного «офенрорами», и трех батарей зенитной артиллерии. Во время боев полк активно поддерживался основными силами немецкой артиллерии.

Во время оборонительных боев подполковник Мор применил, по сути, новую тактику ведения боевых действий. На передовой располагались пехотные батальоны. На второй линии обороны, как раз на месте стыка позиций пехотных подразделений, располагались батальоны Фольксштурма. Они выполняли роль не столько резерва, сколько пополнения. В итоге в бой вступали не отдельные подразделения Фольксштурма, а лишь отдельные фольксштурмисты, которые оказывались в окружении более опытных пехотинцев. Подобный прием помогал хоть как-то решить проблему обучения и подготовки ополченцев.

«Южный» фронт постоянно привлекал к себе внимание командования крепости, однако настоящей головной болью для штаба было обеспечение деятельности аэродрома Гандау, в частности, возможность организовать ночные посадки грузовых самолетов, которые доставляли боеприпасы. В ночь с 15 на 16 февраля была предпринята первая попытка установить «воздушный мост» с Бреслау. Днем воздушное сообщение с крепостью было вряд ли возможно, так как в воздухе господствовала советская авиация. Самолеты должны были доставлять в первую очередь снаряды, а обратно забирать раненых. Но на следующую ночь надежды на

постоянное функционирование этого канала связи были разрушены. Советские специалисты стали глушить маломощные радиопеленги в Гандау, на которые ориентировались немецкие грузовые самолеты. В итоге транспорты, нагруженные боеприпасами, были вынуждены повернуть назад, а ожидавшие транспортировки раненые немецкие солдаты были возвращены в свои госпитали. Впрочем, сами немцы находили, что даже в этой прискорбной ситуации были свои плюсы. Генерал фон Альфен писал:

«Было хорошо, что подобная накладка произошла достаточно рано, так что у нас еще было время, чтобы устранить ее».

Сложившаяся ситуация выявила несколько просчетов в организации «воздушного моста». Но не стоило забывать, что в штабе крепости не было опытного офицера-летчика, который мог бы взять на себя не только все заботы по обеспечению деятельности Гандау, но и общие переговоры с воздушным флотом генерал-полковника Риттера фон Грейма. Штаб крепости просил доставить в Бреслау столь необходимого офицера Люфтваффе. 24 февраля на самолете был привезен подполковник Фридебург. Однако до момента его прибытия все проблемы по наведению «воздушного моста» оказались возложенными на плечи коменданта.

Надо отметить, что во всех вопросах, связанных с аэродромом, сам комендант нарушал столь любимую в германской армии субординацию. Он выходил непосредственно на младшие чины и отдавал им приказы. Именно так, например, были организованы поиски необходимого оборудования на аэродроме школы военных летчиков Шёнгратен. Во время этого рейда, который проходил под постоянным советским обстрелом, немцам удалось найти радиостанции и пеленги, которые не могли глушиться радистами Красной Армии. В итоге после двухдневного простоя «воздушный мост» снова заработал. Боеприпасы, которые в это время пытались сбрасывать на парашютах, как правило, не попадали к немцам. Эти «посылки» приземлялись либо на территории, занятой частями Красной Армии, либо в непролазных затопленных низинах Оле. В итоге квартирмейстеру приходилось откладывать все дела и заниматься извлечением (если это было возможно) боеприпасов. После того, как были установлены безотказные радиопеленгаторы, грузы стали доставляться по воздуху двумя путями. Их могли как выгружать с самолетов, которые приземлялись на аэродром, так и сбрасывать на парашютах с воздуха, ориентируясь уже на радиопеленги. Впрочем, сам штаб крепости никак не мог повилять на данную ситуацию. Способ доставки боеприпасов выбирался в соответствии с условиями, которые комендант крепости не мог никак изменить. По ту сторону фронта учитывались такие факторы, как наличие свободных самолетов, активность советской авиации, метеорологические условия, равно как и наличие необходимых боеприпасов, которых не всегда хватало даже вне окружения. Ясно было одно: спускание боеприпасов с воздуха будет применяться несмотря на то обстоятельство, что количество грузов спущенных подобным образом было весьма невелико и не могло идти ни в какое сравнение с объемами, которые можно было бы сгрузить с самолета, приземлившего на аэродроме. Все понимали, что это было вынужденное решение.

В любом случае без снабжения по воздуху Бреслау не мог рассчитывать на длительную оборону. Генерал фон Альфен писал по данному поводу:

«Многие склонны рассматривать снабжение, в частности, снабжение боеприпасами, как второстепенное дело, которым не должен заниматься командующий. Дескать, он должен думать о других делах. Несомненно, командующий и его первый помощник в первую очередь должны полностью посвящать себя ведению боевых действий. Доставкой корма для прожорливых орудий должны быть озабочены квартирмейстер и его помощники. Мол, это их проблема, как они справятся с этой задачей. Однако когда в Бреслау, кроме небольших запасов артиллерийских снарядов, не было ничего, то командующий, квартирмейстер и основной потребитель этих запасов, командир артиллерии, должны были налаживать очень тесное, я бы даже сказал, дружеское сотрудничество».

Озабоченность штаба крепости снабжением артиллерийскими снарядами станет понятна, если принять во внимание хотя бы тот факт, что к 210-миллиметровым минометам имелось

только 50 мин. В итоге это грозное оружие применялось лишь в исключительных случаях. Сам генерал фон Альфен отмечал, что их постоянное использование было *«непростительной роскошью»*. В итоге в боях на южных рубежах города в основном велся огонь из легких полевых гаубиц, сами же тяжелые минометы с минимальным боезапасом было решено пустить в дело в самой критической ситуации.

Тесное сотрудничество, налаженное в штабе крепости, сыграло для немцев положительную роль. Так, например, в условиях постоянной нехватки боеприпасов надо было ввести практику их разумного рационирования. Каждый день по телефону, который продолжал связывать окруженный Бреслау с остальными частями группы армии «Центр», комендант крепости уточнял сведения о запланированном объеме боеприпасов, которые планировалось доставить ночью в крепость. Исходя из этих сведений составлялся «рацион» для подразделений, которым предстояло выполнять важные задания. Те, кто находились в обороне, имели значительное меньшее снабжение боеприпасами, нежели те, кому предстояло выполнять наступательные операции. После того, как ночью происходила выгрузка боеприпасов, командование Бреслау вносило (либо не вносило) коррективы в предписание о снабжении отдельных частей, которые должны были участвовать в боях наутро. Подобная практика позволяла иметь всегда в своем распоряжении хотя бы незначительный, но достаточный запас боеприпасов, чтобы предотвратить возможное проникновение советских войск на территорию города. Практика «рационирования» боеприпасов оказалась весьма полезной для немцев, в частности, во время боев за аэродром Гандау.

Почти сразу же после 23 февраля 1945 года усиленные танками части Красной Армии начали наступление на позиции полка Ханфа. Целью красноармейцев была деревня Нойкирх, которая играла едва ли не ключевую роль в обороне аэродрома Гандау. Бои за деревню шли с переменным успехом. В какой-то момент могло показаться, что советские танки смогли прорвать линию немецкой обороны. Однако из-за кладбищенской ограды на них обрушился огонь из фаустпатронов. Когда советские танки решили свернуть на соседние деревенские улочки, они попали под обстрел из немецкого противотанкового орудия. В итоге советские части были вынуждены отступить после неудачного рывка на Нойкирх. Теперь части Красной Армии стали концентрироваться у Шёнгратена и Лобрюка. Это была тактическая ошибка, которую советское командование вскоре осознает. В штабе Бреслау вовремя заметили эти перемещения. В итоге почти вся имевшаяся в распоряжении артиллерия была переброшена на данный участок фронта. Не дожидаясь советского наступления, немцы открыли огонь по позициям, на которых собирались красноармейцы. В силу их предельной концентрации почти каждый немецкий выстрел попадал в цель. Потери Красной Армии оказались настолько высокими, что до конца февраля на данном участке не предпринималось никаких наступательных операций.

Впрочем, советские войска, намеренные взять аэродром, атаковали немецкие позиции не с одного направления. Еще до 20 февраля началось подтягивание частей Красной Армии на участок Вайстриц – Немецкая Лисса. Советское командование намеревалось отбить у эсэсовского полка Бессляйна некогда уже занятый Пайскервиц. В ходе ожесточенных боев эсэсовцам удалось отразить все атаки красноармейцев. В данной ситуации немцев выручало хорошее знание местности, чем, конечно же, не могли похвастаться советские солдаты. На третий день боев полк Бессляйна был вынужден несколько отступить. Он отошел на линию Массельвиц – Нойкирх. Но общее положение на южном участке фронта обязало командира полка СС поддерживать постоянную связь со своими «соседями» по северному краю кладбища. Разрыв в линии обороны мог иметь для немцев самые неблагоприятные последствия.

Если говорить о боях, которые вел полк Бессляйна, то необходимо отметить, что в утренние часы 18 февраля он был поддержан несколькими «голиафами». Подразделением, которое успешно использовало против советских войск телеуправляемые танкетки, командовал лейтенант Коне. Оглядываясь назад на несколько дней, можно отметить, что позиции близ Вайстринца эсэсовский полк занял 14 февраля. Пару дней спустя в штаб крепости из полка докладывали о том, что советские саперы успешно справлялись с восстановлением в свое время взорванного путепровода на Рейхс-штрассе. Лейтенант Коне получил персональный приказ от коменданта крепости. Ночью 16 февраля он провел разведку в районе Вайстринца. На

следующий день он доложил о ее результатах:

«Иваны не должны спокойно продолжать свои работы. Я предлагаю лично подготовить 17 февраля специальную группу, чтобы рано утром 18 февраля атаковать их позиции».

Предложение показалось генералу фон Альфену весьма заманчивым.

18 февраля 1945 года чуть свет лейтенант Коне направил свое подразделение к восстанавливаемому советскими саперами путепроводу. В тот момент красноармейцы допустили непросительную оплошность. В утренней тишине можно было хорошо расслышать шум приближающихся танкеток. Но, судя по всему, на него никто не обратил внимания. Чтобы обеспечить беспрепятственное проникновение взрывных машин на мост, полк Бессляйна должен был начать отвлекающее наступление. После того, как в районе 6 часов утра три «Голиафа» вышли на исходные позиции, эсэсовцы открыли по советским позициям огонь из артиллерии и минометов. Шум обстрела должен был заглушить шум моторов и лязг небольших гусениц, благодаря которым передвигались танкетки. Прежде чем красноармейцы заметили «Голиафы», первый из них уже достиг середины восстановленного моста, а два остальных неуклонно приближались к нему. Каждая из танкеток несла на себе от 75 до 225 килограммов взрывчатки. Раздалось три взрыва, и мост-путепровод погрузился в облако обломков и пыли. Когда клубы дыма рассеялись, немцы заметили, что при помощи «Голиафов» были полностью уничтожено два пролета моста, а некоторые опоры были повалены в протекавший под ним ручей. Для немцев это было несомненным тактическим успехом. Советские атаки в направлении аэродрома Гандау были отложены на несколько дней. При этом сами немцы во время этой операции не понесли фактически никаких потерь – был лишь легко ранен один из саперов.

Продолжая разговор о боях за аэродром Гандау (для красноармейцев – наступательных, для немцев – оборонительных), отметим, что защитники Бреслау использовали на этом участке собственную артиллерию много активнее, нежели на некогда критическом «южном» фронте. При этом от немецких артиллеристов требовалось немалое искусство, чтобы грамотно использовать орудия. Дело в том, что высота отдельных домов не позволяла им точно прицелиться. Задание осложнялось тем, что в ходе уличных боев позиции могли постоянно меняться. Некоторые дома и переулки по нескольку раз за день переходили из рук в руки. В итоге немецкая артиллерия при ошибочных расчетах могла накрыть огнем своих же солдат. Чтобы не допустить подобной ошибки, штаб крепости совместно с командиром артиллерийских частей занялся поиском подходящего наблюдательного пункта в районе боев за Гандау. В итоге выбор был остановлен на не пострадавшем от артиллерийского огня и советских бомбардировок железобетонном здании склада, которое располагалось на северо-запад от полосы лугов. Явленная панорама позволяла видеть всю картину вплоть до самой реки Цобтен (не путать с одноименным городом, который в настоящий момент называется Соботка). В итоге немцам удавалось весьма успешно координировать действия артиллерии и общевойсковых соединений. Открывшийся вид позволял прослеживать передвижение всех советских войск, что, в свою очередь, позволяло провести своевременную перегруппировку сил гарнизона. Именно с этого наблюдательного пункта было замечено, что колонны советских войск стали перемещаться с «южного» фронта на «северо-западный». Комендант крепости, естественно, отдал приказ принять соответствующие меры. Как результат, в марте частям Красной Армии не удалось пробиться к центру города с «неожиданного» северо-западного направления.

Немцам удалось остановить советское наступление на аэродром. О его стратегической значимости говорит хотя бы один факт. Командование Бреслау отказалось проводить контрнаступление на «южном» фронте, хотя советские позиции весьма благоприятствовали этому – у частей Красной Армии были открыты фланги. Предполагалось, что одновременное наступление 609-й дивизии на юго-запад и полка Мора на юго-восток могло отбросить советские войска от южных окраин города. Но при просчете ситуации в штабе крепости отказались от данного весьма удачного плана. Генерал фон Альфен так объяснял данное решение:

«Успех на юге, которого мы могли бы добиться за несколько дней, стоил бы нам большей части боеприпасов. Кроме этого данная операция сковала бы наши немногие свободные резервы. Но в это время могло начаться наступление на Гандау! В ходе перегруппировки наших войск мы могли потерять аэродром. В данной ситуации было бы правильнее сохранить в боеготовности все резервы, а на южном участке фронта изводить противника затяжными оборонительными боями, в которых он бы просто истек кровью».

Немецкий генерал был во многом прав. Развалины домов, многочисленные подвалы и лабиринты узких улиц, которые не позволяли советской легкой артиллерии вести огонь прямой наводкой, давали немцам явное преимущество в оборонительном бою. Опасения относительно потери Гандау не были пустыми. Советские войска постоянно пытались атаковать в районе Нойкирха. Здесь даже не было устойчивой линии фронта. Она постоянно перемещалась то туда, то сюда. С наступлением темноты началась активная работа немецких инженерных частей, которые осуществляли разгрузку прибывших с «большой земли» самолетов. Боеприпасы были много ценнее, нежели отвоеванные позиции к югу от Бреслау. Кроме этого, специальные батальоны Фольксштурма постоянно использовались с наступлением темноты для того, чтобы выровнять взлетно-посадочные полосы аэродрома. В светлое время суток Гандау постоянно обстреливался советской артиллерией и бомбился.

Во второй половине февраля штаб Бреслау, кроме собственно ведения боевых действий, был вынужден заняться многими другими вопросами, решение которых требовало принятия безотлагательных мер. В большинстве своем все эти проблемы были вызваны ошибками и просчетами, которые были допущены Верховным командованием либо командованием группы армий «Центр». Рассказ о них лучше начать с самых простых вещей. С 15 февраля, то есть с момента окружения крепости Бреслау советскими войсками, извне стали приходить приказы о переброске *из* города солдат, сотрудников железной дороги и специалистов из различных отраслей. Естественно, подобные меры только ослабляли оборону силезской столицы. В некоторых случаях для отправки на «большую землю» приходили уже готовые именные списки, но в некоторых случаях они составлялись комендантом крепости. Так, например, в Бреслау прибыл приказ переправить на самолете из города солдат 269-й и 17-й дивизий, которые должны были «воссоединиться» со своими воинскими частями.

Кроме этого, не стоило списывать со счетов тот факт, что отбытие из Бреслау на самолете фактически означало избавление от верной гибели. Сразу же пошли споры о том, кто первый покинет окруженный город. К чести командования крепости надо сказать, что оно сразу же решило не принимать во внимание никаких «блатников». Чтобы избежать эксцессов и критики как сверху, так и снизу, было принято решение поручить составление списков на отправление по «воздушному мосту» проверенному и заслуживающему доверие офицеру. В итоге это задание было поручено ротмистру запаса Лангену. После окончания воинской службы он занимался сельским хозяйством в Занткау (округ Требениц). С началом зимнего советского наступления он со своей семьей стал отходить на запад. В итоге он остался, чтобы участвовать в обороне Бреслау. Сам ротмистр Ланген был известен своей принципиальностью и неподкупностью, так что комендант крепости мог быть спокоен – в список на эвакуацию по воздуху попадали именно те люди, которых действительно надо было эвакуировать.

Поначалу списки на эвакуацию заверялись лично генералом фон Альфеном. Но позже он перестал это делать. Однако составление списков не было сутью выполнения этого задания. Иногда требовалось принимать очень ответственные решения. По приказу Верховного командования из Бреслау на самолете должен был быть вывезен директор предприятия «ФАМО», Вернер Шпотт, которому предполагалось поручить наладку производства в Шёнбеке-Эльбе. К этому моменту на предприятии «ФАМО» находились несколько подбитых немецких танков, которые нуждались в ремонте. Однако ремонт нельзя было закончить, так как в Бреслау не было подходящих для танков орудийных стволов. В крепости имелась лишь полевая и зенитная артиллерия. В итоге Шпотт получил от коменданта персональное поручение. По прибытию на «большую землю» он должен был позаботиться о том, чтобы в Бреслау были доставлены необходимые орудийные стволы. В итоге состоялся разговор между

Шпоттом и имперским министром вооружений Альбертом Шпеером. Беседа имела для защитников города благоприятный исход.

Не меньшее военное значение имел прилет в крепость артиллерийских офицеров, которые должны были доставить с собой таблицы стрельбы для орудий, доставшихся немцам в свое время в качестве трофеев. У всех них были различные угломеры-квадранты, что существенно затрудняло ведение огня. При решении данной проблемы немалую роль сыграло то обстоятельство, что комендант крепости мог связаться по телефонной линии с командованием группы «Центр». Это весьма сэкономило время, так как генерал фон Альфен предельно точно объяснил, что ему требуется.

Отдельно надо поговорить о гауляйтере Ханке. Если в начале боев за Бреслау, в частности, на южном направлении, Ханке пытался держаться на заднем плане, то после 20 февраля 1945 года он едва ли не ежедневно появлялся у коменданта крепости. Поначалу генерал фон Альфен считал, что гауляйтер не будет ему мешать. Более того, он считал вполне логичным, что военное командование должно было тесно сотрудничать с представителем гражданской администрации, а потому нет ничего зазорного в рассказе о стратегическом положении города. Кроме этого, партийные органы НСДАП могли выполнять ряд важных заданий, разгрузив тем самым военное командование Бреслау. Но со временем поведение Ханке становилось все более и более вызывающим.

Сам собой напрашивается вопрос: имел ли гауляйтер право требовать отчета от военного командования? Да, имел, так как в Бреслау он был не просто гауляйтером, но и Имперским комиссаром по вопросам обороны. Сложно судить, способствовало ли где-либо укреплению обороны в рейхе введение подобных должностей, но про Бреслау можно сказать однозначно – здесь оно только вредило. Кроме всего прочего, Ханке имел в своем распоряжении мощную радиостанцию, при помощи которой он поддерживал постоянную связь с Берлином, а именно с рейхсканцелярией и лично Мартином Борманом. В своих воспоминаниях генерал фон Альфен очень осторожно говорил о фигуре гауляйтера Ханке:

«Было несправедливо, да и неверно с исторической точки зрения отказывать ему в энергичности и воле. Но не стоило забывать про его непомерное тщеславие и желание постоянно вмешиваться в военные вопросы. Наставления фельдмаршала графа Шлиффена офицерам генерального штаба: «Побольше делать, поменьше выступать! Быть большим, чем кажешься!» в любом случае не являлись девизом этого жадного до власти гауляйтера, по приказу которого в конце января казнили ни в чем неповинного бургомистра доктора Шпильхагена».

В районе 20 февраля гауляйтер Ханке *потребовал* от коменданта крепости регулярно докладывать ему положении в Бреслау. Сам Ханке, в свою очередь, передавал эти сведения в Берлин Борману. Само собой разумеется, он пытался изобразить видимость активной деятельности. Он полагал, что в Берлине должны были знать о состоянии дел в крепости только с его слов. Геббельс высоко оценил действия своего бывшего подчиненного Ханке:

«Ханке прислал мне чрезвычайно драматичное и полезное донесение из Бреслау. Из него видно, что он достиг совершенства в своей работе. На сегодня он представляет собой наиболее энергичного национал-социалистического вождя. Бои превратили Бреслау в развалины. Но горожане отчаянно сражаются за каждую пядь земли. Советы пролили просто невероятное количество крови, сражаясь за Бреслау». Затем Геббельс сделал такой вывод: «Если бы все наши гауляйтеры на востоке были такими и работали так, как Ханке, то наши дела обстояли бы лучше, чем они обстоят в реальности. Ханке – выдающаяся фигура среди наших гауляйтеров, действующих на востоке» («Дневники», запись от 4 марта 1945 года).

При этом почти никому не было известно, в каком виде подавалась эта информация. Собственно, содержание этих радиопередач вряд ли является интересным. Имеет смысл остановиться только лишь на одном предложении гауляйтера Ханке, которое поставило коменданта крепости генерала фон Альфен весьма в неудобное положение. Речь идет о прилете

в город немецких парашютистов. Сам Ханке считал положение города почти безнадежным, а потому попросил Берлин прислать из Монте-Кассино полк немецких парашютистов. Партийный чиновник наивно полагал, что этих сил вполне хватило бы, чтобы пробить кольцо советского окружения и «навести мосты» с территорией, которая удерживалась группой армий «Центр». Подобная просьба была выполнена лишь отчасти. В Бреслау по «воздушному мосту» был перекинут немецкий парашютно-десантный батальон I/26. Именно из-за этого батальона над головой генерала фон Альфена стали сгущаться тучи. Он даже получил строгий выговор от командующего группой армий «Центр».

Что же произошло? Оказалось, что батальон парашютистов был не пригоден к участию в боях за Бреслау. В штабе крепости прекрасно это понимали, а потому посчитали бессмысленным посылать эту часть сразу же в бой. Сам батальон был укомплектован бывшими летчиками. На его вооружении значились только стрелковое оружие и фаустпатроны, которых, к слову, и без того хватало в крепости. При этом у парашютистов не было ни минометов, ни предназначенных для ведения наземных боев пулеметов. Кроме всего прочего, сам батальон не имел богатого боевого опыта. Может быть, это было хорошее, но совершенно бессмысленное для Бреслау подразделение. По этой причине батальон почти сразу же был направлен в резерв, где наряду с другими подразделениями должен была быть подходяще вооружен и подготовлен к оборонительным боям. По долгу службы генерал фон Альфен сообщил об этом в штаб группы армий «Центр». Оттуда почти сразу же пришел ответ командующего группой армий:

«Парашютный батальон является хорошей частью, а потому в ближайшее время ожидаю от него активных действий».

Комендант крепости пытался объяснить, что никто не ставит под сомнение личные качества парашютистов, однако их неподходящее вооружение и недостаток боевого опыта являлись, несомненно, слабой стороной. В штабе группы армий «Центр» не стали разбираться в ситуации и направили эти сведения наверх, в Берлин. В итоге разгорелся конфликт между Германом Герингом с одной стороны и Альбертом Шпеером – с другой. Ни одна из сторон не хотела признавать своей вины. Имперский министр вооружений категорически был не согласен с выводами о плохом вооружении батальона немецких десантников.

Выход из сложившейся ситуации нашли в том, что Бреслау послали еще один парашютно-десантный батальон. Это был 2-й батальон особого назначения «Шахт», которым командовал капитан Скау. Он прибыл в осажденный город 5 марта 1945 года, и после реорганизации батальона I/26 в крепости возникло два полноценных десантных подразделения, которые стали оперативным резервом.

В феврале 1945 года известный обергруппенфюрер СА Херцог продолжил свою деятельность по укреплению и развитию Фольксштурма в Бреслау. Он пытался реорганизовать внутреннюю жизнь города для того, чтобы высвободить силы для боев на фронте. При помощи майора графа Зейдлица была налажена деятельность учебного и резервного батальона Фольксштурма. За подготовку «новобранцев» отвечал полковник Гёлльниц. Постепенно численность Фольксштурма в крепости росла. Когда в конце февраля стало окончательно понятно, что нет никаких надежд наладить железнодорожное сообщение с «большой землей», было принято решение сформировать из железнодорожников и рабочих депо отдельный батальон народного ополчения. Многие очевидцы подчеркивали, что данное подразделение как никакое другое имело общий, так сказать, «корпоративный» дух. Кроме того, большинство железнодорожников в прошлом уже были солдатами, а потому на их подготовку требовалось существенно меньше времени. В итоге 74-й батальон Фольксштурма, которым командовал Пёч, оказался для коменданта крепости ценным приобретением.

Отдельно надо рассказать о замысле создания в Бреслау специального бронепоезда. Данная идея принадлежала лично генералу фон Альфену. Он поручил будущему командиру бронепоезда оберлейтенанту зенитной артиллерии Пёрзелю прибыть на предприятие «ФАМО» и отыскать там корпуса поврежденных танков. Нашлось как минимум четыре корпуса. Поскольку в Бреслау не было подходящих танковых орудий, то было принято решение

использовать имевшиеся в распоряжении 88-миллиметровые зенитные орудия, которые надо было скрестить с корпусами танков и на их базе создать некое подобие бронепоезда. В качестве его персонала предполагалось использовать личный состав зенитной батареи уже упоминавшегося выше оберлейтенанта Пёрзеля. Причины появления подобной идеи в голове генерала фон Альфена были достаточно просты. Дело в том, что комендант крепости был хорошим специалистом по созданию бронепоездов и экспертом в вопросах тактики ведения боев с их участием.

Именно генерал фон Альфен проинструктировал оберлейтенанта Пёрзеля о сильных и слабых сторонах бронепоездов, об основных тактических приемах их использования. Сам же комендант крепости так и не увидел своего детища. Бронепоезд был готов через три недели после того, как фон Альфен покинул Бреслау.

В середине февраля советские войска начали осуществление операций особого вида – это были пропагандистские мероприятия. Эрнст Хорниг вспоминал о них:

«Это была психологическая война, с которой мы неплохо познакомились в годы Первой мировой, в 1918 году на западном фронте во Франции. Тогда пропаганда делала ставки на листовки. В 1918 году на нас сбрасывали листовки: «Солдат, если ты идешь на Запад, то подумай хорошенько – там находится твоя могила». Теперь пропаганда была ориентирована не только на Вермахт и Фольксштурм, но и гражданское население. В ночь с 16 на 17 февраля советские самолеты усеяли город морем листовок. Одна из листовок, адресованная Фольксштурму, гласила: «Перед своей гибелью нацисты в животном ужасе гонят Вас против победоносной Красной Армии». А далее сообщалось: «Красная Армия не воюет против мирного населения, и если Вы покинете ряды гитлеровской армии, то сможете спокойно трудиться. Те же, кто обратит свое оружие против победоносной Красной Армии, будут беспощадно уничтожены. Если Вы хотите жить и спасти Ваши города и деревни от уничтожения, то снимайте свои повязки, бросайте оружие и идите домой. Заметьте, любое противление Красной Армии означает для Вас верную смерть. Жизнь гарантируется только тем, кто сразу же отречется от Гитлера, кто выбросит оружие и пойдет домой или сдастся в плен». В следующей листовке русские обращались к немецким солдатам и офицерам: «Красная Армия углубилась в Верхнюю Силезию, Восточную Пруссию и Померанию. Гитлер окончательно проиграл войну. Но он – Гитлер – знает, как можно продлить свою власть и жизнь. Для этого он готов принести в жертву жизни сотен тысяч своих солдат. Но все же имеются достойные люди и уважаемые генералы, которые требуют немедленного окончания войны». И далее сообщалось о призыве, который поддержали 50 немецких генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом и генералом артиллерии Зейдлицем».

Многие из современников отдавали должное советским пропагандистам. Немцы отмечали, что листовки были составлены весьма искусно, а безнадежность положения отнюдь не была преувеличением. Многие из немцев находили, что текст, изложенный в листовках, был весьма доступен. Многие из солдат читали их. Несмотря на то, что в Бреслау никогда не наблюдалось массовой сдачи в плен, эти листовки сыграли свою психологическую роль. Многие отмечали, что их останавливал от сдачи в плен только страх быть отправленными в Сибирь.

Советская пропаганда, которая с каждым днем становилась все активнее и активнее, не всегда прибегала к «честным» приемам. Один раз была устроена форменная провокация. После 9-часовых новостей на частоте Немецкого радио была передана следующая информация:

«А теперь сообщение для смелых солдат и народных товарищей из Бреслау. Настал час вашего вызволения! Несколько танковых дивизий прорвали кольцо вражеского окружения на востоке. Спешите в южные кварталы города, чтобы пожать руку Вашим освободителям».

Прежде чем массы жителей устремились к южным рубежам города, где начался усиленный артиллерийский обстрел, штаб крепости успел принять соответствующие

контрмеры. Сейчас сложно сказать, сколько людей услышало и поверило в информацию о деблокировании города. Во-первых, в подвалах, где укрывалось гражданское население, не было никакого радио. Все радиоприемники за ненадобностью большей частью остались в квартирах. Во-вторых, население перестало доверять какой-либо официальной информации. В-третьих, данное сообщение почти сразу же облетело воинские части Бреслау, но они не сдвинулись с места, так как не получили соответствующего приказа.

Хуго Эртунг вспоминал об этом эпизоде осады Бреслау, который произошел 3 марта:

«Вчера в подвале несколько часов обсуждали сведения о том, что кольцо окружения было прорвано. Но уже во второй половине дня эта информация была опровергнута в специальном выпуске крепостной газеты. В ней утверждалось, что речь шла о пропагандистской уловке противника».

Эрнст Хорниг как бы добавлял:

«Скептическое отношение к пропагандистским сообщениям было настолько велико, что большинство людей предпочитали слушать не немецкие, а зарубежные радиостанции».

Постепенно жители Бреслау и немецкие солдаты выявили некий ритм в советских атаках. Рано с утра на город падали бомбы. В первой половине дня открывался артиллерийский огонь, который сменялся налетами низколетящих самолетов. В районе полудня наступала некоторая пауза, и люди могли показаться на улице. Вечером и ночью опять осуществлялись бомбардировки, но теперь советская авиация предпочитала использовать зажигательные бомбы. Вечером также вступала в дело советская зенитная артиллерия, огонь которой сопровождался использованием нескольких прожекторов.

Драматичными и шокирующими были события в доме престарелых, так называемом «здании Флиднера», которое располагалось на улице кайзера Вильгельма недалеко от площади Гинденбурга. Здесь сестры из «Бетанина» до самого конца ухаживали за пожилыми людьми. Когда советские войска приблизились на критическое расстояние, то все напрасно ожидали эвакуации. Некоторых из стариков удалось вывести из дома. С тяжелым сердцем сестры были вынуждены оставить «лежачих». О том, что произошло потом, вспоминала старшая сестра Хейдебранд:

«Когда противник на юге приблизился к зданию, появился офицер Вермахта и попросил находившихся там двух сестер покинуть здание, так как оно могло сгореть. Сестра Берта Найде направилась в опасный путь к материнскому дому с несколькими стариками. Другая сестра, Анна Лауш, по приказу офицера должна была налить безнадежно больным в стакан какую-то жидкость. Никто не из стариков не противился».

Оказалось, что в стакане был яд. Этот пример отчетливо показывает, что национал-социалистическая идеология подчинила себе многих офицеров Вермахта. Это было продолжение бесчеловечной практики эвтаназии, которая в Третьем рейхе применялась к людям с отставанием умственного развития. На этот раз жертвами политики стали беспомощные старики.

Положение гражданского населения стало ухудшаться день ото дня. Госпожа Краузе вспоминала:

«В течение многих дней мы обходились без воды. До колонки не представлялось возможности добраться, так как каждый оказавшийся там мог стать жертвой русских снайперов. У нас дома имелись некоторые запасы воды, чтобы умыться, попить и иногда помыть посуду… несмотря на все эти трудности мы пытались жить хорошо, насколько это было возможно в тех условиях. Дочка Бербель играла со своим плюшевым медвежонком и иногда мастерски делала из огарков свечей новые светильники. Так как свечей было весьма немного, то в большинстве случаев мы сидели в полной темноте. Но если начинался сильный

обстрел, то мы зажигали свечу и чувствовали себя увереннее при этом слабом освещении в нашем поземном убежище… 28 февраля, когда русские находились от нашего укрытия на расстоянии шести домов, наш подвал превратился в военный лагерь. В нашем погребе ежедневно спали от 10 до 15 солдат. В большинстве своем это были очень молодые люди. Их постоянно беспокоили «цепные псы» (армейская полиция), которые постоянно охотились за людьми, дабы послать их на фронт и продолжить бессмысленную оборону Бреслау. Кроме этого, партийные органы гнали всех людей на строительство баррикад. В итоге я тоже должна была идти на Харденберг-штрассе, чтобы участвовать в земляных работах. В тот момент русских отделяло от кирасирских казарм каких-то 300 метров. Когда они видели скопление людей, которые занимались возведением укреплений, то по ним открывался огонь. Люди в панике разбегались по окрестным подвалам. Там находились солдаты, которые не понимали безрассудности решения посылать гражданских на работы прямо под носом неприятеля. Когда мимо дверей проходили четыре солдата, то я попыталась бежать вместе с ними. Они крикнули мне, чтобы я пригнулась и держалась от них на расстоянии метра. Мы выглянули из одной из баррикад, как вдруг один солдат внезапно вскрикнул: «Быстро в дом, сейчас начнет стрелять «оргбн Сталина»[22]!».

Теперь я сидела вместе с солдатами в углу одного полуразрушенного дома до тех пор, пока не прекратился обстрел. После этого мы побежали к углу Лотарингской улицы и улицы кайзера Вильгельма. Чтобы оказаться дома, мне надо было пересечь улицу кайзера Вильгельма. Каждый, кто хотел выжить, должен был бежать по отдельности. Единственным на что мне приходилось уповать, были слова молитвы: «Господи, спаси и защити!». Наконец, я оказалась в подвале дома, где, слава Всевышнему, обнаружила целую и невредимую Бербель».

20 февраля в сводке Верховного командования Вермахта было сообщено:

«Защитники Бреслау смогли отбить вражеские атаки на юго-западном и восточных фронтах».

О том, какая жестокая действительность скрывалась за этими скупыми строками, можно судить из воспоминаний Хуго Эртунга:

«Вечером Ш. и я стали продвигаться дальше к центру города. Обстрел стал ослабевать, но на всех улицах пылали дома. Повсюду треск и копоть. Огонь вырывается из-под стропил и окон домов. Мы огибаем огромные воронки. Санитарные пункты, которые мы находим, всеми покинуты. В военном госпитале на площади Франца Зельде о нас побеспокоился доктор Франц, но его санитарный пункт тоже распущен. В итоге, смертельно усталые, мы тащимся дальше по улицам, объятым пожарами. Посреди Хёфхен-штрассе мы натыкаемся на стреляющее орудие. В конце концов мы оказываемся в подвале Дома актеров (Гартен-штрассе), в котором находится действующий санитарный пункт. Меня охватывает странное чувство. Я нахожусь в подвале дома, с которым меня связывают самые теплые воспоминания. Именно здесь в 1942 году мы справляли 80-летний юбилей Герхардту Хауптману. Я проспал 17 часов к ряду в промерзшем подвале Дома актеров».

Пауль Пайкерт так вспоминал о событиях 28 февраля:

«Сегодня поток беженцев из южных районов города затопил север и районы, раскинувшиеся по берегу Одера. Теперь все южные окраины, начиная от главного вокзала до вокзала Одертор, эвакуируются в принудительном порядке. Эвакуация осуществляется солдатами Ваффен-СС с редкостным цинизмом и жестокостью. Колонны людей выглядят жалкими. Большую часть их составляют пожилые люди. В то время как колонны следовали по улицам, в 15 часов 30 минут начался налет вражеской авиации. Бомбардировка с каждой минутой усиливалась. Трамваи должны были остановить свое движение. Фактически каждый

---

[22] «Оргбном Сталина» немцы называли «Катюши».

район с беженцами подвергался бомбардировке».

Умение выжить в этой обстановке описывает одна из служащих Бреслау:

«Некоторое время мы с несколькими другими людьми жили на Кронпринц-штрассе в квартире привратника. В одной части квартиры – мужчины, в другой – женщины. В итоге нас там оказалось 17 человек. Удивительным было другое! Каждый после завершения собственных дел направлялся на строительство баррикад либо взлетно-посадочной полосы. Поскольку наша контора, а вместе с ней и финансовый отдел, закрылись в январе, то мы вместе с Гретой должны были быть привлечены к возведению взлетно-посадочной полосы. Ранее меня уже освободили как ценного работника от строительной повинности. Внезапно в газетах появилось объявление, что все служащие имперских страховых контор, которые остались в крепости, должны были явиться на специальные сборные пункты. Сказано – сделано. Я взяла вместе с собой Грету… Но в итоге мы больше времени отсиживались в подвалах, нежели действительно работали. Воздушные налеты усиливались с каждым днем. Мы выходили на работу не без внутреннего ужаса. Над нашими головами кружило множество самолетов. Пожары опустошали город. Мы были вынуждены бессильно наблюдать, как гибло множество людей. Раненые жалобно стонали. Их надо было перевязывать. Кроме этого, они нуждались в добром слове и утешении. Но сложнее было успокаивать сошедших с ума. Мы видели горы трупов и испытали все, что приносит жестокая война. Но при этом нам надо было умываться и хотя бы немного спать. Фронт наступал нам на пятки. Где-то за спиной ревели «органы Сталина». Русские уже находились на площади кайзера Вильгельма. Большую часть времени мы проводили в погребе. Между тем, наша квартира была разрушена снарядами. Дом рисковал обрушиться. В подвале мы были на волосок от смерти, нас спасло само провидение. После принятия пищи мы покинули его, а несколько секунд спустя в него попал снаряд. Первый раз в жизни мы оказались бездомными.

Мы нашли убежище в соседнем доме на углу Бранденбургской улицы, где от обстрелов скрывались уже четыре семьи. Там мы разместили наши скромные пожитки. Первая ночь в этом подвале нам показалась самой страшной. Шел непрерывный воздушный налет. Мы не знали, как достать днем хлеба, и чем мы будем питаться на следующий день. Но на следующую ночь нас принудительно эвакуировали. В нашем подвале солдаты должны были вести оборонительный бой. Остальные жители потянулись на запад по Бранденбургской улице, пока не оказались на площади Маврикия. Один из мужчин, оказавшийся в нашей общине, имел ключ от квартиры коллеги, которая располагалась на Монастырской улице. Сам коллега покинул Бреслау еще в январе, поэтому квартира пустовала. В полночь мы потащили туда свои тележки. Повсюду царило одно и то же – страх. Повсюду людей поджидали одни и те же опасности. Мы семеро стали жить в небольшой квартирке. По сути, мы вели «цыганскую кочевую жизнь». Но это не мешало нам иногда испытывать моменты радости. В брошенной квартире мы прожили где-то две недели. Разрывами снарядов были уничтожены жилища справа и слева от нас. Жить там стало небезопасно, и мы в очередной раз покинули наше убежище… Мы оказались на Александер-штрассе. Там Грету привлекли к строительству баррикад. Я предъявила все свои аттестат, ы и меня неохотно направили работать в армейскую канцелярию. Она располагалась в одном из домов на Монастырской улице. Подобно мышам из окрестных подвалов постоянно выныривали девушки. Наш боевой дух ослабевал. Путь к канцелярии преодолеть становилось с каждым разом все сложнее и сложнее. Это было ужасно. Русские вели бои уже на Офенер-штрассе. Дома горели, постоянно обрушивался ливень из снарядов и бомб. Внезапно мы покинули Александер-штрассе. Как-то в районе часа ночи мы под сильным артиллерийским огнем собрали пожитки и двинулись вперед. Ночь была ясной, но небо было кроваво-красного цвета. Целыми и невредимыми мы добрались до своей цели. Нам снова «предоставили» квартиру. Прежние хозяева бросили ее. Ежедневно мы должны были забивать окна картонками, но каждый близкий разрыв вновь и вновь выносил их. Мы должны были устроиться на строительные работы. Там трудились все – и стар, и млад.

Партийные чиновники имели единственную власть над нами. Ежедневно мы должны были прибывать в Липовый парк, чтобы получить талоны на еду. Для этого нам надо было

возводить взлетно-посадочную полосу. Квартал был бесцеремонно сравнен с землей. Только так самолеты могли отсюда взлететь. Ежедневно Грета с сотнями других людей направлялась сюда. Ее рабочей одеждой были сапоги, тужурка и косынка. Все трудившиеся здесь были на грани отчаяния. Неприятель знал, где мы были сконцентрированы, а потому вел по данному участку усиленный артиллерийский огонь. В эти моменты можно было только упасть и молиться. В окрестностях не было никаких укрытий. Во время этих работ Грета сломала себе ребра, повредила печенку и селезенку. Но даже больную ее заставляли выбрасывать мебель из окон и стирать одежду для каких-то учреждений. На улицах почти всех ожидала такая судьба».

Двоевластие (с одной стороны – генерал фон Альфен как комендант крепости, с другой – гауляйтер Ханке в качестве имперского комиссара по вопросам обороны) только ухудшало положение Бреслау. Во многом потому, что в корне отличались друг от друга принципы фон Альфена и Ханке, равно как в корне отличались друг от друга позиции генерала фон Альфена и Шёрнера. Это стало очевидным, когда комендант крепости сообщил командующему группой армий «Центр» о недостатке боеприпасов в Бреслау. Сам фон Альфен вспоминал:

«Вместо боеприпасов посыпался град приказов и указаний. Один из них звучал так: «Число симулянтов пугающе увеличивается с каждым днем. Поэтому командование общевойсковых соединений должно отдать приказ, чтобы ни один солдат без соответствующего письменного разрешения не мог появляться в тылу. Все нарушившие данный приказ должны расстреливаться на месте»».

Исполнение данного распоряжения в Бреслау означало бы осуществление форменного террора. По этой причине генерал фон Альфен отказался выполнять данный приказ.

24 февраля 1945 года нацистская партия праздновала один из своих юбилеев – 25 лет с момента принятия программы НСДАП. В это день Гитлер и гауляйтер Ханке обменялись поздравительными радиограммами. В радиограмме Гитлера, в частности, говорилось:

«Желаю Вам и Вашим людям хранить веру в будущее нашего народа и сражаться до окончательной победы».

В ответ Ханке давал обещание *«строго следовать национал-социалистическим принципам».* Несколько дней спустя, 3 марта 1945 года, Ханке сделал обращение в стиле Геббельса, которое транслировалось по немецкому радио. Он призывал всех немцев поверить в победу, которая должна была настать в том числе *«благодаря проверенным бойцам с Востока и защитникам Бреслау».* В тот же самый день комендант фон Альфен подписал приказ о предотвращении распространения «пораженческих слухов». Сам приказ назывался «Внимание! Вражеская пропаганда».

Между тем 23 февраля 1945 года в штаб крепости совершенно неожиданно пришел приказ:

«Чтобы гарантировать снабжение Бреслау по воздуху даже в условиях утраты аэродрома Гандау, по приказу фюрера необходимо безотлагательно начать подготовку к строительству аэродрома внутри города. Комендант крепости обязан сообщить о предполагаемом месте расположения данного аэродрома и приблизительном времени начала работ по его строительству».

Надо пояснить, что генерал фон Альфен еще в начале февраля 1945 года рассматривал подобную возможность. В качестве предполагаемых мест для возведения «внутреннего» аэродрома он приглядел так называемый Фризский луг и стадион, располагавшийся к востоку от Шайтнигерского парка. Но время было упущено, предшественник фон Альфена за целый месяц почти ничего не сделал, чтобы осуществить данный проект. В условиях блокады Бреслау, когда почти все имевшиеся силы были брошены либо для участия в оборонительных боях, либо на возведение укреплений, фон Альфен решил отложить «вопрос о внутреннем аэродроме». В конце февраля данный вопрос был перепоручен подполковнику фон Фридебургу, как

представителю Люфтваффе, и городскому советнику по вопросам строительства. Те провели разведку на местности, и пришли к весьма неутешительным для фон Альфена выводам. Единственное место, где можно было создать аэродром, располагалось напротив Фризского луга. Построить взлетно-посадочные полосы длиной не менее 1300 метров можно было только на идущей с юго-запада на северо-восток Кайзер-штрассе. Чтобы получить необходимую для посадки транспортных самолетов ширину полос, надо было провести немалые строительные работы. В частности, надо было удалить фонари, располагавшиеся вдоль улицы, и трамвайные провода. Кроме этого, надо было удалить все деревья и снести большую часть домов, включая лютеранскую церковь, которые обрамляли Кайзер-штрассе с двух сторон. Специалисты провели необходимые вычисления: сколько требовалось взрывчатки, инструментов, транспортных средств, квалифицированных рабочих. В итоге оказалось, что оба проекта по созданию «внутреннего» аэродрома (Фризский луг и Кайзер-штрассе) в условиях осады города были просто-напросто нереальными. Кроме этого, полковник фон Фридебург как летчик подчеркнул одну особенность проекта на Кайзер-штрассе. Он компетентно заявил, что в случае создания в данном районе взлетно-посадочных полос заход на них самолетов был возможен только при юго-западном либо при северо-восточном ветре. По этой причине он рекомендовал генералу фон Альфену сосредоточить свое внимание все-таки на Фризском лугу. Все эти сведения и обоснования сделанных выводов были посланы наверх. Реакция на них оказалась весьма бурной. В своей ставке Гитлер принимал одно волюнтаристское решение за другим. Прибыл приказ:

«Строительство внутреннего городского аэродрома поручено гауляйтеру Ханке. Комендант крепости обязан предоставить ему в распоряжение необходимых специалистов и взрывчатые вещества».

Тон подобного приказа вызвал в памяти фон Альфена ситуацию, когда в 1938 году случился конфликт между Гитлером и инспектором крепостей, который представил свои соображения относительно нецелесообразности возведения «Линии Зигфрида».

Священнослужители Бреслау пытались противодействовать созданию взлетно-посадочной полосы на Кайзер-штрассе, так как во время расширения улицы должны были быть уничтожены евангелический и католический храмы. Но все их усилия были тщетными.

В этих условиях в Бреслау один за другим с приказом от генерал-полковника Шёрнера прибыли два офицера. Приказ относился не только к коменданту крепости, но и всему штабу. А потому было весьма странно, что эти два офицера вначале посетили гауляйтера Ханке, которому лично вручили бумаги (самому генералу фон Альфену были переданы лишь их копии). Показательно, что в письме не содержалось ни слова о командовании крепости, в то время как Ханке выносилась признательность за предпринятые им меры. Складывалось впечатление, что в штабе группы армий «Центр» действительно полагали, что гауляйтер был центральной фигурой в деле обороны Бреслау. Не исключено, что это было результатом радиосообщения Ханке с Берлином. В любом случае, генералу фон Альфену выражалось недоверие. У крепости Бреслау должен был появиться новый комендант. Сам Фон Альфен вспоминал по данному поводу:

«Подобное пренебрежение очень сильно изматывало нервы. Враг и огонь, пожары и бомбы не были в состоянии нанести подобного урона, так как с ними можно было бороться открыто. Им можно было противостоять. Но от яда недоверия у меня не имелось никаких средств».

Вечером 5 марта 1945 года в Бреслау прилетел новый комендант крепости – генерал Нихоф. Он был старым приятелем генерала фон Альфена. Оба они учились в 1921–1922 годах в мюнхенском пехотном училище. Нихоф сразу же оценил обстановку, сложившуюся в Бреслау. Сам генерал фон Альфен попросил своего непосредственного начальника, командующего 17-й армии генерала Шульца, на несколько дней задержаться в городе, чтобы передать все дела

Нихофу. Бывшему коменданту пошли навстречу. В итоге первая неделя марта 1945 года в Бреслау чем-то напоминала Древний Рим, когда там попеременно правили два консула. До 8 марта Альфен продолжал заниматься своими делами, посвящая в них генерала Нихофа. 9 марта новый комендант вступил в свои права. Теперь он сам должен был нести груз ответственности за осажденный город. Сам он не испытывал никаких иллюзий относительно его судьбы. Накануне своего отлета в Бреслау генерал Шульц передал ему оценку, которая прозвучала из уст генерал-полковника Шёрнера:

«На юге Бреслау неприятель крупными силами смог проникнуть глубоко на территорию города. Если положение на фронте не изменится коренным образом, то падение крепости является вопросом нескольких дней, а возможно, даже нескольких часов».

Если Шёрнер как командующий группой армий «Центр» действительно придерживался подобной точки зрения, то посылка генерала Нихофа в Бреслау была форменным смертным приговором. В этой связи странным выглядело то обстоятельство, что к моменту вступления в свою должность генерала Нихофа Бреслау продолжал успешно обороняться, хотя обозначенные «несколько дней, а возможно, даже несколько часов» давно уже истекли.

Глава 5. Тревожный март

Генерал Нихоф был командиром воссозданной после полного уничтожения под Сталинградом 371-й пехотной дивизии, которая к началу 1945 года входила с состав 17-й армии. К моменту начала зимнего генерального наступления Красной Армии левый фланг прикрывал южный берег Верхней Вислы. Именно этим объясняется то обстоятельство, что дивизия не приняла на себя всю мощь удара советских войск. Дивизия, которой командовал Нихоф, смогла выдержать несколько наступлений незначительных сил советской армии. После этого она получила приказ отступать, так как основная часть наступавших советских войск к тому моменту уже продвинулась далеко на запад. В итоге 371-ая дивизия не смогла участвовать в обороне Кракова (что считалось ее основной задачей), так как к моменту ее отступления он уже был взят частями Красной Армии.

Теперь главной задачей дивизии было преграждение пути советским войскам далее на запад. Самой дивизии удалось выдержать удар советских танков, который был нанесен в местечке Кренау[23], располагавшемся между Краковом и Освенцимом. Когда к началу февраля 1945 года надо было уклониться от навязываемых Красной Армии боев в Верхней Силезии, генерал Нихоф вместе со своей дивизией защищал участок фронта Ратибор – Козель.

Сам генерал Герман Нихоф не сразу стал рассматриваться в качестве нового коменданта крепости Бреслау. Поначалу на эту роль Шёрнер наметил генерала Грайнера. Однако тот в силу тяжелой болезни не мог справиться с данным заданием. Только после этого выбор был остановлен на Германе Нихофе. Телеграмма, в которой генерала уведомляли о его новом назначении, представляет отдельный интерес, так как в ней говорится о том, что его функции выходили далеко за рамки командующего генерала. Приведу выдержки из нее:

«2 марта 1945 года, 9 часов 15 минут

Господин генерал-лейтенант Нихофф.

В соответствии с приказом… довожу до сведения господина генерала, что Вы по предложению генерал-полковника Шёрнера будете выполнять новое и весьма трудное задание. При его выполнении Ваши функции будут выходить за рамки командующего генерала….»

Назначенный комендантом Бреслау генерал Нихоф фактически стал заложником ситуации. Позже ему неоднократно заявляли, что положение в Бреслау было много выгоднее, нежели у многих частей Вермахта, которые находились вне кольца окружения. Кроме этого, именно в тот самый момент в город был направлен «настоящий» парашютно-десантный батальон особого назначения «Шахт», который должен был стать ценным резервом, предназначенным для выполнения самых сложных заданий.

Первой задачей, которую предстояло выполнить Нихофу, было налаживание отношений с гауляйтером Ханке. Надо было восстановить как можно быстрее подорванное доверие между партийным руководством и военным командованием. Для выполнения данного задания генерал Нихоф получил некую «помощь» от командования группы армий «Центр». Ему обещали деблокировать город, что должно было вселить надежду в солдат и гражданское население. В Бреслау об этом было объявлено сразу же двумя генералами: фон Альфеном и Нихофом. Отбывавшему на «большую землю» фон Альфену генерал Нихоф на прощание заявил, что для выполнения этого сложного задания у него были развязаны руки. При этом сам фон Альфен, который, даже не имея точных сведений, представлял достаточно верную картину соотношения сил, с определенным скепсисом отнесся к утверждениям о том, что деблокирование Бреслау было не за горами. При этом сам Нихоф, заявивший о подобной возможности, считал своим личным долгом сдержать данное слово. Впрочем, немецкие генералы могли уже не раз убедиться на практике в том, что обещания деблокировать окруженную воинскую группировку не всегда сдерживались (в качестве примера можно было привести Сталинград и Будапешт). Сам Нихоф мог усомниться в реальности подобных обещаний хотя бы в силу сроков, которые

[23] Ныне – польский Шханув.

были озвучены генерал-полковником Шёрнером. Тот же заявил буквально следующее:

«Если Вы сможете удержать Бреслау хотя бы три-четыре дня, то Шёрнер пробьется к вам и протянет руку помощи».

Нихоф был уже целую неделю комендантом крепости (обещанные три-четыре дня давно прошли), но снаружи не было никаких признаков того, что город предполагалось деблокировать. В итоге Нихоф попросил командование 17-й армии, которому формально подчинялся гарнизон Бреслау, дать более точные расчеты. На этот раз прозвучало, что срок, на который надо было удерживать Бреслау, составлял четыре недели. Утверждалось, что генерал-полковник Шёрнер уже завершал разработку плана по деблокированию Бреслау, для чего на участке фронта Штрелен – Мюнстерберг концентрировала силы мощная немецкая воинская группировка. Она должна была не только прорвать кольцо окружения вокруг Бреслау, но и выйти в тыл советским войскам, которые наступали на Берлин. В силу ограниченных возможностей немцев на Восточном фронте подобный план был скорее фантастической мечтой, нежели реальной возможностью. Когда истекли отпущенные четыре недели, то командование 17-й армии рекомендовало генералу Нихофу продержаться еще шесть недель!

Спорное обещание деблокировать Бреслау и без того увеличивало груз бремени, который был возложен на плечи генерала Нихофа. Сам он подчеркивал, что осознать его был в состоянии отнюдь не каждый. В этой связи уместным кажется вопрос: не слишком ли осложняло выполнение и без того не самого легкого задания Верховное командование и командование группы армий «Центр» трем сменявшим друг за другом комендантам крепости Бреслау?

Первому коменданту отказали в полномочиях и необходимых средствах. Пренебрежительно отнеслись к предложениям второго коменданта – было отказано в доверии генералу фон Альфену. Не были сдержаны обещания, которые были даны третьему коменданту. Сам же Нихоф прекрасно понимал, что на карту было поставлено доверие к нему со стороны солдат и гражданского населения. Кроме этого, не стоило списывать со счетов личностный фактор, что относилось не столько к защитникам Бреслау в целом, сколько к гауляйтеру и Имперскому комиссару по вопросам обороны Ханке. Ради справедливости скажем, что сам Ханке не вмешивался в сугубо военные вопросы. Было бы ошибочным считать, что он смог припереть к стенке генерала фон Альфена. Собственно, Ханке удалось снять предшественника генерала Нихофа благодаря хитрым интригам и кляузам. Генерал Нихоф не хотел повторять путь своего армейского товарища, а потому сразу же попытался нейтрализовать Ханке. Это была весьма рискованная затея. С одной стороны, генерал Нихоф хотя бы формально должен был поддерживать хорошие отношения с гауляйтером Ханке. Но с другой стороны, честолюбивый гауляйтер в своих радиограммах, адресованных в рейхсканцелярию Борману, описывал «благополучное» положение Бреслау, что, естественно, являлось исключительно его «заслугой». В итоге в Берлине складывалось более чем неверное мнение о положении дел в крепости. Если дела в крепости шли настолько хорошо, то зачем же ей помогать? Генералу Нихофу потребовался немалый дипломатический талант, чтобы во время первой встречи в гауляйтером Ханке четко обозначить компетенцию сторон. Нихоф был уже проинструктирован генералом фон Альфеном о том, что ни одному слову гауляйтера нельзя было верить. Ханке еще в начале февраля 1945 года заявлял коменданту крепости:

«Я являюсь гауляйтером Силезии, но отнюдь не гауляйтером Бреслау. В качестве гауляйтера Силезии большинство моих заданий находятся за границами города. Но чтобы не подавать людям плохого примера, я решил остаться в крепости. По сути, я являюсь человеком без прав. Можете полностью рассчитывать на меня в будущем».

Эти слова были одним сплошным лицемерием. Чтобы недвусмысленно показать, кто является в доме хозяином, генерал Нихоф потребовал от гауляйтера сдать мощную радиостанцию – мероприятие, которое требовалось осуществить с самого начала осады Бреслау.

Если говорить об общем положении города, то в первую очередь надо рассмотреть ситуацию на «южном» фронте. С период с 23 февраля по 7 марта полки Мора и Бессляйна в ходе боев оставили лишь незначительные территории. Позиции 609-й дивизии, напротив, даже усилились. Данное воинское соединения удерживало свои позиции по линии Больница Ханке – Штайн-штрассе – Церковь Святого Духа – кладбище Святого Бернардина – долина Оле – Пиршам. Несмотря на то, что позиции здесь были достаточно надежными, а сами воинские подразделения приобрели немалый боевой опыт, генерал Нихоф решил уделить южному театру боевых действий повышенное внимание. Он решил направить сюда больше вооружений, чтобы при перовой же возможности отразить любые советские атаки. Общим принципом ведения боев на «южном» фронте стали слова генерала:

«Рассредоточение, глубокое эшелонирование, резервы».

Забота о сохранения боевой мощи окруженного гарнизона стала для генерала Нихофа едва ли не задачей № 1. В этом нет ничего удивительного, так как со временем в немецких частях увеличивалось число потерь, восполнять которые приходилось за счет жителей Бреслау. Как результат, не меньшее внимание генерал уделял деятельности Херцога и Гёлльница. Созданная ими структура была ориентирована в первую очередь на подготовку младшего командирского состава, доля потерь среди которого во время боев была всегда выше. Поскольку в крепости между фронтом и собственно тылом почти не имелось никаких различий, то город постоянно прочесывался в поисках боеспособных мужчин. Подобное «рекрутирование» проходило планомерно. Гражданских лиц предпочитали не посылать сразу же в бой. Для начала они должны были пройти хотя бы кратковременную подготовку, которая должна была познакомить их с азами тактики ведения уличных боев. Нередко многие мужчины, до этого момента трудившиеся в гражданском секторе, вызывались идти добровольцами на фронт.

Впрочем, ситуация выглядела не столь идеалистично. В книге Гвидо Кноппа «Дети Гитлера» приведено несколько свидетельств относительно того, как проходило рекрутирование в батальоны Фольксштурма, укомплектованные подростками из Гитлерюгенда.

Кристиан Людке вспоминал о дне своего вступления в ряды защитников-ополченцев:

«Я пришел к матери и сказал, что я теперь стал солдатом. «Боже, они уже начали забирать детей!» – воскликнула она. Через неделю в день моего рождения пришел приказ. Нас должны были перебросить на другой участок фронта. У меня был день рождения, поэтому мы с другом решили отправиться туда на следующее утро. Утром мы пошли туда, но возле моста нас поджидал караул. Офицер сказал: «Людке, вы арестованы. Вы недостойны носить немецкую форму». С меня сорвали форменную куртку».

Этим делом занимался лично руководитель Гитлерюгенда в Бреслау Герберт Хирш. В то время, когда город содрогался от разрывов вражеских снарядов, возможно ли смягчить наказание Людке и его товарищу?

«Они пришли ко мне и сказали: «Мы хотим считать твое поведение безрассудно глупым и тем самым спасти тебя от расстрела. Ты получишь двадцать пять ударов палкой. Сожми зубы и терпи!». После десятого удара я потерял сознание. После экзекуции руководитель Гитлерюгенда сказал мне: «Ну, юноша, ступай на фронт и отличись там. Надеюсь, я смогу скоро прикрепить на твой мундир железный крест»».

Этот абсурд происходил на фоне разрушения города. Людке опять доверили высокую честь погибнуть за «фюрера и отечество». Многим другим, отставшим от своих, повезло меньше. Их просто расстреляли.

Фронт уже давно ушел на запад, а многочисленные советские соединения никак не могли взять город. К середине февраля, когда город оказался в полном окружении, его обороняли 40 000 защитников. Красноармейцам приходилось с боем брать каждый дом, каждую улицу, каждый этаж. Пожары окрашивали ночные облака в алый цвет. Аэродром Гандау был главной целью советских атак. С его потерей прерывалась всякая связь нацистов с внешним миром.

Церкви были превращены в укрепления, кладбища становились ареной боя, могильные надгробья служили материалом для возведения баррикад.

Весь город превратился в кромешный ад. В центре его был спешно оборудован импровизированный аэродром. Для многих он был надеждой на эвакуацию, для других – символом конечной победы. Вся молодежь города вступила в части вермахта, Фольксштурма и «полковую группу Гитлерюгенда». Ее организовал руководитель местного Гитлерюгенда Хирш. Группа состояла из двух батальонов общей численностью 1000 человек. Они были хорошо вооружены и подчинялись опытным унтер-офицерам. В ожесточенных атаках им удалось отбить у противника вокзал Пёпельвиц и заводы Рютгера. Угол улиц Кайзер-Вильгельм и Аугустштрассе горожане назвали «Гитлерюгендэк», «Угол Гитлерюгенда».

Ожесточенное сопротивление выливалось в большие потери среди малолетних солдат. В уличных боях погибла половина членов городской организации Гитлерюгенда. Сотни из них остались лежать на позициях главной оборонительной линии на юге города в районе железнодорожной насыпи.

Манфред Пройснер был ранен при атаке советских позиций.

«Во время передышки ко мне подошел огромный фельдфебель с пистолетом в руке и спросил: «Что с тобой?». Я ответил, что меня ранило осколком. Он увидел выступившую кровь. Мне разрешили спуститься в подвал. Другие тоже хотели передохнуть в подвале. Однако фельдфебель с пистолетом в руке погнал их обратно на позиции, на эту проклятую железнодорожную насыпь».

О том, что их ожидало на главной оборонительной линии, рассказывал Роман Шеффер:

«Русские лежали сверху на насыпи, а мы должны были отбросить их за насыпь. Вы представляете себе, как они там наверху лежали и простреливали все пространство из пулеметов? Сколько людей там положили! Это чистая глупость».

Кристиан Людке, которого подвергли наказанию палками за самовольную отлучку из части, находился на этом же участке обороны:

«Мы должны были вести бесперспективную борьбу. Мы только успевали подсчитывать свои потери. Многие плакали не из-за ранений, а от страха».

Своим официальным мнением рейх мог только восхищаться военным аспектом этой человеческой трагедии. *«Опираясь на мужественную волю к сопротивлению и проверенную боевую храбрость, на полную поддержку отечества и глубокое убеждение бороться до конца, мы будем удерживать крепость до перелома в войне»,* – заявило командование окруженной группировки. Однако вопреки хвастливой военной пропаганде «железная» дисциплина в городе постепенно ослабевала.

Уличные бои внушали страх не только защитникам Бреслау, но и советским солдатам. О тактике ведения уличных боев, их особенностях и трудностях можно было написать, наверное, целый том. Но в данной книге мы ограничимся лишь несколькими замечаниями. Главная трудность для немцев состояла в том, что подготовка солдат велась в критических условиях. В итоге большинство находившихся в обороне немецких подразделений можно было назвать сплоченными воинскими частями с очень большой натяжкой. Советские войска, по сути, атаковали наспех собранные группы, которые не успели пройти подобающую подготовку. А между тем на южном театре боевых действий уличные бои начались уже 20 февраля 1945 года.

Немцы пытались стоить свою оборону, располагая опорные точки в угловых домах… Как результат, именно на эти здания был обращен шквал огня советских противотанковых орудий и осторожно пробиравшихся по улицам танков. Сам же генерал Нихоф отмечал, что страшнее советских войск были только пожары, которые возникали от разрывов многочисленных снарядов и бомб:

«Поначалу наши солдаты в буквальном смысле слова сгорали заживо».

Выход из ситуации немецкое командование решило найти в использовании ручных огнетушителей, которых в промышленном Бреслау имелось достаточное количество. Кроме этого, подросткам из Гитлерюгенда было поручено найти в городе средства для пожаротушения. В ходе подобных рейдов было найдено около сотни пожаротушащих баллонных установок «Минимакс», которые тут же были направлены на передовую. Надо сразу же отметить, что при помощи «Минимакса» можно было успешно потушить небольшой, только что начинающийся пожар, но отнюдь не охватившее целый дом пламя. О том, что пожары были постоянно головной болью для коменданта крепости, говорит хотя бы один факт. Генерал Нихоф решил обратиться с консультацией к одному из профессоров Технического университета Бреслау. Тот, в свою очередь, порекомендовал генералу использовать для тушения пожаров одно химическое вещество, которое в изобилии хранилось в северной части города в больших контейнерах. Но при этом профессор предупредил, что у данного химиката было одно побочное действие – при его использовании возникали клубы хлороформа. В итоге было решено опять привлечь подростков из Гитлерюгенда. Те расфасовывали химикаты по тысячам пивных бутылок, которые другими подростками доставлялись в места боев. Но всем было понятно, что это было лишь вспомогательное средство, не способное справиться с пожарами в целом. А использование пожарных команд в местах уличных боев и вовсе представлялось невозможным.

При отсутствии у немцев зажигательных снарядов они не могли ответить советским войскам той же монетой. Но в конце февраля немцы стали применять особую тактику, которая не только позволяла увеличить их огневую мощь, но и оказалась эффективной против советских зажигательных снарядов и бомб. Впервые она была опробована во время боев у здания дирекции железной дороги. Немцы стали осознанно поджигать здания, которые планировалось сдать красноармейцам. Кроме этого, подрывались внешние и внутренние стены угловых строений. Как результат, каменные руины было сложнее поджечь, но в то же самое время они являлись идеальным укрытием для фаустников и пулеметных гнезд.

Нихоф писал в своих воспоминаниях о данной тактике:

«На первый взгляд подобные меры были выражением бесцельной жажды разрушения, но на самом деле они являлись предпосылкой для более успешных оборонительных боев».

Вряд ли стоит подробно расписывать, что все выгоревшие дома оказывались в распоряжении советских войск, в то время как целые кварталы находились внутри города.

Конец февраля – начало марта было ознаменован еще и тем, что немцы применили во время боев несколько технических «новшеств». Все они были насколько просты, настолько же и эффективны. Сразу же надо оговориться, что в Бреслау оказалось большое количество 88-миллиметровых зенитных орудий, чего нельзя было сказать про боеприпасы к этой артиллерии. Подполковник Мор считал целесообразным наладить сотрудничество своего полка с саперами майора Хамайстера. В первую очередь это касалось возведения баррикад на передовой. На определенном удалении от линии боев возводились специальные «секретные» баррикады, в основу которых встраивались 88-миллиметровые зенитные орудия, которые были весьма эффективны даже против советских танков. Когда оставлялась небольшая часть территории и приближались советские войска, из подобной баррикады внезапно производилось несколько орудийных выстрелов. Почти во всех случаях подразделения Красной Армии получали немалый урон. В большинстве своем немцы предпочитали подбивать советские противотанковые орудия. Подобная тактика при условии одновременного применения минометов и пусковых установок типа фаустпатрон или «Панцершрек» оказалась весьма эффективной. Об этом говорят хотя бы цифры. За две недели боев полк Мора смог уничтожить около сотни советских противотанковых орудий.

В боях на «южном» фронте себя весьма успешно зарекомендовала и рота истребителей танков. Она опять же в основном применялась против орудий Красной Армии. Лейтенант Хартман, командир штурмового орудия, сообщал об этом следующее:

«Нас в основном использовали против русских противотанковых орудий, которые прекрасно простреливали все улицы в любое время дня и ночи. Звук выстрела, который напоминал щелчок кнута, в пространстве, замкнутом зданиями домов, вызывал ощущение, что орудие находилось где-то совсем рядом, что очень сильно действовало на нервы нашим солдатам. Для борьбы с русскими орудиями я придумал особую тактику. Для начала я стремился выяснить расположение хотя бы одного противотанкового орудия. В большинстве случаев это было отнюдь не самой простой задачей, так как в шуме множества выстрелов можно было легко ошибиться. Если же удавалось выглянуть из-за кого-нибудь угла или использовать телескопическую трубу, то я мог точно указать моему наводчику, по какому месту надо было вести огонь. Затем мы заводили наше штурмовое орудие и, вывернув на полной скорости из-за угла, посылали снаряд вдоль улицы. Ни один русский не успевал или не осмеливался произвести выстрел по нашей штурмовой машине. В результате нам удавалось подбить вражеское противотанковое орудие. Хотя и мне случалось ошибаться с определением места, где находилось орудие. Впрочем, Советам от этого было мало толку. Взрывная волна от нашего снаряда без проблем сдувала маскировку русского орудия, которая обычно делалась из соломы. Первых своих успехов мы смогли добиться на углу Штайн– и Галле-штрассе, где проходили позиции 609-й дивизии. Сражавшаяся в этом районе рота Криша была очень благодарна за нашу помощь. В ходе этих боев, к сожалению, потеряли один из танков PzII, который не смог перебраться через протянувшуюся по Штайн-штрассе траншею. Но даже в этих условиях танкисты смогли побить противотанковое орудие, которое располагалось между Кретиус– и Гельмут-штрассе. Впрочем, это была единственная потеря, которую мы понесли в Бреслау от вражеских противотанковых орудий. В тот момент мы пересекали котлован, и на моем штурмовом орудии порвалась гусеница. Я не мог ничего поделать. В ремонте самоходной установки нам помогал даже майор Шульц, который появился из подвала, весь перепачканный гарью».

Выгоревшие руины домов представляли немалую опасность для тех, кто сражался в них. Если речь шла о немцах, то в первую очередь угроза возникала, когда советская артиллерия вела огонь по остаткам зданий крупнокалиберными снарядами с взрывателями замедленного действия. Попадание и взрыв от такого снаряда угрожал похоронить под облаками далеко не одного немца. По этой самой причине защитники Бреслау предпочитали сами предварительно взрывать выгоревшие дома, чтобы использовать их для обороны. И наоборот, коробки домов, которые предполагалось сдать красноармейцам, оставляли в покое, тем самым увеличивая вероятность погребения под их обломками уже советских солдат. Постепенно немцы стали подрывать даже подвалы разрушенных домов. Как вспоминал полковник Райнкобер, командир одного из полков 609-й дивизии:

«Провалы подвалов тянулись вдоль всех улиц. В итоге постепенно возникала плотная паутина траншей и котлованов, которая тянулась до самой передовой…. Части оказались довольны новым укреплением. Очень быстро стали ясны его несомненные преимущества. Наши потери стали снижаться. По этим «каналам» можно было подтягивать резервы, подвозить боеприпасы и провиант, относить в тыл раненых».

Кроме этого, подрыв разрушенных домов позволял немецкой артиллерии вести более прицельный огонь.

Нередко в Бреслау для маскировки применялись самые обычные бытовые предметы: ковры, занавески, ламбрекены. Несколько последовательно натянутых вдоль уличных провалов ковров позволяли немцам передвигаться, фактически оставаясь не замеченными советскими наблюдателями. Или же, напротив подобные ковры, могли указывать ложное направление движения, дезориентируя тем самым красноармейцев.

В уличных боях весьма эффективным было использование тяжелого 150-миллиметрового орудия. К великому сожалению для немцев, количество снарядов для подобного типа орудий было очень ограниченным. В итоге они были переданы в распоряжение эсэсовскому полку

Бессляйна. Но и сами эсэсовцы предпочитали держать их в резерве. Применить это грозное оружие планировалось в самой критической ситуации. Если же говорить о полке Бессляйна, то после успешной операции в Пайскервице и обороны аэродрома в Гандау оно заработало определенную славу не только среди немцев, но и среди красноармейцев. Когда его перекинули с «южного» фронта на «западный», никто не сомневался, что эсэсовскому полку предстояло выполнить тяжелое задание. Эсэсовцам нельзя было отказать в неком эпатаже. К новому месту назначения они передвигались строевым шагом с песнями. Само собой разумеется, это касалось только тех улиц, которые не простреливались советской артиллерией. Две роты полка Бессляйна при этом были облачены в стальные шлемы, одна рота – в шляпы, которые были известны под названием «Кокс», а еще одна рота – в специфические головные уборы, напоминавшие цилиндры. Появившись на передовой, эсэсовцы с некой бравадой вывесили заметный для советских солдат транспарант: «Здесь будет сражаться эсэсовский полк Бессляйна!». Впрочем, бывший на данных позициях полк Мора сражался в оборонительных боях не менее ожесточенно. Иногда казалось, что немецкие воинские соединения соревновались друг с другом в своей отчаянности и героизме. Находившаяся левее эсэсовского полка 609-ая дивизия в ходе этих боев не отступила ни на метр. В полку же Бессляйна были поразительные примеры. В качестве такого можно было бы привести командира одной из рот по фамилии Будка. Его подразделение удерживало здание конторы по земельному страхованию, которое располагалось на Августа-штрассе. В подвале конторы бушевал пожар, да и само здание являло собой груду развалин, в которой стояла нестерпимая жара. Большинство солдат, как и сам Будка, были вынуждены раздеться по пояс и вести бой с обнаженными торсами. Регулярно одного из солдат посылали за водой, которой обливали оборонявшихся эсэсовцев. Только так можно было справиться с невыносимым жаром.

Повышение эффективности немецкой огневой мощи на «южном» фронте к тому моменту было во многом достигнуто за счет размещения тяжелых противотанковых орудий в подвалах угловых домов на перекрестках крепости. Командир крепостной артиллерии направил на данный участок фронта три батареи. Они были укомплектованы советскими трофейными 76,2–миллиметровыми противотанковыми орудиями, которые были мощным оружием. Обычно убедиться в справедливости данного утверждения могли немецкие танкисты. Но в Бреслау «русские» орудия оказались направленными против советских танков. Простреливая из укрытия улицы почти на всю их длину, эти пушки могли убить в зародыше любую начинавшуюся советскую атаку.

Не обходилось на войне и без новшеств. Чтобы прицельно и удачно бросать ручные гранаты в красноармейцев, которые укрывались за полуразрушенными стенами, два немецких подразделения почти одновременно, но независимо друг от друга выдумали специальное приспособление. Оно весьма напоминало древнеримское оружие, потому было бы правильнее его называть «катапультой для ручных гранат». Сначала катапульту соорудили подростки из Гитлерюгенда, которые удерживали угол улиц Августы и Императора Вильгельма. Приспособление метало гаранты по очень крутой дуге. Траектория их полета была настолько неожиданной для красноармейцев, что они долго не могли понять, кто и как закидывает их позиции ручными гранатами. Иногда возникало ощущение, что они падали прямо с неба. Позже нечто подобное появилось и в полку Мора. Там приспособление назвали «метательной машиной».

В ходе уличных боев немецкие саперы обнаружили, что урон частям Красной Армии можно наносить, подрывая здания, когда те были заняты советскими солдатами. Командир саперного батальона 609-й дивизии капитан Ротер так описывал эту тактику:

«Подрывы были эффективны только тогда, когда они производились непосредственно близ врага. Предусмотрительно в дома на передовой доставлялся специальный груз. Обычно он состоял из бомб или чаще всего из двух баллонов с водородом, либо с ацетиленом, либо с кислородом. К этим баллонам крепился специальный промежуточный заряд. Этот груз размещался обычно вблизи подвальных помещений, которые при занятии дома противник наверняка бы использовал. Кроме этого «минировались» дома, которые находились на передовой, и существовала возможность их захвата. Обычно груз прятали под углем и прочим

хламом, который мог храниться в подвале. Подрыв производился через электрические провода, которые тянулись через подвал по телефонным колодцам на расстояние приблизительно в 200 метров от дома. В начале апреля части нашей дивизии заложили приблизительно 200 штук подобных грузов. Самым трудоемким и требующим много времени процессом была прокладка кабеля, для чего мы обычно использовали связистов. Иногда для того, чтобы замаскировать груз, нам приходилось принести 50 и более килограммов угля или кокса. Но данная тактика была весьма эффективной – она оказывала шокирующее действие на противника. Так, например, шестиэтажный дом складывался в считанные секунды».

Отдельно надо рассмотреть ожесточенные оборонительные бои, которые вела 609-я дивизия. Позволим себе привести отчет, который был написан полковником Райнкобером и его первым помощником майором Моосхаке:

«Основными местами боев на протяжении всего марта и апреля были больница Ханке, Церковь Святого Духа, кладбище Святого Бернардина и двор первого трамвайного депо. Вновь и вновь начинались бои за расположенную к северу от Штайн-штрассе школу, являвшую собой компактное, современное здание из бетона, которое было разрушено противотанковыми орудиями противника. Бои за эту каменную школу, которая удерживалась 1-м батальоном полка Райнкобера (командир – ротмистр Шмидт), не прекращались даже ночью. После мощной артиллерийской подготовки силами многочисленных орудий неприятель снова и снова пытался проникнуть в школу из зданий, расположенных на противоположной стороне улицы. Русские либо находились в подвале, а наши солдаты на верхних этажах, либо в коридорах школы, где шли ожесточенные бои. Иногда противник находился в соседней классной комнате, выбить его оттуда можно было лишь после подрыва смежной стены. Но батальон продолжал удерживать это здание. Неприятель пробовал применять при штурме школы даже огнеметы. Здесь весьма к месту оказались так называемые «пупхен» («куколки») фаустпатроны, установленные на лафет. Это было весьма эффективное пехотное оружие, которое позволяло вести огонь из любой комнаты. Но для этого сначала надо было снасти перегородку. Несомненным достоинством «куколки» было то, что это оружие могло вести огонь с верхних этажей, без риска быть замеченным вражеским наблюдателем. Звук выстрела тонул в школьных комнатах, а вспышка была почти не видна с улицы. В уличных боях себе прекрасно зарекомендовали наши снайперы, которые наносили неприятелю огромные потери, в первую очередь расчетам противотанковых орудий. Оборона находившихся под домами подвалов являлась очень тяжелой задачей для командиров и их солдат. Температура в них накалялась до 45є. При этом им и днем, и ночью надо было бдительными, чтобы удачно отразить стремительную атаку врага из домов на противоположной стороне улицы. Это требовало проявления просто сверхчеловеческих качеств, за что они заработали особую благодарность. Я, Райнкобер, в одну из ночей провел несколько часов с этими солдатами, которые действительно были выше всяких похвал. Отход не был возможен, так как у нас не было резервов. В подобных условиях приходилось удерживать не просто один квартал, а иногда целые улицы. Мы пытались помочь им тем, что доставляли сельтерскую воду с территории, находившейся по соседству на Хубен-штрассе оставленной фабрики. Кроме этого каждый из солдат раз в час мог ненадолго выглянуть на свежий воздух, чтобы минутку передохнуть и снова быть готовым к бою. Надо также упомянуть, что на командных пунктах рот и батальонов каждый из солдат мог ежедневно отдохнуть пару часов, чтобы съесть пирог (их специально выпекали), выпить кофе или пива (последнее доставлялось из пивоварни на Хубен-штрассе). Кроме этого, они могли выкурить сигару или сигарету. Каждый из бойцов в течение недели отпускался в увольнительную с передовой. Это позволяло им расслабиться. Подобная практика получила высокую оценку в частях».

О характерной для саперов изобретательности рассказывал капитан Ротер. В основном он вспоминал о новом виде мин:

«Усиление наших позиций проволочными и минными заграждениями было возможно только в единичных случаях, так как неприятель засекал даже малейшее движение на улице. Кроме этого, традиционное минирование было малоэффективным в силу невозможности замаскировать обыкновенную мину в городских условиях. Но улицы города были просто завалены мусором, обломками кирпичей и осколками черепицы. Это навело нас на мысль о необходимости маскировать мины под этот хлам. Деревянные ящички мины намазывались клеем и посыпались кирпичной трухой. В результате этих манипуляций они весьма походили на кирпичи. После этого края деревянного ящичка специально беспорядочно обламывались. Подобные мины даже с расстояния в три метра вряд ли можно было отличить от обыкновенного кирпича. Они переносились на улицу ночью при помощи специальных удилищ. Их размещали из окон, люков и подвалов, одним словом, так, чтобы неприятель не заметил наших действий. За несколько дней перед позициями 609-й дивизии подобным образом было размещено более 5 тысяч пехотных мин».

Завершать тему о военных «изобретениях» той поры лучше всего рассказом о создании «тяжелого миномета Бреслау». Даже если из этого типа вооружений, появившихся уже ближе к концу осады, было произведено не так уж много выстрелов, то это не является поводом проигнорировать данное «ноу-хау». Родителями этого оружия являлись офицеры-саперы: капитан Ротер и лейтенант Шульц, который был командиром 2-й роты 6-го технического батальона. Ожесточенные уличные бои и недостаток у немцев минометов вызвали к жизни необходимость создать специальный «снарядомет», который мог использовать самые примитивные боеприпасы. При этом он должен был по крутой дуге забрасывать эти заряды с одной стороны дома на другую. После многочисленных неудачных экспериментов с офенрорами в качестве «снарядомета» и консервными банками в качестве оболочки для заряда, офицеры обнаружили на арсенальных складах (Франкфурт-штрассе) сорок штук 125-миллиметровых минометов, к которым не было никаких боеприпасов и угломеров. В Бреслау имелось немалое количество зарядных гильз для 88-миллиметровых зенитных орудий. Из них было решено изготовлять оболочку для заряда, которая должна была наполняться осколками и взрывчаткой, извлеченной из неразорвавшихся советских снарядов и мин. Не вдаваясь в подробности конструкции и производственного процесса, надо отметить, что квалифицированные рабочие Бреслау, рискуя своей жизнью, выпускали в сутки до 300 подобных зарядов. Подобного запаса могло хватить приблизительно на 10 дней боев на «южном» фронте. Позже эти «снарядометы» были использованы для оборонительных боев на «западном» фронте. У расчетов «снарядометов» данное импровизированное оружие получило весьма благоприятные отзывы. Взрыв от него давал большое количество осколков.

Рассказ об обороне Бреслау будет неполным, если не упомянуть о том, что происходило в артиллерийских подразделениях. Скончавшийся в 1958 года командир крепостной артиллерии полковник Урбатис рассказал генералу Нихофу о применении в боях за аэродром Гандау зенитных пушек и прожекторов:

«В начале февраля противник стал использовать огромное количество прожекторов для создания помех самолетам, которые должны были приземляться на аэродроме Гандау. Мы насчитали их около 50 штук. Наш дивизион артиллерийско-инструментальной разведки (АИР), который прибыл по моему требованию в середине марта в Бреслау, установил точное местоположение прожекторов. Теперь мы могли вполне успешно вести по ним огонь из зенитной артиллерии. После этого мы стали наблюдать перебои в работе прожекторов. Из перехваченных радиограмм узнали, что многие прожектора погасли не без нашей помощи. Уже три дня спустя русские отвезли все прожектора на расстояние где-то в шесть километров, а потому приземлению наших самолетов более ничто не мешало. Можно было говорить об успехе зенитной артиллерии и ее реальной помощи снабжению Бреслау по воздуху. По состоянию на 1 февраля 1945 года весь боезапас в крепости составлял приблизительно 130 тысяч снарядов. Планомерное прочесывание в поисках боеприпасов дало удивительные результаты. Было найдено приблизительно 100 тысяч заготовок снарядов для легких полевых гаубиц, а также порошок для зарядных гильз. Эти заготовки доделывались специалистами, которые вмонтировали в них взрыватели. Взрывчатку, которая шла для зарядов «миномета Бреслау», добывали преимущественно из неразорвавшихся русских бомб и снарядов. В

некоторых из них вместо взрывателей мы находили удивительные листовки, в которых на немецком языке было написано: «Друзья, мы не можем сделать для Вас чего-то большего»».

С какими трудностями приходилось сталкиваться летчикам, которые должны были приземлиться на аэродроме Гандау, после войны вспоминал один из бортрадистов:

«Противовоздушная оборона русских была на удивление мощной. Наши самолеты-разведчики насчитали около 90 средних и тяжелых батарей зенитной артиллерии и не менее 100 прожекторов, которые были сосредоточены близ Бреслау. Количество русских истребителей, действовавших ночью, установить сложно. Вначале наши потери не были большими. Но все изменилось в середине марта. Наша эскадрилья, насчитывавшая десять экипажей и машин, только во второй половине марта потеряла 4 экипажа и 5 машин. Одному экипажу удалось спастись. Наши товарищи смогли выпрыгнуть из горящей машины, после чего они приземлились на парашютах на территорию близ Нейса, которая контролировалась нашими войсками. Сослуживцы, которые участвовали в снабжении Сталинграда по воздуху, заявляли, что противоздушная оборона русских под Бреслау была много мощнее. Посадка на аэродром Гандау была затруднена еще тем обстоятельством, что передовые части русских располагались буквально в полукилометре от взлетно-посадочных полос. Как только мы приближались, нас начинали слепить прожекторами и обстреливать из пулеметов. Кроме того, русские, только заслышав шум моторов, начинали обстреливать территорию аэродрома из минометов. Среди раненых, которых нам надо было отвозить обратно, нередко встречались 14-летние мальчишки из Фольксштурма. Все экипажи были возмущены тем, что в бой гнали детей, а потому пытались забрать мальчишек как можно больше. Взлетные аэродромы, с которых осуществлялось снабжение Бреслау, располагались в Клоцше (Дрезден) и Ютребоге (Берлин). Кроме нескольких эскадрилий, состоящих из Юнкерсов-52, задания выполняло еще несколько эскадрилий Хенкелей-111. Но с них грузы можно было сбрасывать только на большой высоте, что приводило к неточности их попадания. При посадке и вылете с Гандау мы видели зарево бушевавших в городе пожаров. По дороге назад мы сбрасывали листовки, написанные по-русски. Радиообмен между «землей» и Бреслау, который был необходим в условиях ночных полетов, существенно затруднялся вражескими радиостанциями. В итоге мы нередко промахивались мимо города, сразу же попадая под зенитный огонь противника».

О драматичности и опасности полетов в Бреслау рассказывает дневник упомянутого выше бортрадиста. Запись от 17 марта 1945 года:

«В районе 4 часов 30 минут утра мы повернули на город. Сильная облачность. Связь с Гандау отсутствует полностью, поэтому мы повернули к Фризскому лугу. Несмотря на то, что мы летели на высоте в 250–300 метров, разобрать ничего не возможно. Мы направились к месту предполагаемой выброски контейнеров. Внезапно мы попали под огонь сразу двух 37-миллиметровых орудий. В хвосте что-то треснуло. Мы неоднократно оказывались в лучах вражеских прожекторов. Наш пилот то пытался вилять между ними, то пытался набрать высоту. При этом бомбы (с почтой и провиантом) были извлечены. Об их сбрасывании можно было больше не думать… Одно время все шло достаточно неплохо. Мы по возможности незаметно пробовали пробраться на север из этого ведьминого кольца. Внезапно на винтах и краях крыльев мелькнул синеватый отблеск. Это нас искали прожектора, но не могли обнаружить в плотных облаках. В 6 часов 10 минут мы приземлись в Дрездене-Клоцше. Мы сразу же заметили огромную дыру в левом стабилизаторе и бесчисленные пробоины в высотном корректоре и фюзеляже. Кроме этого, два грузовых контейнера были пробиты почти навылет. Мы доложили о своем прибытии. Только после этого мы узнали, что сегодня пропало четыре машины».

О кризисе со снабжением Бреслау по воздуху сообщается даже в журнале боевых действий верховного командования Вермахта:

«24 марта 1945 года. Снабжение Бреслау затрудняется из-за вражеских прожекторов. К настоящему моменту пропало 65 Юнкерсов, что является невосполнимыми потерями, так как их производство остановлено».

Несмотря на все усилия, немецкие самолеты могли отнюдь не всегда приземлиться на аэродром. Так, например, 15 марта из 55 самолетов, направленных в Гандау, приземлиться смогла лишь половина. Оставшихся 150 раненых пришлось распределять по другим летным машинам. Если говорить о середине марта, то на период 15–18 марта в снабжении Бреслау принимало участие 156 самолетов, большая часть которых не приземлялась на аэродроме, а сбрасывала грузы с воздуха. Значительная часть этих «снабженческих бомб», содержавших медикаменты и боеприпасы, так и не попала к защитникам Бреслау. Какие-то из них падали на советские позиции, какие-то – на заболоченные и затопленные территории, откуда их было невозможно извлечь. В последние дни марта, буквально накануне захвата территории аэродрома Гандау частями Красной Армии, воздушное сообщение с Бреслау и вовсе прекратилось. Хуго Эртунг вспоминал об этом эпизоде:

«Почта в город доставляется страннейшим образом. Самолеты с боеприпасами больше не могут приземляться, так как в городской черте потеряно слишком много машин. Да и сами раненые, вывоз которых предполагался по воздуху, рассматривают эту возможность как некую экзекуцию. Теперь письма в город доставляют в специальных бомбах на парашютах».

Но вернемся к артиллеристам Бреслау. Об изобилии заготовок с взрывчатым веществом сообщал также дипломированный инженер Эмиль Когер, который в те дни являлся представителем дирекции фирмы «ФАМО»:

«С этим заданием якобы целый месяц безуспешно пытался справиться швейцарский инженер. Проблема состояла в том, что взрывчатку надо было выплавлять. Это было возможно при температуре в 90є, однако при 102є она взрывалась. Мне не представляло проблем справиться с этими условиями. Я достал на фабрике кондитерских изделий специальный кипятильник для карамели. После этого я создал из него и парового котла специальную установку, в которой температура регулировалась при помощи вентиля. Мы быстро научились очень точно регулировать температуру, после чего начали стряпать взрывчатку. К сожалению, главный пиротехник этого предприятия оставил без внимания мой настойчивый совет о том, что лучше было вывести часть производства наружу. В итоге в один из дней произошел взрыв паров, который унес жизни многих людей».

Если говорить о санитарной службе в осажденном Бреслау, то надо для начала перечислить все госпитали, имевшиеся в крепости. Три из них располагались в надземных бункерах: в «Шайтнигерской Звезде», у вокзала Одертор (Одерские ворота) и на Штригауэр-плац. Четыре госпиталя были размещены в подземных бункерах: у Нового рынка, на площади Блюхера, на Вахтенной площади и у главного городского вокзала. Кроме этого, десять больниц были переквалифицированы в военные госпитали, в том числе больница Венцеля-Ханке, Израэлитская больница, интернат для слепых, при монастыре милосердных братьев, «Батанин», резервный военный госпиталь XIII на улице Лессинга, семинария в Карловице, больница Св. Иосифа, бывший хоспис (заведение для безнадежно больных) и Хедвигштифт. Еще шестнадцать госпиталей были открыты в подвальных помещениях различных учреждений: конторы земельного страхования, университета, винных погребах, «белого дома» на Новом рынке, гостиницы «У ворона», конторы Бреннинкмайера, торгового дома Кнителля, представительства фирмы «Бош», здания Дортмудского союза, «Ганзейских подвалах», Верховного земельного суда, Новой биржи труда и т. д.

По мере того, как ухудшалось положение Бреслау, часть госпиталей надо было срочно эвакуировать. В феврале 1945 года вывезли раненых из больницы Венцеля-Ханке, Израэлитской больницы и госпиталя, расположившегося в подвале конторы земельного страхования. С началом «пасхального сражения» немцы срочно свернули работу госпиталя в

интернате для слепых. В конце апреля прекратил свою деятельность госпиталь на Штригауэр-плац. При этом в городе несколько больниц, как, например госпиталь во имя Всех Святых, обслуживали только гражданское население. Иногда командование отдельных частей проявляло инициативу и создавало собственные госпитали. Так, например, возник госпиталь при полку Мора. Поначалу он располагался на Матиас-плац. В нем было поставлено 60 кроватей для раненых солдат и 20 кроватей для гражданских лиц. Впрочем, сам госпиталь, которым руководил младший полевой врач доктор Буссе, был предназначен для лечения легких ранений.

После того, как Бреслау был окружен советскими войсками, и в середине февраля 1945 года прекратилось железнодорожное сообщение с остальной Германией, началась подготовка вывоза раненных немецких солдат по воздуху. Относительно принципа выбора раненых солдат, подлежащих эвакуации, было выпущено несколько распоряжений. Если до начала марта в Бреслау должны были оставаться те солдаты, которые не могли быстро пойти на поправку, то новый комендант крепости генерал Нихоф нашел подобное положение вещей в высшей мере странным. В итоге на «большую землю» по «воздушному мосту» стали направляться именно те солдаты и больные, выздоровление которых не предполагалось в течение двух ближайших месяцев. Согласно сведениям доктора Грефе, из Бреслау на самолетах было вывезено около 6600 раненых немецких солдат. Оберфельдфебель санитарной службы Валь фактически отвечал за вывоз раненых из Бреслау. Он вспоминал:

«Для ночной транспортировки раненых с аэродрома Гандау их максимальное количество располагали в прилегающих зданиях и бараках. В условиях отличного сотрудничества со связистами, которые поддерживали постоянный контакт со всеми санитарными базами и станциями санитарных машин, мы доставляли раненых к аэродрому в предельно короткие сроки. По телефону постоянно уточнялось количество «сидячих» и «лежачих» раненых в переполненных госпиталях. После этого подразделения Санка[24] направляли свои машины в специально выделенные для этого госпитали. Перевозка раненых осуществлялась не только на санитарных машинах, но и на автобусах. Все делалось для того, чтобы они как можно быстрее снова отправились в путь. Тех, кто не умещался в самолете, размещали в окрестном бараке, а потому не надо было ожидать санитарную машину, чтобы вернуть их обратно в госпиталь. Но после того, как барак был разрушен попаданием советской бомбы (к счастью, на тот момент в нем не было людей), раненые стали размещаться в здании интерната для слепых. Сколько вывозилось раненых, во многом зависело от летчика. Обычно в самолет помещалось не более 28 человек, хотя один из летчиков как-то умудрился вывезти из Бреслау 32 раненых. Несмотря на ночные артиллерийские и минометные обстрелы, Санка действовала безукоризненно. Ни один из Юнкерсов не возвращался пустым». Если говорить об авиатранспорте, то тот же оберфельдфебель Валь вспоминал: «Однажды ночью в Бреслау приземлился курьерский самолет. Несколько раз русские по нему пытались попасть из зенитных орудий. В Гандау он не обнаружил никого, кого можно было бы вывезти. Он сразу же справился об этом у коменданта крепости. Его беспокоило то обстоятельство, что он должен был лететь назад пустым, не взяв к себе на борт никаких раненых. В итоге по тревоге был поднят главный врач крепости. Тот, в свою очередь, отыскал меня. Мне пришлось объяснять, что Юнкерс был уже наполнен ранеными. Дело в том, что перенервничавший летчик не заметил располагавшийся рядом с аэродромом барак». О мерах по срочной эвакуации раненых из военных госпиталей сохранились такие воспоминания: «Однажды ночью, после того, как в здание наземного бункера попало несколько бомб, и стал усиливаться артиллерийский огонь, поступил приказ освободить здание за несколько часов. Гражданские лица, офицеры, медсестры и легкораненые солдаты стали самостоятельно покидать здание. Комендант крепости предоставил нам весь транспорт, имевшийся в его распоряжении. Бывшие омнибусы и прочие автомобили вытянулись в длиннющую колонну. На этих машинах в ту ночь мы смогли перевезти около 1200 раненых, в том числе «лежачих». Это был поразительный результат!».

---

[24] Санка – аббревиатура от Sanitdtskraftfahrtzeug. Обозначение структуры, занимавшейся санитарными перевозками.

После того, как немцы потеряли аэродром Гандау, закончилась и транспортировка раненых по воздуху. Санитарные базы и госпитали оказались переполненными, причем с каждым днем количество раненых неуклонно росло. Врачи и санитары работали круглыми сутками. Для самих раненых форменной пыткой было пребывание в бункерах, где явно не хватало свежего воздуха. Из-за недостатка горючего в них фактически не работала вентиляция. Вентиляционное оборудование запускалось все реже и реже. Единственной радостью для госпиталей в тех условиях были значительные запасы продуктов. Несмотря на духоту, врачи и раненые все-таки не страдали от голода.

Как уже говорилось выше, 28 февраля на предприятиях «ФАМО» началось создание «бронепоезда Пёрзеля». Он был готов к 20 марта 1945 года. Данная боевая машина тут же стала принимать участие в боях в районе Мохберна. На вооружении бронепоезда стояло четыре 88-миллиметровых зенитных орудия, одна 37-миллиметровая и четыре 20-миллиметровые зенитные пушки, а также два пулемета типа МГ 42. Кроме этого, на бронепоезде была установлена радиостанция. Экипаж бронепоезда составлял 108 человек, в том числе 6 машинистов, которые одновременно являлись кочегарами, 18 человек, обслуживающих локомотив, 32 железнодорожника и специалиста по ремонту башен. Сам поезд подчинялся непосредственно коменданту крепости. В силу своей технической привязанности к рельсам бронепоезд плохо подходил для затяжных боев. Генерал Нихоф прекрасно понимал это. Но, с другой стороны, эта боевая машина была незаменима там, где требовался стремительный удар, который должен был сопровождаться огнем из всех имевшихся орудий. В условиях применения подобной тактики поезд оказался незаменимым во время боев на юго-западном театре боевых действий, прежде всего во время обороны аэродрома Гандау. К слову сказать, еще до наступления апреля экипаж немецкого бронепоезда уничтожил семь советских танков и три самолета. Кроме всего прочего, появление бронепоезда оказывало положительное психологическое влияние на немецких солдат. В первый пасхальный день, когда на Бреслау был обрушен ливень советских бомб и снарядов, бронепоезд получил пробоину. Попадание советского снаряда повредило насосную установку, которая отвечала за подачу воды. Однако экипаж бронепоезда смог довести машину до депо, где тут же началась ее починка. Сложившая после Пасхи 1945 года обстановка на «западном» фронте не допускала возможности использования там немецкого бронепоезда. В итоге он был направлен на «северный» фронт. На этом участке фронта бронепоезд поддерживал своим огнем полк Веля. Курсируя по северному участку фронта, бронепоезд также оказывал огневую поддержку полку Зауэра севернее Карловиц и на северных окраинах Розенталя. Если говорить о его эффективности, то можно привести одну цифру – 30 % потерь в те дни на данном участке фронта были причинены именно экипажем немецкого бронепоезда.

Как же в это время ощущало себя гражданское население? 7 марта 1945 года гауляйтер Ханке выпустил распоряжение, назвавшееся «Трудовая повинность для каждого жителя». В его первых строках сообщалось:

«Подобно тому, как солдат, покидающий свой пост, карается смертью как дезертир, такое же наказание ожидает всех тех, кто будет сознательно уклоняться от трудовой повинности в крепости». Далее шло перечисление нескольких пунктов, в том числе:

«2. Трудовую повинность обязаны отбывать всё мужеское и женское население крепости (включая мальчиков 10-летнего и девочек 12-летнего возраста)….

6. Участие в работах ежедневно подтверждается специальным штемпелем, который проставляется либо руководителем местной партийной группы, либо начальником участка работ.

7. Применение наказания считается действительным в отношении несоблюдающих распоряжение молодых людей в возрасте до 16 лет, которые ухаживают за родителями или детьми.

8. Каждый, кто, начиная в 11 марта 1945 года, не будет иметь на руках рабочей карты с ежедневно проставленным штемпелем, предается в суд для разбирательства дела.

9. Каждый, кто умышленно не выполняет данное распоряжение, карается смертью».

В данном документе ни слова не говорилось про строительство взлетно-посадочной полосы, но подразумевалось, что новые рабочие руки требовались именно на данном объекте. Каждый день возведения полосы обходился городу немалыми жертвами. Закончить это предприятие представлялось возможным только при условии проведения тотальной трудовой мобилизации в городе, когда на строительную площадку должны были быть направлены даже слабые дети.

Территория Фризского луга и располагавшегося рядом стадиона как варианта для строительства запасного городского аэродрома были отвергнуты в силу того, что весной данная местность обычно бывала заболоченной. Предпринятые исследования показали, что самолеты могли бы с трудом съесть и взлететь на данной территории. В итоге было решено ускорить строительство взлетно-посадочных полос в районе «Шайтнигерской Звезды». Само собой разумеется, советские части не могли не заметить скопления большого количества людей между Княжеским и Кайзеровскими мостами. В итоге данный район почти ежедневно подвергался сильному артиллерийскому обстрелу. Наиболее сильно в данном районе пострадала Труммер-плац. В целом все эти окрестности считались внутренним «наукоградом» Бреслау. Здесь, на Тиргартен-штрассе располагались государственный архив и университетские больницы, на набережной находился Технический университет, состоявший из множества строений. В итоге нет ничего удивительного в том, что во время пожаров в архиве погибла большая часть документов по истории Бреслау и Силезии. Но кроме этого, строительство аэродрома требовало каждый день приносить бесчисленные жертвы – количество убитых и раненых даже перестали считать.

Введение фактической всеобщей трудовой повинности потребовало от местных партийных органов составлять списки беженцев, которые находились в том или ином квартале. Но миграция населения внутри города была огромной, поэтому найти конкретного человека по данным спискам почти не представлялось возможным. В этой ситуации поразительным видится следующий факт. Даже в марте 1945 года агенты гестапо продолжали прочесывать дома и подвалы в поисках «неарийских элементов». Они также составляли списки «проживавших» в тех или иных строениях людей. Даже в условиях полного окружения города, накануне крушения гитлеровского режима нацистская бюрократия не хотела избавляться от своих методов. Впрочем, очень многим людям удавалось избежать попадания на принудительные работы. Даже некоторым солдатам Вермахта удавалось затеряться в толпе гражданских. Примером этого может служить некий доктор Конради. Сесиль Бабиш вспоминала после войны:

«Он был «удравшим» с передовой кавалером Рыцарского креста. Я видела его облаченным в серый гражданский костюм с докторским саквояжем и стетоскопом. Он собирал на обследование пожилых людей в доме, расположенном близ больничных касс. После завершения осады он с одним из первых поездов «Красного Креста» направился на запад».

Время штурма Бреслау было богато всевозможными авантюристами. Удивительно, но факт – даже в данных сложных условиях в крепости действовало несколько групп антифашистского Сопротивления. Они были хорошо законспирированными и предпринимали свои вылазки весьма осторожно и осмотрительно. Как результат, большинству антифашистов удалось дожить до мая 1945 года. С другой стороны городские тюрьмы были переполнены так называемыми «пораженцами». В конце войны «распространение пораженческих настроений» считалось государственным преступлением, а потому в тюрьмах Бреслау ежедневно шли расстрелы. Мария Лангнер в своей книге «Последний бастион» приводила сведения о том, что в тюрьме на Клечкау-штрассе, которая проходила к северу от вокзала Одертор, расстрелы неосторожных в своих высказываниях горожан продолжались даже в первые дни мая 1945 года. О том, насколько легко можно было попасть в тюрьму за «пораженчество», вспоминала уже упоминавшаяся нами Сесиль Бабиш. Почти в стиле дневниковой записи она повествовала:

«Папу забрало гестапо. На него донесла госпожа Хиршман».

Далее сообщалось:

«Вся его вина состояла в том, что он отдал моему дяде грязную рубашку, которую во время эвакуации оставил кто-то из прежних жителей дома. Его направили в тюрьму на Клечкау-штрассе. В камере с десятью кроватями было набито 36 человек. Через 10 дней его без каких-либо объяснений и разбирательств выпустили на волю».

11 марта (это было третье воскресенье перед Пасхой) Бреслау подвергся артиллерийскому обстрелу и бомбардировке такой силы, каковых он не знал с самого начала осады. На этот день комендант крепости назначил день поминовения «героев всех воинских частей». Поминовение проходило непосредственно в воинских частях. На этом мероприятии в одном из батальонов присутствовал консисторский советник Бюхзель – единственное гражданское лицо. Советник вспоминал:

«В спортзале монастыря Святой Урсулины перед 80 служащими учебного батальона держал речь майор граф Зейдлиц. Его речь иногда тонула в грохоте разрывов. Граф Зейдлиц был убежденным евангелистом. Во время борьбы государства против церкви он на протяжении многих лет оставался членом провинциального совета Исповеднической церкви. Позже, незадолго до капитуляции города, он погибнет на своем командном пункте от прямого попадания снаряда. Он командовал учебно-запасным батальоном с 1939 года. Чтобы справиться о делах в церкви, после начала войны он не раз бывал у меня, и мы имели душеполезные беседы. Вечером того же воскресенья в подвале «Батанина» состоялся концерт для солдат Фольксштурма, в котором принимали участие штабной врач Хаак и оберлейтенант Хаймбюн. Кроме этого, выступал оказавшийся в ополчении скрипач Максимилиан Хенниг. Хор сестер милосердия поочередно с Хеннигом исполнял Баха и Паганини».

О бомбежках, которым подвергался в марте 1945 года Бреслау, вспоминал Эрнст Хорниг:

«В большинстве случаев мы передвигались по тесным улицам, так что низколетящие самолеты не могли нас заметить. Один раз в 5 метрах за нами упала бомба. Но она не разорвалась! В другой раз, когда мы уже сворачивали на Фельд-штрассе, от разрывов бомб рухнуло большое здание, в котором располагалось одно из отделений сберегательной кассы. Если бы оказались там хотя бы полминуты раньше, то были бы тут же погребены под обломками дома».

К середине марта для погребения убитых стало не хватать имевшихся в городе кладбищ. В итоге захоронения стали производить прямо на Бондарной площади. Очевидец вспоминал:

«Огромные общие могилы, которые тянулись вдоль всей площади, перезахоронены много позже. Сюда свозились погибшие и умершие со всех концов города. Обычно хоронили без отпевания. Священник прибывал, если только за раз доставляли 30–50 тел… Так называемое кладбище на Бондарной площади было жутковатым местом. Но это была вынужденная мера. В те дни было важно, чтобы каждый погребенный был занесен в список. Если бы родственники умершего когда-нибудь вернулись в Бреслау, то они, по крайней мере, могли знать, где находится могила».

Обстрел и бомбардировки Бреслау усиливались с каждым днем. 20 марта Герман Новак записал в своем дневнике:

«После каждого разрыва бомбы гибнет несколько людей. Страшно кричат женщины… Мы спим подобно зайцам – с открытыми глазами. Спим и ожидаем смерти. Летчики постоянно обстреливают взлетно-посадочную полосу. И вновь кучи мертвецов. Но все равно предпринимаются активные действия. Дорожные службы вывозят мусор. Собираются столбы,

шины, фонари. Из них возводятся баррикады». Неделю спустя тот же самый Новак запишет: «Жители убегают из западных районов. Многие проходят мимо нас. И день, и ночь, круглые сутки – поток страданий и горя. Никто уже не знает, где может оказаться в безопасности, где можно выжить. Если мимо проходит знакомый, то уже никто не останавливается, чтобы поздороваться». Если же оценить общие потери среди гражданского населения во время строительства взлетно-посадочных полос «внутреннего аэродрома», то они по различным подсчетам составили к концу осады Бреслау не менее 10 тысяч человек! Один священник вспоминал об этом проклятом месте: «Сотни девочек и женщин, которые, подобно рабыням, гонятся на работу партийными функционерами. Они гибнут или становятся калеками под обстрелом низколетящих русских самолетов. Но Ханке приказывает строить дальше. Он намерен следовать приказу фюрера».

Население Бреслау должно было понимать, что своим положением оно было обязано именно Гитлеру. В итоге ни к фюреру, ни к гауляйтеру не было никакого доверия. Эти настроения подогревались советскими пропагандистами, которые через громкоговорители и в листовках использовали лозунг, во многом напоминавший стишок или пословицу:

«Не надейся на Нихофа, прежде чем не повесят Ханке».

С каждым днем жители преставали верить в обещанное им деблокирование города. В городе росли панические настроения. Как вспоминал очевидец, в трамвае одна пожилая женщина причитала:

«Если у нас не будет никакого выхода, то фюрер отравит всех нас газом».

Хуго Эртунг, находившийся 23 марта в госпитале при монастыре милосердных братьев, вспоминал:

«Во второй половине дня я оказался в странной компании: среди нескольких русских пленников и сбитого офицера английских ВВС. Они не воспринимают друг друга как союзники… Мы живем в странном мире. Вероятно, через несколько дней мы станем пленниками наших пленников».

В конце Второй мировой войны Гитлер решил самолично планировать все военные операции и контролировать их ход. Так как же выглядели сражение за Бреслау и ставки фюрера? Сразу же надо оговориться, что в какой-то момент гауляйтер Ханке запросил у Гитлера тяжелые пехотные орудия. Сделано это было радиограммой. На одном из вечерних оперативных совещаний Гитлер заявил:

«Как раз пришла радиограмма, где он (гауляйтер Ханке. – *А.В.*) сообщает, что враг применяет тяжелые орудия, для борьбы с которыми не имеется никаких средств. А потому он запрашивает тяжелые пехотные орудия. Как и нередко происходит в подобных случаях, тяжелые орудия сейчас чинятся. Однако я распорядился, чтобы их доставили из централа… У самой группы армий нет никаких тяжелых орудий… после этого было доложено, что данный тип орудия не может поместиться в самолете, а стало быть, не представляется возможным доставить их по воздуху. На самом деле это лишь нежелание поддерживать воздушный мост… В действительности орудия можно доставить на шести грузовых планерах».

Сама идея доставки тяжелых орудий в Бреслау на планерах была достаточно рискованной. Но Гитлер использовал данный случай, чтобы подвергнуть критике все инстанции (не исключая и самого Ханке), которые занимались обороной и снабжением крепости.

В ставке Гитлера полностью проигнорировали сообщение о генерала Нихофа, который настойчиво рекомендовал отказаться от данной затеи в силу ее полной бессмысленности. Грузовые планеры вряд ли могли приземлиться и в Гандау, и на полуготовую

взлетно-посадочную полосу в самом городе. Но, тем не менее, отменить приказ фюрера никто не решился. Грузовые планеры с восемью тяжелыми пехотными орудиями, боеприпасами и ротой артиллеристов были подняты в воздух. Цели достиг только один-единственный планер. Соответственно, в город было доставлено только одно орудие и несколько артиллеристов. Все остальные планеры были сбиты еще на подлете к городу. Подобная афера окончательно подорвала доверие к Гитлеру, а точнее, к его стилю командования. Возможность спасти Бреслау при помощи каких-то восьми орудий была не просто военной авантюрой, это была одна из иллюзий, в плену которых пребывал Гитлер. Подчеркнем еще раз, что хотя в своем телефонном разговоре генерал Нихоф не раз упоминал, что нуждается отнюдь не орудиях, а в боеприпасах, в Берлине предпочли прислушаться к мнению Ханке. Это еще раз демонстрировало недоверие к генералитету, которое в конце войны Гитлер демонстрировал едва ли не ежедневно. Афера с планерами и тяжелыми орудиями закончилась полным провалом.

К концу марта стали очевидными различия в положении людей. В то время как одни умирали от ран в переполненных лазаретах, другие каждые выходные затевали пьянки. В то время как одни из дня в день вели ожесточенные уличные бои, другие не намеревались отказывать себе в радостях жизни. Официально пребывание женщин в расположении частей было запрещено, но это не мешало некоторым офицерам наведываться в соседние дома. Чем безнадежнее становилось положение Бреслау, тем отчетливее проявлялись в армейской среде признаки разложения. Эрих Шёнфельдер, офицер, который постоянно пребывал на передовой среди солдат, так описывал сложившуюся в те дни ситуацию:

«Ощущение того, что жизнь заканчивалась, заставляло многих попытаться в последние дни или недели взять от нее все. Как правило, утешение находили в женщинах и в вине. Форменные оргии стали повсеместным явлением. Количество грабежей покинутых квартир росло день ото дня. Грабителями становились не только дезертиры, но и гражданские лица. Наутро из вонючих подвалов на развод многие вытаскивались с совсем юными девицами. Это была потерянная молодежь. Но кто мог их осудить?»

Было множество примеров того, что в штабах офицеры едва ли не каждую ночь имели половую связь с «помощницами Вермахта». Один из офицеров вспоминал после войны, что «крепостные подружки» были самым обыденным делом.

Расстрелы дезертиров и грабителей не могли навести порядка в городе. Эти жесткие меры уже никого не пугали. Погибнуть в Бреслау мог каждый и в любую минуту. Человеческая жизнь полностью обесценилась. Поддаться искушению, нежели умереть; нажиться, нежели нуждаться. Город, казалось, был полностью деморализованным. Было множество трагических случаев. В дневнике одного из очевидцев сохранилась запись:

«Сегодня по приговору военного трибунала был расстрелян молодой солдат, обвиненный в грабежах… Как оказалось, он со своим отцом похитил из покинутого дома в южных кварталах два матраса, которые намеревался использовать для своего убежища. А незадолго до этого он был награжден Железным Крестом за смелость, проявленную на поле боя».

Были и другие, не менее показательные случаи. В марте 1945 года были расстреляны два фольксштурмиста. Гауляйтер отказал им в помиловании, так как, по его мнению, они были «дезертирами». Это были уже немолодые портной и торговый агент. Они оставили свои позиции на площади Лессинга только после того, как их рота была полностью уничтожена. В итоге им пришлось оказаться в одной могиле со своими погибшими в бою сослуживцами.

Безумные приказы Гитлера и жестокость генерала-фельдмаршала Шёрнера, который требовал ужесточать дисциплину в частях при помощи расстрелов, очень сильно подействовали на немецких офицеров. Разложение армейских частей становилось почти повсеместным. Некоторые офицеры почти открыто участвовали в разграблении опустевших квартир. Впрочем, их, в отличие от гражданских лиц и фольксштурмистов, никто не намеревался расстреливать. Забиралось почти все: мебель, утварь, ковры. Со временем сквозь пальцы стали смотреть даже

на пребывание женщин в расположении воинских частей. Население начинало роптать, недовольное тем, что военные подразделения выгоняли их подвалов, вынуждая укрываться либо на верхних этажах домов, что было весьма небезопасно, либо искать новые подвалы. Среди жителей поползли слухи о ночных оргиях, которые устраивают некоторые офицеры. Впрочем, официальная крепостная газета предпочитала умалчивать об этих позорных явлениях. На ее страницах, как прежде, появлялись бодрые пропагандистские призывы, которые перемежались приказами о расстрелах мародеров и дезертиров. Она призывала «мужаться и усиливать оборону», в то время как простых людей больше интересовали насущные проблемы: поиск пропавших родственников, попытки обеспечить себя провиантом, стремление укрыться от обстрелов и бомбардировок. В итоге все официальные призывы уже перестали оказывать какое-либо воздействие на гражданское население, которое предпочитало ориентироваться на сведения, передаваемые иностранными радиостанциями. Новости передавались из уст в уста шепотом, так как многие опасались быть расстрелянными по обвинению «в распространении пораженческих настроений». Военные сводки Верховного командования сухопутных сил Германии уже никого не могли ввести в заблуждение. В конце марта 1945 года Пауль Пайкерт записал в своем дневнике:

«Решающие события происходят на всех фронтах. Пал Кенигсберг. Данциг взят русскими. С территории Венгрии они приближаются к Вене… Штирия находится в критическом положении. Все территории к западу от Рейна, от Эммериха до Мангейма, контролируются американцами и англичанами. Быстрыми темпами их танки приближаются к Вюрцбургу и Нюрнбергу… Большая часть территории Рура также в их руках».

Подобные сведения усиливали ощущение безнадежности ситуации Бреслау. Еще теплившиеся в начале марта надежды на то, что город все-таки деблокируют, полностью улетучились к концу месяца. Сложно было скрыть явный недостаток боеприпасов. Хуго Эртунг записал в те дни:

«Солдаты из запасных частей нередко не имеют на вооружении даже пистолета. О винтовках не приходится и говорить».

Приблизительно в то же время Эртунг записал:

«В сводках с фронта раненые, видимо, для какой-то глупой конспирации называются «мулатами», а убитые – «индийцами». Их количество неуклонно растет с каждым днем, а потому сложно установить, какие силы реально удерживают город».

Недовольство населения достигло настолько высокого уровня, что 26 марта неизвестные лица подожгли пивоварню «Хаазе», которая занималась снабжением солдат и офицеров. Затем последовали несколько акций, которые в чем-то напоминали покушение на Гитлера, которое было предпринято 20 июля 1944 года. Были взорваны две штаб-квартиры местных органов НСДАП. Фридрих Гиригер вспоминал об этих событиях:

«Дух населения был окончательно подорван двумя взрывами. 30 марта на воздух взлетели помещения партийных ячеек в Гнайзенау и в Эльбинге. Все было проделано по образцу 20 июля. В них были подкинуты портфели, начиненные взрывчаткой. Сами покушавшиеся смогли незаметно ускользнуть из этих зданий. Можно только предполагать, что стало причиной для проведения данных акций. Может быть, это была месть за бесцеремонное обращение с женщинами и детьми, которые с постоянным риском для жизни возводили взлетно-посадочную полосу… Судя по идентичности взрывов, покушавшиеся состояли друг с другом в связи. Все работавшие в партийных штаб-квартирах погибли… Крепостная газета и радио умолчали об этих событиях, хотя слухи о них стали распространяться со скоростью света. Так мы узнали, что, несмотря на всю бдительность гестапо, в окруженном городе не просто имелись, но активно действовали группы Сопротивления. Кроме этого, у отчаявшегося населения ощущалось некое внутреннее сопротивление. Люди были недовольны диктатом партийных

чиновников, а потому данные вылазки не обязательно должны были быть действиями коммунистов. В тюрьме на Клечкау-штрассе с каждым днем увеличивается количество расстрелянных «за пораженчество». Смерть собрала хороший урожай».

Подводя итоги марта 1945 года в Бреслау, можно отметить, что для штаба крепости на первый план вышло стратегическое планирование. На «южном» фронте советский натиск постепенно ослабевал, пока атаки частей Красной Армии и вовсе не прекратились. Становящаяся с каждым днем все более искусной и ожесточенной немецкая оборона требовала от советского командования новых жертв. Продолжение советского наступления именно в данном направлении было воспринято как нелогичное и нецелесообразное. К тому же возможное проникновение частей Красной Армии в южную часть Бреслау было весьма сомнительным успехом. С тактической точки зрения он почти ничего не давал, а цена могла быть непомерно высокой.

Бои стали затихать даже на «западном» фронте. Для штаба крепости было важным угадать, что же планировало советское командование. Здесь имеет смысл оглянуться назад. Советское командование, которому не удалось в конце января 1945 года взять Бреслау «с наскока», то есть во время общего наступления, решило отказаться от затеи штурма с восточной стороны. В феврале основные удары по осажденной крепости наносились с юга и юго-запада (напротив аэродрома Гандау). На остальных участках фронта части Красной Армии ограничивались небольшими разведывательными операциями. В конце февраля – начале марта были предприняты несколько попыток проникновения советских войск в город с севера, но они так и не развились в мощное наступление. Для немцев сложившаяся ситуация была несомненно выгодной. Все предпринятые советскими войсками наступления не были одновременными. Более того, все операции были не согласованными между собой, что позволяло немцам искусно использовать свои ограниченные резервы и не тратить до конца скудные запасы артиллерийских снарядов. Сделало ли к началу апреля советское командование правильные выводы?

По словам генерал Нихофа:

«Советские войска чуть было не свернули себе шею на юге, не имели возможности наступать с юго-востока, так как низменности Оле были подтоплены, а кроме этого сам Бреслау снабжался по воздуху».

В данной ситуации комендант крепости делает правильный вывод – части Красной Армии будут штурмовать Бреслау с запада. На этом участке фронта находился утомленный боями полк Мора. На южном театре действий в период с 5 по 15 марта он был сменен полком Бессляйна. Сам же полк Мора был направлен на запад для отдыха от боев!

Генерал Нихоф вполне допускал, что советские войска попытаются перебраться через Одер. В районе Шмидефельда река имела самую минимальную ширину в тех краях. Кроме этого, из данного района было очень удобно штурмовать аэродром Гандау, который давно уже стал заветной целью частей Красной Армии. Для защиты данного участка фронта комендант крепости послал свой «золотой резерв», два десантно-парашютных батальона. Основные силы полка Мора располагались к северу от аэродрома между Одером и Пильсинцем. Оборону предполагалось держать силами трех батальонов и 21-го батальона Фольксштурма, которым командовал старый гвардейский егерь Пфланц. В своих действиях он подчинялся командиру боевой группы майору Тильгнеру. Штаб крепости, предусматривая возможность блокирования советскими войсками «группы Тильгенера» или ее оттеснения, разрабатывал план перевода ее через Одер в районе Ранзенерских шлюзов.

Чтобы усилить позиции полка Мора, генерал Нихоф распорядился направить немецкую артиллерию на запад, где он мыслил в будущем самые кровопролитные бои. В распоряжении подполковника Мора оказались не только тяжелые зенитные орудия, которые должны были бить по советским частям едва ли не прямой наводкой, но и около двадцати спаренных 20-миллиметровых автоматических пушек, которые должны были поддерживать своим огнем немецких парашютистов. И, наконец, на «западном» фронте предполагалось использовать

танки и штурмовые орудия из состава подразделения истребителей танков.

Для немцев все складывалось на первый взгляд не так безнадежно. Генерал Нихоф писал по этому поводу:

«Мы должны были быть благодарны обстоятельствам за то, что смогли подготовиться к планируемому противником удару. А также за то, что вражеское командование во время наступления допускало ошибку за ошибкой, так и не подготовив мощного штурма Бреслау, в котором бы приняли участие все его силы».

Глава 6. «Всех под ружье!»

Общеизвестно, что связь командования с частями, в том числе сражающимися на передовой, являлась и является важнейшим условием успешного осуществления боевых операций. Бои за Бреслау не были исключением. Тот факт, что советским войскам удалось проникнуть в крепость с юга, а затем запада, как ни странно, существенно облегчил жизнь немецким связистам. Дело в том, что в условиях городских боев можно было использовать защищенную от обстрелов кабельную сеть, проложенную под землей. Если бы бои шли за пределами Бреслау, то немцам пришлось бы протягивать провода для полевых телефонов прямо по земле. Но для этого у них могло бы не хватить имеющихся в распоряжении сил, не говоря уже о том, что в ходе сражений поддерживать в порядке подобные телефонные линии было бы весьма затруднительно. Генерал фон Альфен не без удовлетворения отмечал:

«На мое счастье, командир связистов был переведен в Бреслау еще в январе 1945 года. Таким образом, загодя удалось проложить необходимые линии и вовремя закончить формирование полка связи».

Командиром связистов был назначен подполковник Виттенберг. Сам он вспоминал:

«Моей первой обязанностью стало формирование подразделения связистов. Мне повезло, что на сборных и призывных пунктах оказалось достаточное количество унтер-офицеров и солдат, которые служили в частях связи. Но вот офицеров явно не хватало».

Формирование отдельных взводов связи, которые должны были действовать при самостоятельных пехотных подразделениях, было закончено очень быстро. Более сложной задачей оказалось их снабжение необходимыми инструментами и материалами, так как большая часть аппаратуры была своевременно вывезена их города. Прочесывание складов и вокзалов не дало необходимого количества устройств. В итоге было решено прибегнуть к некой импровизации. Рассчитывать на поставки с «большой земли» не приходилось, так как в первую очередь по воздуху подвозились боеприпасы. Чтобы ликвидировать недостаток аппаратуры, специалистами предприятия «Телефункен» под аппараты полевой связи были переделаны старые, списанные почтовые телефоны. Радиостанции монтировались из старых радиоприемников. Если говорить о транспортных средствах связистов, то в этом вопросе дела обстояли отнюдь не радужно. В основном они состояли из найденных в Бреслау брошенных легковых автомобилей и нескольких гужевых повозок. Группы, осуществляющие подключение, и группы, борющиеся с радиопомехами, в основном передвигались на велосипедах. Как уже говорилось выше, первоначальное расположение штаба крепости в здании на Габиц-штрассе было весьма неудачным с военной точки зрения. Переезд штаба в середине февраля на холмы Либих был благоприятнее не только с тактической точки зрения, но и для прокладывания линий связи.

Поскольку у штаба крепости не всегда имелись в распоряжении необходимые карты, на которых были отмечены пролегающие под землей телефонные кабели, то фактически незаменимой оказалась группа подключения 3-го подразделения полка связи. Дело в том, что данная группа была укомплектована служащими управления телеграфной связи, которые почти наизусть знали, где был протянут тот или иной кабель. Кроме этого, на городском острове Бюргервердер связь поддерживалась при помощи телефонисток, которые, по словам коменданта крепости, не покидали своих рабочих мест у телефонных шкафов даже под бомбежками. Когда 15 февраля вокруг Бреслау замкнулось кольцо советского окружения, связисты были готовы приступить к выполнению своих обязанностей. Перед ними ставились не самые легкие задачи. Уличные бои нередко приводили к тому, что медленно отступавшие немецкие части часто меняли местоположение своих командных пунктов. В этих условиях связистам было необходимо оперативно переключать каналы кабельной связи. Если в районе боев не было подземной кабельной сети, то им приходилось под огнем тянуть телефонные провода по разрушенным улицам. Если задаться вопросом, какой вид связи был

предпочтительнее – использование старых кабельных сетей или протягивание новых надземных проводов, то подземные кабели, хоть иногда и плутали по городу, и доступ к ним был весьма затруднителен, все равно оставались предпочтительным видом связи. Сказывалось то обстоятельство, что они были защищены от обстрелов. Начиная с марта, когда город стал подвергаться сильным бомбардировкам, это было весьма немаловажным обстоятельством.

Размещение групп подключения (а в ходе боев – уже переключения) и групп, гасящих радиопомехи, в подвалах на узловых пунктах связи гарантировало, что они могли быть подняты по первому же сигналу и в предельно короткие сроки выполнить поставленное перед ними задание. Две независимые друг от друга телефонные линии, которые различными путями соединяли штаб крепости с передовой, обеспечивали бесперебойную связь с комендантом даже в условиях самых мощнейших бомбардировок и артиллерийских обстрелов.

Так как телефонный кабель, который обеспечивал связь с командованием 17-й армии в Вальденбурге, был перебит, то обмен сведениями приходилось проводить по радио. Немцам пришлось создать специальную систему «дециметровой связи», которая состояла из двух передающих установок. Одна из них была определена в высотном здании сберегательной кассы близ городского Кольца (корреспондирующая станция – чуть восточнее Вальденбурга в «Высокой сове»), а вторая – на здании строительного техникума (корреспондирующая станция – на Исполиновых горах). Данная система связи работала безупречно до самой капитуляции Бреслау.

Для перехвата советских радиосообщений предназначались три пеленгующие радиостанции. На них работали связисты, которые свободно владели русским языком. Переданные в незашифрованном виде сведения о тактических намерениях частей Красной Армии тут же направлялись в штаб крепости. Однако результаты подобных перехватов стали наиболее показательными, когда у одного из убитых (по другим сведениям – взятых в плен) советских офицеров была найдена специальная секретная координатная сетка. Теперь немцам было известно фактически все о намерениях советских войск.

Чтобы затруднить ответный перехват информации советскими связистами, в гарнизоне Бреслау дважды в неделю менялись все кодовые обозначения. Кроме этого, при отступлении немецких подразделений специальные группы связистов уничтожали кабельную систему, чтобы к ней нельзя уже было подключиться. Стоит отметить, что даже в хаосе «пасхального сражения», когда связь постоянно обрывалась, немецкие связисты восстанавливали ее очень быстро. В итоге штаб крепости не терял контакта ни с одной из сражавшихся частей. Нередко для выполнения заданий приходилось привлекать фольксштурмистов.

Немецким связистам пришлось потрудиться, когда штаб крепости в начале апреля 1945 года был перенесен на Песчаный остров в библиотечные подвалы. Задача облегчалась тем, что техническая подготовка к подобному развитию событий началась еще в феврале 1945 года. Но к апрелю большинство кабелей, проложенных почти два месяца назад, оказалось оборвано. Их починка не была возможна, так как большинство улиц было завалено горами обломков. В итоге для прокладки телефонных кабелей было решено использовать канализационные сети. Проложенные на глубине четырех метров под землей, они надежно защищали связь от обстрелов и бомбардировок.

Генерал Нихоф вспоминал в своих мемуарах о связистах Бреслау:

«Через несколько дней после капитуляции советские офицеры и политруки не раз задавали мне вопрос: как было возможно, чтобы крепость до последнего дня боев поддерживала связь с немецкими инстанциями, находившимися за пределами Бреслау? Ведь они перерезали все кабели, шедшие из города. Я ответил: «Вы могли бы не тратить время, так как мы сами порезали все провода». Мой ответ их очень поразил. На дальнейших допросах я понял, что в Красной Армии на тот момент еще не знали о дециметровой связи».

Говоря о вспомогательных подразделениях, нельзя не упомянуть предприятие «ФАМО». Автомобильно-моторный завод «ФАМО» являлся наследником предприятия «Линке Хофманн». Этот завод был не только крупнейшим машиностроительным предприятием Бреслау, но в силу высокого качества его продукции был известен во всем мире. С началом

Второй мировой войны, естественно, «ФАМО» был переориентирован на выпуск оборонной продукции. По состоянию на 31 декабря 1944 года трудовой коллектив «ФАМО» составлял около 8 тысяч человек. После эвакуации завода в Шёнебек в Бреслау в корпусах предприятия продолжало трудиться около 680 рабочих. В середине января 1945 года начался демонтаж оставшегося оборудования, который так и не закончился, так как вокруг города оказалось замкнутым кольцо окружения. В итоге на Фрайбургском вокзале остались стоять 150 вагонов со станками.

Несмотря на то, что почти все цеха предприятия «ФАМО» были эвакуированы, делами завода в Бреслау продолжал заниматься коммерческий директор Вернер Шпотт, а также директор предприятия Георг Рубин (позже он умер в советском плену). Главной целью их пребывания была посильная помощь командованию крепости в выполнении важных военных заданий. Как отмечал генерал фон Альфен, они вполне успешно справились с этим. Почти сразу же руководство «ФАМО» установило тесные связи со штабом крепости. Вначале контакт поддерживался с генералом фон Альфеном, а позже – с генералом Нихофом. Именно коменданты крепости определяли задания, которые предстояло выполнять сотрудникам «ФАМО». Секретарь директора завода Конрад Крафт вспоминал, *что «с генералами и всеми штабными офицерами их связывали почти дружеские отношения, что выгодно отражалось на самой работе».*

После того, как советские войска обошли Бреслау с запада, 17 февраля большая часть рабочих была вынуждена оставить производственные помещения, которые располагались на Грунд-штрассе. В любом случае работа «ФАМО» продолжалась до марта, то есть до того момента, пока в распоряжении рабочих имелись материалы, запчасти и пригодное к использованию оборудование. При этом сама работа на «ФАМО» была сопряжена с не меньшими опасностями, нежели пребывание не передовой. Советская разведка достаточно быстро выявила новое расположение предприятия (точнее, его отдельных «цехов»), после чего по нему велся постоянный артиллерийский огонь. Большая часть работ осуществлялась в здании бывшей табачной фабрики «Авиатик», которая располагалась на Николаевской улице. Собственно, выпуск сигарет не был прекращен. Имевшиеся в цехах специальные станки позволяли рабочим «ФАМО» кроме всего прочего ежедневно выпускать до 600 тысяч сигарет и папирос, которые в основной своей массе шли в боевые части. На первом этаже и в просторном подвале располагались управления завода, медицинский пункт, заводская кухня и помещения для отдыха рабочих. Некоторые из станков оказались размещенными в подвалах управления снабжения на Позенер-штрассе, а некоторые – в подвалах музея древней истории на Граупен-штрассе. В подвале под храмом Христа Спасителя на Бондарной площади должна была расположиться электрическая подстанция, снабжающая отдельные «цеха» «ФАМО» энергией. Подобный выбор был предопределен близким расположением городской электростанции. Кроме этого, активно использовались мастерские Имперской железной дороги на Маттиас-штрассе. Именно там был создан бронепоезд, принимавший участие в обороне Бреслау.

Отдел «заводского обустройства», который занимался транспортировкой и снабжением, располагался в подвале углового здания по Пауль– и Адабельрт-штрассе. Во время одной из бомбардировок весь этот квартал был объят огнем. Сотрудники этого отдела с трудом смогли спастись от пожаров. Другая часть трудового коллектива «ФАМО» обустроилась в подвале дома на пересечении Карл– и Швайдницер-штрассе. Там кроме немцев трудились иностранные рабочие, которые в свое время были угнаны в Германию. К слову сказать, таковых было весьма немало в осажденном Бреслау.

Как уже говорилось выше, рабочим «ФАМО» приходилось постоянно трудиться под бомбежками и артиллерийским обстрелом. Конрад Крафт вспоминал одну историю:

«Во время воздушного налета, когда на город падали 500-килограммовые бомбы, одна из них через окно влетала в нашу заводскую кухню. Она не разорвалась. Женщины, которые чистили картофель, отделалась только легким испугом. Окно пришлось заделать бумажными тюками».

Из-за постоянных налетов и обстрелов правление «ФАМО» не раз меняло место своего пребывания. Во время очередного переезда оно расположилось в подвале одного гражданского учреждения, находившегося на улице Фридриха Карла. 15 марта 1945 года был подобран новый подвал. Ирония судьбы заключалась в том, что на следующий день от прежнего здания не осталось ничего. Во время налета от него не осталось даже стен. После того, как к середине марта линия боев стала проходить по линии Франкфуртская улица – школьный парк в Лигнице, руководство «ФАМО» было вынуждено покинуть улицу Фридриха Карла. Оно переместилось в подвал на Клечкауэр-штрассе. К этому моменту предприятие назвалось не иначе как «семья ФАМО». Это объяснялось не только заботой о коллективе, но и целой программой мер, которые должны были скрасить его нелегкое существование. Отношения между простыми рабочим и «начальством», как следует из воспоминаний, были действительно почти «семейными». Так, иногда по инициативе правления на «завод» приглашались артисты из оперы Бреслау. Особой популярностью пользовался один юморист, чьи репризы позволяли скрасить бесконечное пребывание в подвалах.

В один из дней осады рабочим была доставлена большая головка сыра Пармезан. За неимением другой возможности точно поделить его между всеми рабочими, этот твердый сыр был натерт, а затем в виде «стружки» равными долями был выдан всем членами трудового коллектива. На «заводе» имелась даже собственная «скорая помощь», на которой трудился фельдшер и две медицинские сестры. В их задачи входила первая медицинская помощь раненым рабочим. Кроме этого, на «ФАМО» была сформирована собственная пожарная команда, которая имела в своем распоряжении два водяных насоса. Она помогала тушить пожары не только в зданиях «ФАМО», но и на соседних улицах.

Нельзя не упомянуть об одной стороне жизни осажденного Бреслау. Местные жители обычно выражали крайнее недовольство, когда в их квартале появлялось одно из подразделений («цехов») «ФАМО». Подобная реакция была во многом объяснима. Люди боялись, что после появления на их улице структуры оборонного предприятия усилятся бомбардировки и обстрелы их округи. Но вскоре реакция менялась на полностью противоположную, так как погибнуть от снаряда можно было в любом районе квартала, а близость к предприятию «ФАМО» имела некоторые несомненные преимущества. Если не брать в расчет упомянутые «скорую помощь» и пожарную команду, то хотелось бы обратить внимание, что специальные наблюдатели загодя предупреждали руководство «ФАМО» о предстоящем воздушном налете, а стало быть, жители всех соседних домов могли вовремя найти подходящее укрытие. В конце осады Бреслау «ФАМО» заслужило уважение не только мирных жителей, но и немецких солдат.

Так какие же задания, которые могли быть полезными для обороны города, выполняло «ФАМО»? Наряду с повседневными производственными процессами хотелось бы уделить внимание наиболее важным моментам. Первой задачей для «ФАМО» стало формирование из состава ее рабочих так называемых «паралитических команд». Их целью являлось приведение в негодность машин и станков, которые могли быть захвачены советскими войсками (их как бы «парализовали»). В первую очередь это касалось 150 вагонов с оборудованием и станками, которые остались на Фрайбургском вокзале. Часть из них подлежала уничтожению, часть – возврату в импровизированные «цеха». Кроме этого, «ФАМО» занималось ремонтом подбитых еще до окружения Бреслау немецких танков. По инициативе коменданта крепости на некоторые из них пытались установить «нетанковые» орудия, которых, как мы помним, было в изобилии в крепости. Также коллектив «ФАМО» вел текущий ремонт танков и штурмовых орудий из состава подразделения истребителей танков. Задание было действительно очень важным для обороны.

Были и некие разовые акции. Так, например, на «ФАМО» из бронированных дисков были сварены своего рода бронекупола, которые были установлены у железнодорожной насыпи близ Пёпельвица. Вкопанный в землю, подобный бронекупол становился небольшой долговременной огневой точкой, в которой вполне мог свободно разместиться недоступный для советских пуль и осколков немецкий пулеметный расчет. Кроме этого, в Бреслау ощущалась явная нехватка ракетниц. В итоге на «ФАМО» было налажено их кустарное производство. Чтобы восполнить недостаток автоматического оружия у защитников Бреслау, переделывались

под немецкие боеприпасы захваченные в бою советские многозарядные винтовки. Проводились даже эксперименты по производству ручных гранат. Примечательным моментом было то, что на складах Бреслау находилось около тысячи пулеметов последней модели. Но они не могли использоваться немцами в боях, так как в их затворе отсутствовала небольшая деталь – один из рычагов. Никто знал, каким он должен быть по форме и из какого металла производиться. При помощи имевшихся иллюстрированных каталогов запасных частей к оружию рабочие пытались выточить подходящую деталь, но все предпринятые попытки были напрасными.

Выше мы уже приводили сюжет о том, что по инициативе генерала фон Альфена на «ФАМО» стал производиться бронепоезд. Предпосылкой для этого было то, что на вагоностроительном заводе «Хофман Линке» имелось достаточное количество тележек с буксовыми узлами. На их базе можно было создать бронепоезд. Он был построен на старом ремонтном предприятии Имперской железной дороги на Маттиас-штрассе. В боях эта конструкция участвовала до 20 марта 1945 года.

Когда на улицах Бреслау усилились уличные бои, то на «ФАМО» вместо бронеколпаков стали производиться специальные бронекоробки. Они также варились из листовой брони. Бронекоробка была оснащена тремя колесами – двумя спереди и одним сзади. Она приводилась в движении при помощи длинного дышла. Практика использования подобной бронекоробки выглядела следующим образом. В нее помещался пулеметчик, после чего она выталкивалась из-за угла. Немецкий пулеметчик, недоступный для автоматных и винтовочных пуль, делал несколько очередей, после чего бронекоробка вновь затаскивалась обратно за угол. Подобные вылазки оставались фактически незамеченными, так как красноармейцы ориентировались на наличие стационарного пулеметного гнезда.

Когда вечером 1 февраля 1945 года квартирмейстер 4-й немецкой танковой армии направил в Бреслау 2-ую роту 6-го технического батальона, то он вряд ли мог предполагать, какое большое значение впоследствии для обороны крепости будет иметь этот, казалось бы, непримечательный на первый взгляд шаг. Собственно, и сам командир 6-го технического батальона, который поручил недавно назначенному командиру роты небольшое задание, не знал, какую большую услугу он оказал немецкому гарнизону. Командиром 2-й технической роты был дипломированный инженер Шульц, который уже во время Второй мировой войны дослужился до лейтенанта. Сам Шульц был уроженцем Силезии. Он прекрасно знал Бреслау, так как в свое время обучался здесь в Техническом университете. В будущем ему пригодились не только знания, которые он получил во время учебы, но и тесное знакомство (через своего отца) со многими ведущими инженерами и конструкторами силезской столицы. Это случайное стечение обстоятельств имело большие тактические последствия. Именно благодаря Шульцу в Бреслау хоть и с перебоями, но все-таки до самой капитуляции работал водопровод, и поступало электричество. Впрочем, когда лейтенант Шульц доложил коменданту крепости о том, что в *«случае возникновения угрозы окружения города его рота должна была покинуть Бреслау»* , он не получил разрешения на подобный шаг. Укомплектованная техническими специалистами рота состояла из 165 человек. У них даже имелось в распоряжении специальное транспортное подразделение – 3 легковые машины и 6 грузовиков. Поначалу техническая рота подчинялась непосредственно штабу крепости. Позже она была влита в состав саперного полка с соответствующим подчинением. После этого рота была усилена. В нее вошли:

– остатки подразделений «Организации Тодта» и Технической первой помощи;

– полицейские группы подрывников;

– пиротехники, специалисты по экранированию взрывов и солдаты технического персонала, которые были оставлены при складах и снабженческих структурах в Бреслау;

– рабочие и служащие сферы коммунальных услуг, а также коммунальных предприятий, которые занимались обслуживанием сетей и трубопроводов (газ, вода, электричество). Большинство из них были призваны в Фольксштурм и размещены в казармах.

Эти ценные технические кадры было решено использовать, так сказать, по назначению. После долгих дискуссий между представителями различных воинских подразделений было принято решение прекратить призыв технического персонала в ряды Фольксштурма.

За очень короткий период времени техническая рота по своей численности расширилась до уровня 2–3 батальонов. Перед ней было поставлено несколько конкретных задач:

– обеспечение подачи внутри Бреслау воды, газа и электричества;

– ремонт взлетно-посадочных полос на аэродроме Гандау;

– подрыв (при необходимости) заминированных мостов, путепроводов и важных стратегических объектов, том числе предназначенных под снос для строительства взлетно-посадочной полосы;

– ремонт мостов и путепроводов;

– использование транспортных средств по указанию штаба крепости;

– производство боеприпасов;

– перекрытие канализационных сетей;

– запруживание реки Оле.

Расскажем о выполнении наиболее важных заданий по порядку. Для снабжения города газом до 21 февраля использовалось предприятие Дюрргой. В последующие две недели крепость получали газ из магистрального газопровода Бреслау – Вальденбург. Лишь к середине марта 1945 года советскому командованию пришла в голову мысль перекрыть этот газопровод. Собственно, и эта мера не была бы принята, если бы случайный осколок от снаряда не пробил газопровод, и не возник огненный факел. Именно он указал красноармейцам на факт наличия магистрального газопровода

Снабжение города водой и электричеством относилось к важнейшим стратегическим задачам. Справиться с ними было делом отнюдь не самым простым. Многочисленные пробоины в трубах, разрушенные во время обстрелом трансформаторы не давали возможности сразу же установить причину «аварий». Для аварийного варианта снабжения города водой было создано несколько дополнительных резервуаров. Они располагались на западе в районе пивоварни, около Вахтенной площади и в крытом бассейне на Цвингер-штрассе. Эти сооружения могли поддерживать подачу воды в водопровод даже в самой критической ситуации. Кроме этого, была создана специальная водопроводная линия, поступавшая по которой вода шла на производственные и промышленные цели. В дальнейшем шесть буровых групп просверлили в центре города около 700 источников, а также привели в порядок все имевшиеся уже в наличии родники и источники. Мера может показаться несколько поверхностной, но во время последних боев за Бреслау гражданское население получало воду именно из них. Для снабжения города водой оказались весьма полезными материалы и аппаратура, которая осталась на складах колодезных фирм близ Фрайбургского вокзала. В основном это были насосы, фильтры и трубы.

Отдельного упоминания достойно устранение нескольких крупных поломок на гидротехнических сооружениях дамбы реки Вайда. Каждая из этих аварий угрожала оставить город полностью без воды. Сложность ситуации заключалась в том, что днем в силу того, что эта территория хорошо простреливалась советскими войсками, починка была невозможна. Ночью же она была затруднительна в силу мощных бомбардировок. Аварии и поломки здесь были постоянным явлением. По этой причине близ Вайды постоянно находилась группа солдат из технической «роты», которая в буквальном смысле слова несла вахту. Бессменная вахта могла длиться по и две недели. Лишь после этого группу сменяли.

В целом техническому персоналу Вермахта за день приходилось ликвидировать около 200 аварий – пробитых труб, оборванных электропроводов и т. д. Несмотря на столь сложную обстановку, даже не третий месяц осады в городе подавался электрический ток. Для его выработки изыскивались «внутренние резервы» угля. Сначала он выискивался на всех пивоварнях и опустевших заводах, затем уголь стал поставляться с двух затопленных барж.

Канализации в Бреслау штаб крепости стал уделять особое внимание едва ли не с первых чисел февраля 1945 года. Это было вызвано не столько необходимостью ее технического обслуживания, сколько опасностью проникновения через нее советских отрядов прямо в центр города. По целому ряду причин эта задача не могла быть поручена саперным подразделениям, которые ко всему прочему плохо ориентировались в этой разветвленной системе. Здесь требовался очень грамотный специалист. В итоге комендант крепости оставил своей выбор на фигуре городского советника по вопросам строительства Либихе, который владел всей

необходимой технической документацией. В условиях обороны немцами Бреслау ему было поручено решение следующих важных задач:

– перекрытие канализации, чтобы помешать проникновению в нее красноармейцев;

– запруживание лугов на «северном» фронте;

– использование канализации для прокладывания телефонных кабелей, что должно было защитить от обстрелов и бомбардировок;

– техническое обслуживание канализации для отвода талой воды.

Забегая вперед, можно сказать, что все эти задания были успешно выполнены.

Сотрудничество Либиха с Вермахтом началось 3 февраля 1945 года, когда тот передал в штаб крепости схемы канализации. На следующий день с его распоряжение были предоставлены фельдфебель, унтер-офицер и пять солдат из состава 2-й роты 6-го технического батальона.

Исходя из общего положения на фронтах, первостепенное внимание было уделено проблеме доступа в канализационные люки, равно как и попаданию в саму канализационную сеть. Сказывалось, что немцы опасались прохода через них советских диверсантов или разведывательных отрядов. В качестве перовой меры большинство канализационных люков в город было заварено либо же заклепано. У наиболее важных из канализационных колодцев решили не ограничиваться простым блокированием выхода. Там были назначены постоянные посты. В большинстве случаев все эти работы проводились по ночам. Их осуществлению мешали низколетящие советские самолеты, которые могли ориентироваться для ведения прицельного огня на отблески ламп или же сварки.

Следующей мерой стало перекрытие самой канализации. Сделать это надо было так, чтобы не мешать движению стоков. Для этого обычно канализационные трубы либо заделывали кладкой, в которой оставлялись небольшие промежутки, либо же выборочно бетонировались. Подобные меры регулярно проводились на протяжении всего февраля 1945 года. Сам же Бреслау имел в своем «распоряжении» более 500 километров канализации. Приблизительно 75 километров имели кладку, которая собственно и образовывала «канал».

Осада Бреслау была немыслима без пожарных команд, которые на протяжении всех трех месяцев боев пытались бороться с бушевавшими в городе пожарами. Всего в городе существовало семь пожарных команд. Их номера были 1, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. В ходе боев команды 5, 6 и 7 прекратили свое существование. Многочисленные, не утихавшие ни на час пожары вели к тому, что пожарные Бреслау фактически не знали отдыха. Им приходилось бороться едва ли не за каждое здание города. С пожарами, которые возникали в зоне боевых действий, приходилось мириться. Под ураганным огнем их вряд ли можно было погасить. В итоге к маю 1945 года южные и западные районы Бреслау являли собой одно сплошное пепелище.

Особое внимание пожрарые уделяли предприятиям коммунальной сферы, электростанциям, гидротехническим сооружениям, переполненным ранеными больницам и госпиталям, наиболее значимым общественным и историческим зданиям. В большинстве случаев с огнем приходилось бороться прямо под обстрелами и бомбардировками. Некоторое время вода, которой из брандспойтов заливали пламя, поступала из системы центрального водоснабжения. Но после того, как в работе городского водопровода стали возникать перебои, пожарным пришлось довольствоваться прудами, глубокими источниками, а также городским котлованом. В итоге было решено создать двадцать стационарных резервуаров, в которые вода накачивалась специальными насосами. Они были раскиданы по всему городу, что облегчало работу пожарным. Чтобы уберечь трубы, ведущие от этих резервуаров, от взрывов, их прокладывали в уличных канавах либо же протяжении всей их длины заваливали грудами мусора, которого после начала усиленных бомбардировок было в изобилии. В некоторых случаях приходилось идти на уловки и импровизировать. Так, например, в некоторых кварталах города в качестве хранилищ для воды выступали понтоны. Они наполнялись на манер прудов-отстойников. Единственным их недостатком была необходимость регулярно проводить починку.

В начале осады город не знал проблем со шлангами, их было в изобилии. Однако из-за недостатка времени они не просушивались и не чинились, что неуклонно вело к их

непригодности. Имевшиеся запасы шлангов к весне 1945 года были либо уничтожены бомбардировками, либо оказались в руках частей Красной Армии, когда в советский плен попали пожарные команды №№ 5 и 7. Со временем стала ощущаться нехватка горючего. Для работы пожарных машин и для пожарных насосов составлялась специальная смесь. Ее использование было возможно лишь после того, как переделывался карбюратор. Ремонт пожарных машин затруднялся тем, что парк команды № 7, который располагался на юге города, был захвачен советскими войсками, а запасные цеха были полностью разрушены во время бомбардировок. Но, несмотря на все эти трудности, пожарные появлялись на месте очень быстро. Контакт между отдельными командами был налажен почти идеально. Впрочем, поддерживался он в основном армейскими связистами. Кроме этого, из подростков была составлена специальная оперативная команда посыльных, в задачи которой входила координация действий отдельных команд уже во время тушения пожаров.

Если говорить о потерях, то среди пожарных они составили 75 убитых и 83 раненых. При общей численности пожарных команд в 600 человек это был немалый процент потерь (29 %), особенно если учесть, что речь шла не боевых частях, которые сражались на передовой. Из 44 машин, имевшихся в распоряжении пожарных команд, 18 были уничтожены во время обстрелов и бомбардировок, а еще 8 получили значительные поломки и фактически не подлежали ремонту. Впрочем, поломки были у каждой пожарной машины. Во время кровопролитного «пасхального сражения», которое сопровождалось ураганным огнем советской артиллерии, пожарным удалось локализовать несколько возгораний, не дав Бреслау превратиться в один сплошной пожар. Но противостоять всем пожарам в апрельские дни 1945 года несшим постоянные потери пожарным командам было не по силам.

Глава 7. Кровавая Пасха

Пасха в Германии в 1945 году приходилась на 1 апреля. Даже ощущение приближавшегося праздника не могло изменить настроений среди жителей Бреслау. Рольф Бекер писал о днях, предшествующих Пасхе:

«Каждый день, как только на несколько минут замолкают орудия, то тут же включаются советские громкоговорители. Но теперь тон обращений к защитникам и жителям Бреслау несколько иной. Нам дают понять, что если крепость будет продолжать сопротивление, то она будет разрушена до основания всеми имеющимися в распоряжении Советов военными силами… Руины улиц некогда одного из самых красивых городов Германии подсказывают, что угрозы, звучащие из динамиков, не являются преувеличением».

Словно в предчувствии огромной беды, несмотря на все запреты, в городе начинает работать «сарафанное радио». 31 марта, в Страстную Субботу, Хуго Эртунг записал в свое дневнике:

«Уже долгое время муссируются слухи о том, что русские решили сделать Бреслау пасхальным подарком своему руководству. За последние пару дней усилился артиллерийский обстрел. С двухмоторных самолетов стали сбрасывать бомбы такой величины, каких мы не видели до сих пор».

О событиях собственно в пасхальную ночь лучше рассказать одному из очевидцев:

«Внезапно всё меняется. Начинается ураганный огонь, который по своей силе превосходит все обстрелы, которые нас до сих пор удалось пережить. В небе появляются эскадрильи бомбардировщиков, которые метают на наши крыши бомбы».

Бомбардировки и артиллерийский обстрел сопровождались пропагандистскими акциями. С неба сбрасывались листовки, с прилегающей к передовой территории улиц вновь вещали советские громкоговорители. Буххольц вспоминал:

«Звучащие на немецком языке призывы свергнуть гитлеровскую систему раздавались даже с воздуха, с самолетов».

Эрнст Хорниг в своих мемуарах вспоминал:

«События тех Пасхальных дней едва ли можно передать словами. Для этого слова являются слишком слабым средством. Произошедшее превзошло все наши даже самые худшие опасения. «Пасха превратилась в ад для Бреслау», – как записала одна из моих церковных сотрудниц».

Как уже говорилось, Пасхальное воскресенье в 1945 году пришлось на 1 апреля. В тот день советская артиллерия (включая крупнокалиберные 280-миллиметровые орудия) обрушила на город шквал огня. Под прикрытием артиллерии в направлении аэродрома Гандау направились советские тяжелые танки. В результате ураганного огня и бомбардировок немецкие парашютисты стали нести большие потери. Из-за поднявшихся клубов пыли 20-миллиметровые спаренные автоматические пушки оказались в не состоянии вести огонь. Несколько немецких 88-миллиметровых зенитных орудий в первые же часы наступления были уничтожены прямыми попаданиями советских снарядов. Два часа спустя после начала операции советские таки стали приближаться к зданию интерната для слепых. Здесь располагался штаб полка, откуда организовывалась все оборона этих краев. Резервный взвод, который имелся в распоряжении штаба полка, был тут же направлен удерживать территорию между интернатом для слепых и Одером. В тот момент подполковник Мор еще имел связь с майором Тильгнером, группа которого находилась на левом фланге. В силу своего

местоположения она не понесла огромных потерь. В итоге она все-таки получила приказ отходить к шлюзам на Одере. Генерал Нихоф вспоминал о том дне:

«Мы очень удивились, когда русские после своего первого крупного успеха не продолжили наступать на правом фланге, продвигаясь дальше, а повернули на северо-восток в направлении саперных казарм. Между тем наступила ночь. Группа майора Тильгнера, которая за ночь не понесла никаких потерь, была доставлена на грузовых автомобилях в полк. Разумеется, тяжелые пушки пришлось оставить на шлюзах. Когда настал второй день Пасхи, то на западе был создан новый оборонительный рубеж. Позже, оказавшись в плену, у нас состоялась беседа со штабным офицером из армейского штаба генерала Глуздовского. На наш вопрос, почему русские во второй половине пасхального воскресенья после удачного прорыва нашей обороны не повернули направо, офицер сначала промолчал. Затем он посмотрел на карту и произнес: «У нас были другие планы». Очевидно, что русские просто не смогли воспользоваться этим уникальным шансом».

Эрих Шёнфельдер, один из немногих выживших немцев, которые принимали активное участие в обороне Бреслау, вспоминал:

«В этой преисподней вряд ли кому можно было помочь. Да и сама помощь была по своей сути бессмысленной… Наиболее сложно пришлось Песчаному острову. В местной церкви виднелась огромная пробоина от бомбы. Старая церковь Святого Винсента, в которой располагался надгробный памятник Генриха IV, была объята полностью огнем. В развалины были превращен монастырь Святой Урсулины. Около тридцати плачущих сестер молились на коленях перед разрушенным храмом. Они больше не понимали этот мир. Словно маяки, огнем в ночи пылали две башни собора. Зарево пожарищ было видно далеко за пределами Бреслау. Словно огненные капли, в воду, в которой отражается буйство пожаров, рушатся выгоревшие куски башен. Старый Бреслау перестал существовать».

По приблизительным подсчетам, только за 1 апреля 1945 года на город было сброшено около 5 тысяч бомб. На второй день пасхальной недели усиленные бомбардировки временно прекратились. Но это отнюдь не остановило многочисленные пожары.

Ночью бомбардировщики сменили самолеты У-2, которые за характерный звук работающего двигателя были прозваны немцами «швейными машинками». Из этих небольших советских самолетов трассирующими пулями с небольшой высоты производился обстрел улиц.

Пожары в Бреслау с первых числах апреля 1945 года были настолько сильными, что городе стали плавиться даже камни. Хуго Эртунг в своих дневниках так описывал события Пасхальной недели:

«Накалившись от жары, начинает звонить колокол. Пасхальный звон Бреслау. В нашем дворе неистовствует огненная стихия. В раскаленных вихрях почти моментально тает древесина. Столпы огненных искр возносятся к небу, чтобы упасть на соседние крыши и дать жизнь новым пожарам. Весь второй день Пасхи ознаменован огненным кошмаром».

Один из евангелических священников вспоминал о тех днях:

«Мы верили, что для нас пришел час Страшного суда».

Сложно даже предположить насколько невыносимым было положение мирных жителей города. Хуго Эртунг сообщал:

«Мы ходим вечно сонные и грязные. Насос больше не может подавать воду, и наши глаза изъедены дымом. У всех в голове одна мысль – быстрее бы это закончилось».

Когда настал вечер 2 апреля, весь центр города был выгоревшим.

Рольф Бекер вспоминал о «пасхальном сражении»:

«Оборонительные бои в первые недели апреля по своей ожесточенности достигли апогея. В районе интерната для слепых позиции удерживает проверенный в боях полк Мора. Но и он неуклонно теряет свои силы… Бои идут у вокзала Пёпельвиц. Там русские простреливают буквально каждый метр. Их силы слишком велики. Под их огнем гибнет все больше и больше защитников. По мосту через Одер в мощном рывке в северную часть города прорываются русские танки. Постепенно их наступление останавливается. Брошенный в бой батальон парашютистов уничтожен почти полностью. В идущих несколько дней напролет боях выкошен батальон «Вуттке», который удерживал Позенер– и Альзен-штрассе. Советские войска медленно продвигаются вперед».

Об ожесточенности боев свидетельствует также сообщение командира штурмового орудия, лейтенанта Хартмана.

«На следующий день я был направлен к интернату для слепых. Вместе со мной был унтер-офицер Майер со своим штурмовым орудием. Он был моим давнишним приятелем по 3-ей батарее 311-й бригады. В подвале интерната я нашел капитана Вульфа, чей командный пункт располагался в этом здании. Он командовал батальоном Гитлерюгенда. Он сообщил мне, что русские танки должны были располагаться в парке, который раскинулся к северу от интерната для слепых. В указанном месте я натолкнулся на подростков из Гитлерюгенда, которые вышли, чтобы провести разведку. Я с моим наводчиком пополз к сваленному дереву. Внимательно вглядываясь между ветвями, мы обнаружили, что в 150–200 метрах от нас стоит бронированный гигант. Речь шла о штурмовой гаубице, чей калибр был 152 миллиметра. Мы быстро вернулись к нашему штурмовому орудию и поехали, пока перед нами не оказалась просека. В селекторную связь я отдал приказ водителю: «Забирай влево»». Через несколько секунд наводчик отрапортовал: «Полностью готов». «Огонь», – скомандовал я. В этот момент русские заметили нас и стали опускать ствол орудия. Но было слишком поздно. Раздался выстрел нашей пушки, который ударил по ушам, но хоть как-то успокоил нервы. Я видел, как из ствола метнулось пламя. Первый же выстрел попал в цель. Что-то хлопнуло справа от меня. Когда я удивленно выглянул из люка, то обнаружил, что меня поддержало огнем орудие моего приятеля Майера. Русский танк был объят пламенем. Мальчишки из Гитлерюгенда восторженно указывали на другой русский танк, который укрылся чуть дальше по просеке. Я направил мое штурмовое орудие поближе к деревьям и накрыл его огнем. Русский не двигался, но и не загорелся. Когда при следующем выстреле заклинило гильзу от снаряда, то смелые мальчишки помогли ее извлечь. В этот день русские не смогли продвинуться дальше на данном направлении. Но все же во время последующих боев здание интерната для слепых пришлось сдать. Теперь линия фронта проходила по западным окраинам города. Нам, к сожалению, не хватало тяжелых самоходных орудий. Наши штурмовые орудия не могли поспеть повсюду, где в них нуждались. Утрата аэродрома Гандау очень болезненно сказалась на снабжении наших частей боеприпасами. Мы были вынуждены экономить снаряды. В данных условиях мы могли рассчитывать только на боеприпасы, которые сбрасывали с воздуха. Исходя из опыта, их спускали на парашютах в трех кварталах от русских позиций. Но даже в этих условиях я ни разу не сообщал о невозможности участвовать в боях из-за недостатка снарядов. Командир нашего подразделения оберлейтенант Реттер был неутомим в поисках сброшенных боеприпасов, которые бы подходили для наших орудий. Он не стеснялся лично доставлять их».

Во время этой «пасхальной битвы» на западные районы Бреслау была обрушена целая лавина бомб и снарядов, которые превращали многочисленные дома в обломки строительного мусора. Город был объят пожарами. Генерал Нихоф писал:

«Несмотря на это, неприятель не смог сломить ни оборону, ни волю защитников крепости».

Даже под этим ураганным обстрелом продолжали работать гражданские заведения, которые отвечали за подачу воды, электрического тока и за телефонную связь. Показательно, что только в данных ужасных условиях прекратил ходить последний трамвай. Чего же достигли во время пасхального штурма советские войска? Они смогли углубиться с запада в немецкие позиции приблизительно на 2–3 километра. Частями Красной Армии также был взят аэродром Гандау, что стало для всего Бреслау очень серьезной потерей. С этого момента раненые не могли вывозиться из города на самолетах. Переполненные военные госпитали стали истинным мучением как для пациентов, так и для обслуживающего персонала. Но в данной ситуации кажется странным, что советские войска не стали развивать свое наступление, используя мощные штурмовые группы. Не исключено, что советское командование в своих действиях было сковано «южным» и «северным» фронтом. Для немцев же эти бои закончились небольшим подарком. В их руки попали секретные документы, которые позволяли отслеживать все радиопереговоры частей Красной Армии. Советское командование, судя по всему, даже не заметило пропажи этих документов, так как радиосвязь продолжалась на прежних частотах с прежними позывными. Как результат, штаб крепости Бреслау заблаговременно получал сведения обо всех запланированных советскими восками операциях, а генерал Нихоф имел время, чтобы прибегнуть к эффективным контрмерам.

После Пасхи советское наступление на «западном» фронте больше напоминало неконтролируемый лесной пожар. На южном фланге удар пришлось держать полку Ханфа, который после 24 марта вновь стал командиром полка. Он сменил раненого полковника Фельхагена, который в начале марта был доставлен на самолете в Бреслау. После ожесточенных боев было принято решение взорвать железнодорожную дамбу Позенского моста. Но к 11 апреля немцам удалось отбить у советских войск местность, располагавшуюся к югу от Никойлаторского вокзала. От этого участка, удерживаемого полком Ханфа-Фельхагена, фронт по линии железной дороги проходил по правому флангу полка Бессляйна (Гребшенер– и Виктория-штрассе). Здесь имеет смысл предоставить слово лейтенанту Хартману, так как он не только описывал в своих воспоминаниях действия своих штурмовых орудий, но и давал общую картину тогдашних боев. К тому моменту сам Хартман за свои заслуги был награжден Рыцарским крестом:

«Русские атаковали нас на левом берегу Одера. Кажется, их целью было двигаться вдоль Одера, чтобы затем клином ударить в центр города. Я с унтер-офицером Майером располагался непосредственно за линией фронта. Когда усилился артиллерийский и минометный огонь, то мы покинули наш подвал на Айхенпарк-штрассе и стали подниматься к гавани по Пёпельвиц-штрассе в направлении Промницер-штрассе. Через сады и луга, которые располагались между интернатом для слепых и дубовой рощей, в нашем направлении ехало несколько вражеских самоходных артиллерийских установок. Мы открыли по ним огонь из всех стволов. У одной установки оказалась перебита гусеница. Другая артиллерийская установка неуклонно приближалась и стала заходить ко мне с правого фланга. Я израсходовал весь свой боезапас и призвал на помощь Майера. Он последним снарядом смог поджечь русского гиганта. Остальные предпочли удалиться в лес. Внезапно один из танков вновь выехал из леса и устремился к зданию интерната для слепых. Русские пытались отбуксировать своего подбитого товарища. Несколько брошенных гранат заставили их отказаться от этого намерения. Слава Богу, русские больше не пытались атаковать, а только лишь вели огонь из леса. Несмотря на недостаток боеприпасов, мы остановились на Пепельвиц-штрассе, чтобы оказывать нашим солдатам хотя бы моральную поддержку. К этому моменту был уже полдень. Внезапно раздался гудок. Я выглянул из люка и увидел, что за моей машиной стоял «Фольксваген», который привез обед. Я крикнул водителю: «Если ты только с едой, то исчезни! Мы не голодны. Нам не хватает боеприпасов». Тот испуганно скрылся. Но наш простой продолжался недолго – вскоре нам подвезли снаряды. Теперь мы устремились вперед и добили русский танк, застрявший у интерната для слепых. Вечером мы получили подкрепление в лице командира роты лейтенанта Фенцке. На следующий день было много спокойнее. Однако я все равно смог подбить три русских противотанковых орудия, которые занимали позиции к северу от интерната.

В один из последующих дней начался форменный фейерверк. Тогда я смог подбить на Пёпельвиц-штрассе русский танк и противотанковое орудие. Несмотря на это, русским все равно удалось продвинуться вперед вплоть до усадьбы, которая располагалась на углу Пёпельвиц– и Проминцер-штрассе… Также ими была взята дубовая роща. Из-за того, что противник активно использовал огнеметы, ни одна из наших контратак не увенчалась успехом. 7 или 8 апреля русские уже полностью контролировали дубовую рощу. К сожалению, в этот день мы потеряли нашего товарища, унтер-офицера Майера. Его штурмовое орудие было подбито, причем несколько осколков застряли у Майера в легких. Он был размещен в военном госпитале, где спустя несколько дней умер от ран. Я посетил его незадолго до кончины, чтобы сообщить ему, что он был представлен к званию фельдфебеля. Это было его последней радостью в жизни. Час спустя его не стало. Вероятно, смерть спасла его от страданий, на которые он был бы обречен в советскому плену.

Находясь на путепроводе на Пёпельиц-штрассе, я смог подбить еще один русский танк в дубовой роще. Он стоял рядом с садовым павильоном. 10 апреля я вместе со своим штурмовым орудием покинул Кришке-штрассе и двинулся на Позенер-штрассе. Незадолго до этого командир роты получил ранение в голову, а потому мне пришлось возглавить всю боевую бронетанковую группу. 18 апреля нас разбудил начавшийся ураганный обстрел. На командном пункте, куда я сразу же устремился, чтобы выяснить обстановку, подполковник Мор был очень злым. Вход в казармы был наполовину разрушен. Из стены торчал русский неразорвавшийся снаряд. Я полагаю, его калибр составлял 280 миллиметров. В штабе полка царила суета. Оказалось, русские при поддержке танков смогли вырваться из дубовой рощи и взяли железнодорожную насыпь. Но три мои штурмовые орудия были готовы к бою. Мы тут же направились в путь. С того момента, как я возглавил боевую группу, мне пришлось пересесть на штурмовой танк IV, на котором было установлено орудие от «Пантеры». Когда мы достигли железнодорожной линии, которая шла от Длинного переулка вдоль Гнезнер-штрассе к вокзалу Одертор, мы попали под мощнейший артиллерийский и минометный обстрел, который усиливался с каждой минутой. Я остановился на шоссе близ остановки Пёпельвиц. Через перископ я стал изучать садовую территорию. Там я заметил пятнистых гигантов с 152-миллиметровыми орудиями. В первого из них я попал без проблем, его тут же охватил огонь. Длинное орудие от «Пантеры» позволяло стрелять на приличные расстояния. Вслед за этим последовал другой, за ним еще один. Все больше и больше стальных чудовищ становились видимыми. Они не понимали, что происходит. У меня было чувство, что мы вели огонь на учебных стрельбах. Когда я полностью израсходовал свой боезапас, многочисленные русские танки горели как факелы. Пять из них было на моем счету. Бой продолжили сопровождавшие меня штурмовые орудия. Высоко на железнодорожной насыпи я заметил русский танк. Я засек вспышку выстрела, прежде чем успел вернуться и пополнить свой боезапас. По дроге назад я натолкнулся на два штурмовых орудия, которые должны были ночью удерживать позиции на передовой. Я считал их уничтоженными. Они, подобно мне, полностью израсходовали все снаряды, когда началась русское наступление. Теперь я мог спокойно направляться за боеприпасами. Я быстро загрузил снаряды во внутреннем дворе судебной тюрьмы и без промедлений устремился вперед. У командного пункта я заметил подполковника Мора. Он попросил подвезти его. Он даже не снял свою фуражку. Когда мы прибыли к обозначенной дорожной развилке, то русский огонь стал настолько сильным, что я попросил, чтобы полковник с одним из танков PzII вернулся назад. В этот момент появились новые русские танки. Я смог подбить два из них. Во время небольшой передышки какой-то оберлейтенант запрыгнул ко мне на орудие и прокричал, что я являюсь воплощением танковой смерти. В ходе этого боя другие штурмовые орудия подбили еще пять русских танков. Сами мы не понесли никаких потерь, если не считать мою антенну, которую сбило осколком снаряда. В пекле боя я даже не заметил, что русские также вели огонь по нам. Это был действительно замечательный день. Однако он не закончился. Нами была предпринята контратака, в ходе которой я в очередной раз расстрелял все снаряды. Боезапас пришлось доставлять командиру подразделения оберлейтенанту Реттеру. Он же мне сказал, что о моих успехах было доложен в штаб крепости. В 15 часов силами батальона Гитлерюгенда была предпринята новая контратака. При нашей поддержке он смог отбить у русских железнодорожную насыпь. Ближе

к вечеру мы нашли вражеский танк, который свалился в воронку от бомбы и никак не мог из нее выбраться. Его можно было заметить, только если приблизиться вплотную к воронке. Ничего не подозревая, мы забрались на гиганта, который почти отвесно стоял на краю воронки. Я разрабатывал план, как можно было бы извлечь этот танк, не повредив его. Я запросил 30 фольксштурмистов, чтобы те попытались вытащить танк из воронки. Выполнение этого задания я поручил унтер-офицеру Кунерту. Сам же я направился на командный пункт к подполковнику Мору, чтобы получить новое задание. Когда я прибыл туда, то унтер-офицер Кунерт сообщил, что, оказывается, в танке оставался русский экипаж, который при первой же возможности открыл огонь из орудия. Половина лица Кунерта была обожжена огнем от близкого выстрела. Я тут же рванулся вперед. Когда мы прибыли, то, несмотря на все призывы, экипаж танка не намеревался сдаваться. Русские пытались отстреливаться и бросать ручные гранаты. После этого их пришлось расстрелять из фаустпатронов. Это был наш тринадцатый советский танк, подбитый за этот день боев. Этот случай показывает, насколько ожесточенными были бои. Позже я не раз задавался вопросом, почему экипаж не покинул свой танк и предпочел сражаться до самого конца. Я полагаю, что в этом танке находился командир подразделения. Рано утром во время наступления русского танкового подразделения машина командира провалилась в воронку. Видимо, в тот момент, когда русские танкисты потеряли контакт с командирским танком, я как раз отдал приказ своим штурмовым орудиям открыть по ним огонь. Русский командир, узнавший об уничтожении его подразделения, предпочел не возвращаться к своим и решил погибнуть в бою. Между тем, русские пытались безуспешно атаковать наши позиции от Николайторовского вокзала вдоль Позенерского железнодорожного моста. В ходе оборонительных боев здесь было подбито в целом 25 русских танков. В сводке по крепости в те дни было даже упомянуто мое имя. Причем меня почему-то произвели в «лейтенанты противотанковой обороны». Между тем, из бумаг убитого офицера мы узнали, что главной целью русских была Бондарная площадь, располагавшаяся по ту сторону Одера».

Во время продолжавшихся в течение первых чисел апреля 1945 года боев на «западном» фронте также активно использовались батальоны Фольксштурма. Батальоны Гитлерюгенда (55-й и 56-й) участвовали в боях близ предприятий Рюттгера и вокзала Пёпельвиц. Чуть позже к ним присоединился сформированный в феврале «железнодорожный батальон» Пёча (74-й). Хорошее знание местности железнодорожниками помогло им во время боев за сортировочную станцию Мохберн. 21-й батальон Фольксштурма, которым командовал гвардейский егерь Пфланц, с начала января принимал участие в боях при Дихернфурте. В апреле он был послан на усиление полка Ханфа-Фельхагена. В боях на плацдарме близ Николайтора (Николаевских ворот) участвовал 68-й батальон фольксштурмистов. В ночь с 18 на 19 апреля он потерял своего командира Кайслинга. После этого перешел в подчинение майора Клозе, который поначалу командовал 41-ым батальоном Фольксштурма, а затем получил под свое начало один из армейских батальонов. Сам Клозе за проявленную храбрость был награжден Рыцарским Крестом.

Со временем советским войскам все-таки удалось взять под свой контроль железнодорожную насыпь близ Николайторовского вокзала. Но данный тактический успех был связан с огромными потерями в частях Красной Армии. В первую очередь это касалось тяжелых танков. Во многом ситуация напоминала штурм железнодорожной насыпи на «южном» фронте. Различие состояло лишь в том, что немцам все-таки удалось создать в дамбе оборонительный рубеж и специальные укрытия. Впрочем, и здесь им явно не хватило рабочей силы, чтобы завершить возведение полноценной линии обороны. Несмотря на то, что была отбита железнодорожная насыпь, оборона немцев не была полностью сломлена. Советским войскам так и не удалось достигнуть своей главной на тот момент цели – захватить Бондарную площадь в северной части Бреслау. Как отмечал генерал Нихоф:

«Кроме всего прочего, наше сопротивление усиливалось, так как мы использовали преимущества, которые давала плотная городская застройка. Мы активно использовали опыт, который приобрели в уличных боях на южных окраинах города».

Кроме этого, немцы в очередной раз провели перегруппировку сил. 21 апреля 1945 года с передовой было отозван полк Мора, который без передышки принимал участие во всей боях с самого начала «пасхальной битвы». Его сменил переброшенный с юга эсэсовский полк Бессляйна.

Между тем, командование крепости ясно понимало, что трудности будут увеличиваться с каждым днем. Главными из них были невосполняемые потери и недостаток боеприпасов. Ситуацию не спасало даже использование «минометов Бреслау». Генерал Нихоф и его помощники все чаще и чаще отдавали приказ уклоняться от боев, если это было возможно. На счету был каждый патрон и каждый снаряд.

Если говорить о возведении внутреннего аэродрома «Кайзер-щтрассе», то на этой «просеке» не мог приземлиться ни один самолет. В лучшем случае сюда мог сесть грузовой планер. Когда нехватка боеприпасов стала настолько острой, что в штабе крепости каждый день высчитывали, могли ли артиллеристы «потратить» 20 или 30 снарядов (и это на целый город!), генерал Нихоф связался с командованием 17-й армии и попросил поддержку боевой авиации. Когда небо было чистым, немецкая авиация могла поддерживать с воздуха контратаки защитников Бреслау. Дело было не только в нанесении урона частям Красной Армии. Среди защитников Бреслау стало распространяться мнение (к слову сказать, небезосновательное), что их бросили на произвол судьбы. Появлявшиеся в небе машины Люфтваффе должны были подогревать у солдат и гражданского населения призрачную надежду на деблокирование. Комендант крепости не решался лишить людей последней надежды. Он регулярно посещал военные госпитали и лично награждал отличившихся солдат. Но силы окруженной немецкой группировки таяли с каждым днем. В апреле надо было вновь искать полонение. В итоге около 120 санитаров в военных госпиталях сменили халат на винтовку за плечом. Все они оказались распределенными между различными подразделениями – пополнение требовалось везде. В свое время в самостоятельную часть был выделен артиллерийский батальон. Он был составлен из наиболее опытных офицеров, унтер-офицеров и солдат. В силу очевидного недостатка боеприпасов командир крепостной артиллерии Урбатис предложил разделить их между пехотными частями.

В середине апреля 1945 года полковник Зауэр направил батальон, которым командовал Вуттке, с «северного» на «западный» фронт. Позиции отбывшего подразделения занял резервный батальон учебного полка графа Зейдлица (адъютант – лейтенант Шёнфельдер). Создание данного полка во многом позволило готовить столь необходимые для крепости резервы. Сам граф Зейдлиц погиб 2 мая 1945 года во время боев на «северном» фронте. В резерве у крепости к концу апреля оставался только 2-й учебный батальон.

Активный обстрел советской артиллерий территории города иногда приводил к непредвиденным последствиям. Так, например, в апреле взорвался заминированный немцами Песчаный мост. Впрочем, это оказалось единственным случаем непредусмотренного детонирования заложенных под мосты и путепроводы зарядов. После этого происшествия лейтенанту Шульцу, командиру роты технической поддержки, предстояло восстановить очень важный для немецкой обороны Песчаный мост. Кроме всего прочего, он был важен для снабжения немецких частей на передовой и поддержания телефонной связи. Во время восстановительных работ Шульце предложил коменданту крепости разминировать оставшиеся внутри города 16 мостов и путепроводов. Только так можно было избежать их непредвиденного уничтожения. Предложение было принято, так как уже давно не существовало никакой тактической необходимости уничтожения мостов в центре города. По итогам разминирования освободившиеся саперы были направлены в пехотные подразделения.

Когда мы говорили о затихании боев на «южном» фронте, то это вовсе не значило, что 609-ая дивизия и вовсе не подвергалась никаким атакам со стороны частей Красной Армии. Дивизия была едва ли не самым ценным и мощным резервом, который было категорически запрещено отводить на западный участок фронта. Сама же дивизия обладала минимальными резервами – таковым был полувзвод, которым командовал лейтенант Бенше. В зоологическом саду командовавший с февраля 1945 года одним из полков Фольксштурма майор Юнг устроил что вроде «дома отдыха». Там немецкие солдаты, временно отбывавшие с передовой, могли недолго отдохнуть. К этому моменту советские части так и не решились на наступление через

затопленную долину Оле. Здесь предпринимались лишь небольшие разведывательные вылазки, для отражения которых вполне хватало сил фольксштурмистов.

В апреле 1945 года капитан Моосхаке получил долгожданное известие. Сам он вспоминал об этом так:

«Моя супруга с детьми, скрываясь от русского наступления, перебралась из Восточной Померании в Дрезден. Я уже был в Бреслау, когда узнал, что Дрезден был полностью разрушен. С тех пор я не имел никаких сведений о своей семье. В одну из ночей над главным вокзалом Бреслау оказался подбит немецкий самолет. Летчик успел выпрыгнуть с парашютом из горящей машины. Он приземлился как раз около командного пункта нашей дивизии. Его тут же доставили к нам. Первым делом он спросил меня, знаю ли я капитана Моосхаке. На ответ, что таковым являюсь именно я, он передал мне письмо от моей жены. Так я получил весточку о том, что моя семья смогла спастись из объятого огнем Дрездена».

В своем рассказе мы в основном уделяем внимание «южному» и «западному» фронтам, фактически обходя стороной северный участок. Между тем, он имел немалое стратегическое значение. Находясь по ту сторону Одера, он был, по словам генерала Нихофа, «зонтиком для Бреслау». По мере того, как немцам удавалось более-менее успешно отражать атаки Красной Армии на юге и западе, у советского командования росло желание «закрыть этот зонтик». Если красноармейцам удалось бы прорвать немецкую оборону к северу от Бреслау, это имело было для защитников крепости катастрофические последствия. Однако «северный» фронты выдержал все атаки советских войск.

На левом фланге, где позиции были ограничены Одером, и, соответственно, южнее Одера также велись бои. После того, как 23 февраля 1945 года полк Бесслайна был откинут от Вайстринца, были перенесены назад и позиции полка Зауэра. После удачной перегруппировки «боевой группы Тильгнера», которая входила в состав полка Мора, левое крыло полка Зауэра было отодвинуто во время «пасхального сражения» вплоть до Ранзенерских шлюзов. Впрочем, данный полк до самого конца обороны Бреслау удерживал позиции на южном берегу Одера, где постоянно подвергался советским атакам с флангов.

Наряду с полком Зауэра на данном участке фронта сражался находившийся чуть правее полк Веля, который после переброски его с «южного» фронта должен был удерживать северные рубежи города. Здесь же активно использовалась «артиллерийская группа Север», которой командовал майор Гартль. Она состояла из шести батарей – трех батарей немецких полевых гаубиц, одной – немецких тяжелых гаубиц, а также двух трофейных батарей, укомплектованных итальянскими и польскими 75-миллиметровыми орудиями. «Артиллерийский группа Север» весьма выгодно использовала местный ландшафт, что позволяло ей успешно действовать даже в условиях ограниченного боезапаса. Расположение немецких артиллерийских батарей было настолько выгодным, что они могли противостоять советской артиллерии. В качестве примера можно привести батарею лейтенанта Зигрета, которая занимала позиции в Кляйнау. Ею была уничтожена одна из советских минометных батарей, которая пыталась начать обстрел немецких позиций к югу от Рукса. Секретом данного тактического успеха немцев были скоординированные действия всех родов войск. Именно это позволило удерживать в «открытом» состоянии «зонтик» над северными районами крепости.

Между тем сам город был превращен в руины. О событиях апреля 1945 года Рольф Бекер вспоминал:

«Центр города от Рыцарского моста до Энегльсбурга выжжен дотла… Вокруг Нового рынка находятся руины домов да остовы зданий, которые каким-то чудом удерживают их фронтоны. Советы сдержали свои угрозы. Они уничтожили Бреслау, а затем перепахали его обломки. О количестве погибших можно только предполагать. Над руинами выжженного Кольца одиноко возвышается здание ратуши, построенное в готическом стиле».

Вера Краузе, которая при наступлении советских войск в начале марта была вынуждена несколько раз менять свои убежища, вспоминала о «кошмаре Пасхи 1945 года»:

«В субботу накануне празднования Пасхи обрушился полностью дом № 67 по Хиршландштрассе. Бербель и я во время бомбардировки находились в прихожей. Вокруг нас были раскиданы трупы, но с нами сами ничего не произошло… После этого я со своим ребенком попыталась найти убежище в погребе. Но из-за угрозы пожаров решила пробираться к казармам в Розентале, где находился мой муж. Целую ночь, держа за руку свою девочку, я брела по охваченным пламенем улицам. Бушующий огонь оставлял только чуточку места для прохода. Иногда улицы были полностью перегорожены пожарами. Но мы шли по ним, не чувствуя страха. Разве страх мог помочь в данной ситуации? Во вторник в районе 7 часов 45 минут мы добрались до казарм в Розентале. Мой муж был несказанно рад нашему появлению, так как не знал, остались ли мы живы в пылающем городе. Мы разместились в небольшой квартирке в доме, расположенном по соседству с казармами. Я нашла в них какую-то работу. Теперь мы как солдаты получали паек. Во время работы Бербель была всегда рядом со мной. Я не оставляла ее без присмотра ни на минуту».

Существовавшая в городе пожарная команда ничего не могла поделать с разгулявшейся огненной стихией. Но это не мешало самим немецким пожарным неделями напролет вести свою собственную войну с огнем. Большинство пожарных машин и сами команды располагались в здании в Вайден-штрассе. К апрелю 1945 года вся эта пожарная команда насчитывала лишь 9 человек, которые продолжали выполнять свою работу. Для удобства тушения пожаров в каждом из районов были созданы специальные цистерны. Поскольку до окружения Бреслау в феврале 1945 года этот немецкий город почти не подвергался воздушным налетам, большинство пожарных машин было передано в Дрезден, который фактически был сметен с лица земли воздушными налетами англо-американской авиации. Казалось бы, пожарные Бреслау должны были развести руками, но, как отмечали очевидцы, это было не так. Начиная с середины февраля они пытались гасить пожары хотя бы в наиболее значимых зданиях. Причем все это делалось под обстрелом советской артиллерии либо же в непосредственной близости от мест ведения уличных боев. В итоге нет ничего удивительного в том, что немецкие пожарные несли потери. Однако вскоре в городе стала ощущаться нехватка воды. Трубы водопровода были разрушены в большинстве районов, а потому можно было сразу же отказаться от мысли подключения шлангов к пожарным гидрантам. В итоге немецким пожарным приходилось тянуть шланги на тысячу и даже более метров.

К середине апреля в Бреслау стали ощущаться проблемы с запасами еды. В первую очередь это сказалось на гражданском населении, среди которого стали распространяться самые различные болезни. Появилась опасность возникновения эпидемии. Кроме всего прочего, сами мирные жители уже были охвачены одной эпидемий, которую очевидцы называли «подвальной болезнью». Речь шла о бесконечных нервных срывах, которые нередко случались с людьми, проводившими в подвалах и погребах целые недели напролет.

Результатом ожесточенных и кровавых боев первых десяти дней апреля стало расширение советских позиций в западных районах Бреслау. К 11 апреля линия немецкой обороны уже проходила вдоль железнодорожной дамбы Познаньского железнодорожного моста и далее на юг к вокзалу Николайтор. Во время наступления части Красной Армии смогли не только отбить у немцев аэродром Гандау, но и углубиться в данном направлении на 2 километра в немецкие позиции. Как результат, советские части находились в 2200 метрах от внутреннего кольца города. От Штригауэр-плац их отделяло каких-то 500 метров.

Почти все немецкие части еще в конце марта были отброшены с окраин в центр города. Только одному батальону из состава полка Ханфа удалось закрепиться в Мариахёфхен, небольшой деревне, находившейся к югу от аэродрома Гандау. Однако на первой неделе апреля и данное подразделение было отведено на юго-восток. Один из солдат данного батальона вспоминал:

«Во время пасхальных праздников на этом участке фронта мы принимали участие в ожесточенных боях. Но поскольку с запада было предпринято крупное наступление, в ходе которого была захвачен Гандау, мы были вынуждены сменить позиции. Мы были направлены вести бои у бункера, располагавшегося близ Штригауэр-плац. Позиции моей роты проходили по Берлинской, Познаньской улицам и заканчивались на улице Фридриха Вильгельма. Там же располагался командный пункт нашего батальона. Он располагался в подвале заведения «Вельтбюне». Данные позиции нам удалось удерживать до самой капитуляции».

Кровопролитные бои первых чисел апреля, кроме всего прочего, имели своим следствием значительное увеличение раненных. Ими были переполнены все военные госпитали. Их уже никто не мог вывезти на самолете. Хуже всего приходилось раненым, которые располагались в наземных бункерах. В расположенных там госпиталях было от 1000 до 1500 человек, которые укладывались плотными рядами прямо на полу. Конрад Бюхзель, который ежедневно посещал один из госпиталей, так описывал представшую его взору картину:

«Медицинские сестры трудятся в самых жутчайших условиях. Свет в госпитале зажигается только на 6 часов в сутки. Именно в эти часы, когда подается электричество, возможна вентиляция помещений. На верхних этажах температура достигает 35є. Настоящий уход за ранеными едва ли возможен, так как нет даже возможности поддерживать хотя бы подобие чистоты».

Казалось, что в отдельно взятом немецком городе наступил Конец Света.

Глава 8. Ужасный конец или ужас без конца?

О последнем этапе боев за Бреслау генерал Нихоф вспоминал следующее:

«При несомненном численном превосходстве в вооружении и живой силе во время «пасхального сражения» противник отбил у нас аэродром Гандау, к чему уже давно стремился. Несмотря на то, что мы имели жесткую волю и лучшую организацию мобилизованных на оборону города сил, прекращение обороны было лишь вопросом времени».

Ситуацию не могла исправить даже проведенная перегруппировка, когда понесший огромные потери полк Мора 21 апреля был заменен более свежим эсэсовским полком Бессляйна.

Даже в этом критическом положении продолжают деятельность низовые ячейки НСДАП, которые пытаются определять на место жительства постоянно мигрирующее по городу население. 14 апреля Герман Новак написал в своем дневнике:

«Нашел своего сына. Мастная ячейка Карловиц поселила нас в квартиру в доме № 64 по Корсо-аллее. Удивительно, что они еще занимаются делом и пытаются заботиться о нас».

Поскольку каждый из жителей Бреслау мог погибнуть любой момент в пожаре или под обломками домов, то сами жители пытаются предпринимать некоторые меры безопасности. 15 апреля Новак записал:

«Во второй половине дня состоялось собрание жильцов, проживающих в треугольнике, образованном Штрен-, Фюрстен– и Ганза-штрассе. Решено создать брандвахту, которая должна будет отслеживать пожары, и наблюдать за падениями домов. Только так можно снизить риск быть погребенным под обломками».

В это время было решено к обороне города привлечь детей. Очевидец вспоминал:

«У меня кровью обливалось сердце, когда я видел 10-летних мальчишек, которые должны были идти на фронт. Они несли на плече винтовку, которая волочилась за ними по земле».

Сам собой напрашивается вопрос, неужели офицеры Вермахта считали подобную практику нормальной? Но факт остается фактом: чем яснее становилось безнадежное положение Бреслау, тем жестче становился контроль за служащими Вермахта и гражданским населением. В середине апреля Новак сделал запись:

«Повсюду военные патрули. Никто никому не доверяет. Мало иметь документы, выданные местной партийной ячейкой, теперь надо знать специальный пароль».

Этот контроль был наиболее строгим в центре города и на границе с северными районами Бреслау. Дело в том, что именно на севере искали убежище многочисленные дезертиры. После того, как были совершены взрывы в партийных офисах, северные районы считаются «политически неспокойными».

Частный случай, который можно было бы оставить в стороне, если бы он не показывал, насколько разительной была разница между отдельными районами Бреслау. В середине апреля 1945 года Хуго Эртунг был направлен в монастырь Карловиц, где должен был заняться размещением воинских групп. Он сразу же почувствовал разницу между постоянно бомбившимся, полностью уничтоженным центром города и его северным пригородом. Он записал в своем дневнике:

«Еще вчера на грязных улицах разрушенного центра города мне в нос бил запас гари и разложившихся тел. Там мне приходилось постоянно протискиваться между баррикадами,

сооруженными из мебели и поваленных трамвайных вагонов. Здесь я чувствовал аромат цветов, слышал жужжание пчел и видел цветущие деревья и распустившиеся цветы».

Большие потери, которые части Красной Армии несли за месяцы уличных боев, стали причиной того, что на завершающей стадии сражения за Бреслау советское командование предпочло ограничиться боевыми действиями только на двух фронтах: «южном» и «западном». При этом положение на «северном» и «восточном» фронтах было более чем спокойным. Оказавшийся в серенных районах города Хуго Эртунг описывал в дневнике собственные наблюдения и переживания:

«На нашем северном фронте в настоящий момент царит полное затишье. По телефону я лишь изредка получаю сообщения о небольших разведывательных группах, которые переправляются на противоположный берег реки Вайда. То же самое наблюдается и на русском берегу. Единственным крупным событием стала сбитая из карабина ненавистная нашим солдатам «швейная машинка». Два советских пилота с круглыми сытыми лицами были направлены на командный пункт. После этого я видел, как они равнодушно сидели на скамейке в аллее и курили сигареты. Они определенно знают, что их пленение не будет продолжаться долго».

В этих условиях тщетное и бессмысленное возведение взлетно-посадочной послы в центре города становится барометром общественных настроений. Теперь здесь «трудятся» даже дряхлые старики. Новак описывал в своем дневнике сцену, как необъятные дубы заставляли пилить 76-летних женщин. Деревья, как оказалось, требовались для того, чтобы укрепить своды подвалов и предотвратить их обрушение во время бомбардировок. Но на самом деле подобные меры предосторожности были напрасными, так как попавшая в дом бомба пробивала его почти насквозь и разрывалась именно в подвале, погребая всех находившихся в нем.

16 апреля 1945 года был опубликован призыв ко всем девушкам и женщинам в возрасте от 16 до 35 лет добровольно пойти на службу в Вермахт, чтобы тем самым освободить для участия в боях мужчин, которые работали в штабах и военных канцеляриях. Вскоре помощницы Вермахта, которые носили военную униформу, стали обыденным явлением в Бреслау. Их можно было встретить повсюду на улицах. Альфонс Буххольц замечал по этому поводу:

«Отдельной проблемой для семей стала необходимость беспокоиться не только о сыновьях, призванных в армию, но и о дочерях. Путь к армейским ведомствам наиболее плотно обстреливался русскими».

Примечательными являются соображения, которыми поделился Буххольц со своим дневником несколько дней спустя:

«Неужели комендант Бреслау не предвидел заранее безнадежность этой борьбы? Сколько бы человеческих жизней и имущества можно было бы спасти. Сколько бы ужасов и горя мы не знали. Давно уже пали крепости Глогау, Кенигсберг, Вена. Наверное, в ближайшее время подобная судьба ожидает Берлин».

Эти мысли указывают на то, что к середине апреля для многих людей была очевидна необходимость капитуляции города. Но при этом комендант крепости не был «свободен» в решениях. На проявление самостоятельности он решился только после смерти Гитлера.

Население перестает понимать, зачем требовалась столь длительная оборона Бреслау. С каждым днем до мирных жителей доходят сведения о продвижении советских войск на Берлин и военных успехах англо-американских союзников в западных областях Германии. На фоне этих тревожных новостей отступали даже повседневные заботы и трудности, которые были неизменным явлением повседневной жизни в осажденной «крепости». Между тем, терпение советского командования, которое рассчитывало, что Бреслау капитулирует в апреле 1945 года, закончилось. По этой причине вновь начались усиленные обстрелы и бомбардировки города.

Теперь им подвергались почти все районы Бреслау. Советские войска стали планировать наступление на город с северо-запада, потому подвергли мощнейшему обстрелу квартал Одертора. Одна из медицинских сестре вспоминала об этом дне:

«18 апреля. Утро началось с того, в 6 часов начался ураганный огонь русских и немецких орудий. Обстрел территории шел час за часом, лишь иногда прерываясь на несколько минут. Чувствуются ужасающие попадания крупнокалиберных снарядов и бушевание органов Сталина. Наш дом сотрясался до самого основания. Тем не менее, мы продолжали делать свою работу на нижних этажах. Мы должны благодарить Всевышнего за Его милостивую защиту в эти жуткие часы… В доме и бункере нет света. Вечером стало спокойнее, и мы решились включить насос, чтобы накачать необходимую нам воду».

Постоянное уничтожение в пожарах и под обстрелами мебели и домашней утвари породило проблему так называемого выморочного имущества. Кроме этого, значительная часть сохранившейся мебели шла на строительство баррикад. Буххольц описывал, что гибель хороших вещей производила на людей, живших в нищете, самое тягостное впечатление. Он писал:

«Если на место прибывали уполномоченные партийные функционеры, чтобы объявить о данном мероприятии, то многие замечали, что они несли некоторые вещи не в направлении баррикад, а в подвалы, где располагались их офисы. Среди населения стало распространяться мнение, что вещи не надо сохранять для их прежних владельцев, а потому с ними можно обращаться на свое усмотрение. Поэтому многие из вещей разбирались прежде, чем на место прибывала группа партийных чиновников. Наиболее порядочные люди стали обращаться к священникам. Им стали выдавать справку о том, что если они хотели сохранить вещь для ее прежних владельцев, то они могли забрать ее при условии, что позже она будет обязательно возвращена. Это был моральный принцип использования чужой собственности: Res clamat ad dominum – каждая вещь вопиет своему хозяину, то есть чужие вещи остаются на сохранении у определенного лица, пока не будет обнаружен их истинный хозяин».

Если задуматься над тем фактом, что «крепость» Бреслау после своего окружения более двух месяцев могла противостоять превосходящим силам Красной Армии, то невольно напрашивается вопрос: как это было возможно? Подобное могло происходить по целому ряду причин. Во-первых, находившиеся в обороне немцы достаточно быстро приспособились к тактике действий советских войск. Поэтому явно превосходство Красной Армии в живой силе и технике компенсировалось тем, что ее части несли в уличных боях огромные потери. Это, в свою очередь, стало следствием не только хорошего знания немцами местности, но и использования гибкой тактики обороны. Во-вторых, недостаток у немцев боеприпасов был компенсирован изготовлением так называемого «временного оружия», которое вполне могло успешно использоваться в обороне. Кроме этого, не стоило сбрасывать со счетов тот факт, что неуклонно сжимавшееся кольцо советского окружения вокруг Бреслау позволяло улучшить координацию действий между отдельными немецкими подразделениями, равно как и увеличить плотность оборонительного огня на один условный метр фронта. И, наконец, самое большое значение для защитников Бреслау имел целый ряд психологических установок. Страх перед «русским пленом» и «отправкой в Сибирь» заставлял многих немецких солдат сразу же отказаться от мысли о добровольной капитуляции. Это обстоятельство могло бы показаться незначительным, но, тем не менее, источники указывают на то, что именно оно «добавляло сил и мужества» защитникам Бреслау. По этой же самой причине советская пропаганда – листовки и призывы через громкоговорители – не оказывала должного влияния на немецких солдат (речь именно о военнослужащих, а не гражданском населении). Новак в своих записях выразил эту мысль следующим образом:

«Только ужас перед русским пленом удерживает их еще на фронте».

Подобная формулировка может показаться несколько примитивной, но, судя по всему, в конце боев за Бреслау дела обстояли именно таким образом.

Немецкие солдаты и гражданское население города все чаще стали задаваться вопросом: «Что ожидает нас в будущем?». 20 апреля Новак записал в своем дневнике:

«Полная безнадежность. Угонят ли нас русские к себе, так как это делали Гитлер и его приспешники в других странах, когда они разрушали семьи? Германия не очень большая страна, а Россия – огромная… Холодок пробегает по коже от одной только мысли, суждено ли еще встретиться мне со своей семьей».

В Бреслау, равно как и во всей Германии, уже не верили в перелом в ходе войны или хотя бы в ее относительно удачное завершение, подобное тому, которого добился Фридрих Великий в результате Семилетней войны. Все понимали, что «чудо-оружие», благодаря которому фюрер спасет страну, было блефом и иллюзией. К мысли о безысходности положения стали приходить даже многие офицеры. Тем не менее, в сводках командования Вермахта 18–19 апреля значилось следующее:

«На западном фронте Бреслау продолжаются ожесточенные оборонительные бои… Смелые защитники Бреслау отразили на южном и западном фронтах вновь начавшиеся атаки русских».

В середине апреля вновь был поднят вопрос о деблокировании крепости, которое было давным-давно обещано фельдмаршалом Шёрнером генералу Нихофу. Сроки предстоящего «спасения» города каждый раз откладывались на неопределенный срок. Несмотря на это прискорбное для немцев обстоятельство, некоторые из них не теряли надежду. В своих заметках Хуго Хартунг записал:

«Ночью я еще раз прошел перед своим домом. Заметил отдельно стоящую группу офицеров. Один из них сообщил, что намедни был у коменданта крепости генерала Нихофа. В разговоре генерал выражал надежду на скорейшее деблокирование крепости. Фельдмаршал Шёрнер якобы обещал прорвать кольцо русского окружения, даже если для этого ему бы пришлось прийти пешком в Бреслау».

Но большая часть населения и простых солдат более не верили в подобные обещания. Не исключено, что и сам Нихоф высказывал подобное мнение только для того, чтобы еще больше не подрывать боевой дух и мораль в сражавшихся немецких частях. Для того чтобы начать деблокирование, основным частям группы армий «Центр», на тот момент располагавшихся в Судетах, надо было полностью отбить у Красной Армии Верхнюю Силезию. Сама по себе подобная операция во второй половине апреля 1945 года была маловероятной.

Так или иначе, но 14 апреля 1945 года по Бреслау вновь поползли слухи в возможном прорыве кольца советского окружения. Сейчас сложно сказать, кто их распускал. В любом случае, большинство священников относилось к ним весьма скептически. Конрад Бюхзель передал обслуживающему персоналу «Бетанина»:

«Воспринимать их нужно с предельной осторожностью».

Есть сведения об аналогичной реакции в среде служащих Вермахта и гражданского населения. К концу апреля бедственность положения нельзя было скрыть никаким слухами. Постепенно были утрачены различия между центром и окраинами города.

К 20 апреля 1945 года общее положение на фронтах менялось едва ли не каждый день. В Бреслау стали проникать сообщения, что советские войска на отдельных участках фронта вышли к Эльбе. Нижняя Силезия была почти полностью взята Красной Армией. 21 апреля Хуго Эртунг записал в своем дневнике:

«Это значит, что русские предприняли крупное наступление на Берлин, но при этом продолжают удерживать крупные силы (в первую очередь военной авиации) под Бреслау. Если им удастся взять столицу рейха, то думаю, что Бреслау будет вновь подвергаться активным бомбардировкам».

Между тем 20 апреля гауляйтер Ханке зачитал по радио поздравительную телеграмму от Гитлера. На тот момент Ханке, если не считать Геббельса, был единственным гауляйтером, который оставался «на своем месте». Обращение, оглашенное жителям Бреслау, было исполнено иллюзий о возможности победы Германии. Хуго Эртунг вспоминал об этом дне:

«В большой зале семинарии проходит праздник, посвященный дню рождения фюрера. Полковник произносит торжественную речь, в которой неоднократно звучат напыщенные обещания скорейшей победы. Большинство офицеров относятся к подобным заявлениям весьма скептически».

Между тем советские войска предпринимают новое наступление вглубь Бреслау.

В это время больницы и госпитали начинают предпринимать экстренные меры, чтобы хоть как-то обезопасить раненых и больных. Одна из сотрудниц больницы Святого Георгия вспоминала:

«Мы растянули полотнища с Красным Крестом над зданием, а также разместили аналогичные полотнища посреди зала, чтобы их можно было видеть с воздуха. До сих пор старшая медицинская сестра не хотела использовать этот знак, так как полагала, что от него не будет никакой пользы. Однако он, видимо, возымел некоторое действие».

На тот момент бои за город велись в непосредственной близости от Штригауэр-плац, где в бункере располагался госпиталь «Бетанина». Всего в нем находилось более тысячи человек, включая медицинский персонал. Все ожидали, что в ближайшее время бункер перейдет под контроль советских войск. Поэтому для всех стало большим событием, когда 22 апреля в госпиталь прибыло несколько новых медицинских сестер. В тот день одна из сестер записала в своем дневнике:

«Мы опасливо считали часы и боялись, что больше никогда не сможем покинуть этот бункер. Это означало бы попадание в плен. К нашему счастью, ранним утром 22 апреля военные действия ненадолго были приостановлены. В это небольшое затишье мы смогли вывезти некоторых раненных. Для помощи нам прибыло несколько других медицинских сестер».

Эвакуация была проведена весьма своевременно, так как на следующий день вновь начались ожесточенные бои. О том, какого ужаса смогли избежать раненые, больные и медики, можно судить по воспоминаниям Густава Паннека, который работал в бункере монтером, отвечавшим за подачу воды и электричества:

«Этот большой бункер в шесть этажей был полностью переполнен. Не только комнаты, но коридоры и небольшие проходы были забиты ранеными и умирающими… На соседней со зданием госпиталя колокольне Святого Павла были размещены наблюдательные посты. Противник постоянно обстреливал эту цель… Позже ночью колокольня была уничтожена взрывом. В этот момент весь бункер затрясся. Фронт неумолимо приближался… Попадания бомб и снарядов вновь и вновь трясли бункер. Тарелка с супом постоянно каталась по столу. Электрический свет погас. Через три секунды включилось аварийное освещение. На некоторое время в коридорах стало светло. Динамо-машина, действовавшая на дизельном топливе, работала всю ночь. Мы более не получали никакой энергии с электростанции, расположенной снаружи. Многие из палат, в которых лежали раненые, освещались несколькими восковыми свечами. Но даже их приходилось экономить, так как мы не знали, сможем ли в будущем

достать еще свечей. Но в один момент госпиталь перевезли. Раненых распределили по различных заведениям города. В бункере на Штригауэр-плац оказались размещены саперы. Они должны были при помощи отбойных молотков пробить в стенах бункера амбразуры. Бункер должен был стать оборонительным объектом. На случай его сдачи неприятелю внутри здания было размещено несколько мощных зарядов. На тот момент в бункере находилось еще около 80 мужчин и 3 женщины. Работы саперов не остались незамеченными русскими. К тому же в тот день над зданием не развевалось никакого флага с Красным Крестом. В тот день русские смогли заложить в вентиляционные шахты взрывчатку, после чего она была подорвана. Во время взрыва подорвались емкости с дизельным топливом. Приблизительно 2 тысячи литров воспламенившего горючего разлилось по коридорам, охватив их полностью пламенем. От жара мы смогли укрыться только в небольшой шлюзовой комнатке. 85 человек в помещении площадью около 4 квадратных метров!

Русские начали наступать. Мы открыли беглый огонь. Из пулеметов наши солдаты били по вымотанным русским. Кроме этого, в руинах бывшего склада швейных машин, который размещался также на Штригауэр-плац, держали оборону наши саперы. Но противник не намеревался ослаблять свою атаку. Он непременно хотел получить под свой контроль бункер на Штригауэр-плац. Он обрушивал на стены здания груды снарядов и гранат. Бетонная пыль и крошка заполнили все коридоры и вестибюли. Время от времени детонировали установленные внутри бункера военными инженерами взрывные заряды. Захлопнутая стальная дверь, которая отделяла шлюзы от внутреннего помещения, от чудовищного жара выгнулась где-то на 10 сантиметров. Я решился на секунду выглянуть за нее, но не увидел ничего, кроме бушевавшего огня… Молодые солдаты вели пулеметный огонь, смело защищая наше шлюзовое помещение. Некоторые из них были убиты осколками. Многие были тяжело ранены в руки или ноги. Санитары пытались тут же оказать им помощь. Наше пребывание в шлюзовом помещении становилось с каждой минутой все более рискованным. Мы стояли и сидели на нескольких квадратных метрах. Морзянкой мы передали танкистам просьбу высвободить нас. Но на выручку никто не приходил. Как оказалось, у танкиста была повреждена рация. В крохотном шлюзовом помещении мы были со всех сторон окружены русскими.

Неоднократно мы просили командира саперной группы сдать бункер, чтобы нас можно было вызволить из опасного положения. Но каждый раз он отвечал отказом. Он опасался, что это могут расценить как предательство, а стало быть, пострадали бы его родные. Тогдашний режим угрожал любому, кто решался бы покинуть свои позиции. Но тем не менее, как мы знали, комендант крепости сдал Кенигсберг. В итоге один из отчаянных саперов решил действовать вопреки воле командира. Он прикрепил к своему карабину белый платок и попытался им помахать между решетками. Но из этой затеи ничего не получилось. Он еще раз взял соскользнувший со ствола карабина платок и дрожащими руками стал привязывать его снова. Когда мы просовывали его между решеток, его сбило осколком. Нам ничего не оставалось, как сидеть и ждать. Между тем пальба снаружи прекратилась… Должно было случиться чудо, чтобы мы смогли выскользнуть из бункера целыми и невредимыми. Вновь раздался мощный взрыв. Это сдетонировал еще один заложенный в здании заряд. Мы чувствовали, что вся наша одежда и волосы были насквозь промасленными. Внезапно у шлюзов возникло небольшое светлое отверстие, которое быстро увеличивалось. Нас охватила паника. Мы подняли руки и устремились к свету. Многие шли прямо по лежачим на земле раненым. Те кричали и просили помощи. В этот миг каждый спасал только свою жизнь. Прямо на выходе мы попадали в руки русским. Я протиснулся в проем, который был образован в изогнутой решетке, и смог куда-то соскользнуть. Впервые за две недели я увидел дневной свет. В тот же самый момент я услышал, как кричали по-немецки: «Камераден, выходите!». Были ли это действительно немцы или русские, говорившие по-немецки, я не знаю. Выкрик повторился. С поднятыми руками я бросился бежать по направлению к этим голосам. И тут я заметил вырытую на Штригауэр-плац траншею. Я прыгнул в нее и, не опуская рук, бросился в сторону бывшего склада швейных машинок «Зингер». Постоянно спотыкаясь, я все-таки смог добежать до руин. Тут меня встретили немецкие солдаты и указали дальнейший путь».

После взятия Штригауэр-плац и располагавшегося там бункера советские войска смогли проникнуть в так называемый Николаевский пригород. Теперь части Красной Армии почти

полностью контролировали западную часть города. С этого момента стала меняться жизнь в северных районах. 26 апреля Карловиц, северный пригород, почти не тронутый войной, испытал на себе мощь советских бомбардировок. Отзвуком прежних ожесточенных боев стала сводка командования Вермахта от 26 апреля, в которой говорилось:

«Смелые защитники Бреслау отразили все атаки. В образцовом боевом содружестве частей Вермахта, подразделений Фольксштурма и гражданских структур крепость удерживается начиная с 17 февраля, несмотря на превосходство Советов в технике и живой силе».

Об огромных потерях немцев и значительном продвижении советских войск с запада к центру города, видимо, предпочиталось умалчивать. Почти аналогичным образом звучала сводка и за 29 апреля:

«Смелые защитники Бреслау отразили все предпринятые с западного направления мощные атаки, нанеся немалый урон противнику».

Между тем в город проникали пугающие известия. 23 апреля по Бреслау ползли слухи о том, что Герман Геринг был лишен всех званий и отрешен от всех должностей. Впрочем, 29 апреля в крепостной газете была опубликована информация, что Геринг оставил командование силами Люфтваффе «по состоянию здоровья». О том, насколько запутанной была информация, поступавшая в Бреслау, можно было судить по дневниковым записям, которые сделал один из сотрудников больницы Святого Георгия:

«Зарубежные радиостанции приводят сведения о том, что Муссолини со всем своим штабом был арестован собственными же соотечественниками в районе озера Комо. В дальнейшем поступили сведения о том, что свои посты оставили различные немецкие министры: Фрик, Ламмерс. Ходят слухи, что известный радиодиктор подполковник Дитмер с белым знаменем перешел через Эльбу и сдался в плен англичанам. Немецкое радио якобы захвачено противником. Оперативные сводки Верховного командования сухопутных сил Германии с трудом можно услышать только через пражские радиостанции. Геббельса больше не слышно в эфире. Говорят, что Гитлер мертв. От власти отрешен Гиммлер. Он пытался через графа Бернадотта договориться с американцами и англичанами. Он отвергли это предложение. Наши же оперативные сводки приводят только сведения о том, что немецкие части, разделенные Эльбой, устремляются к Берлину, чтобы отбросить от него русских».

Между тем в Бреслау стояла не по-весеннему жаркая погода. Хуго Эртунг, которому мы обязаны многими ценными наблюдениями о жизни осажденного Бреслау, 27 апреля записал:

«25є в тени. Во второй половине дня я поднимаюсь на башню, где устроен наблюдательный пункт. Через перископический бинокль я могу разглядывать территорию за речкой Вайда, которая занята противником. Я вижу оставленные русские самолеты, вокруг которых передвигаются крохотные фигурки: неприятель! Территория между нашими позициями цветет и выглядит достаточно мирно. Кидаю мучительный взор на юг, где виднеются выгоревшие дома и разрушенные башни. Я узнаю водонапорную башню на Вишневой аллее и непосредственно рядом с ней располагающуюся колокольню церкви Святого Иоанна. Между этими строениями когда-то располагалась наша квартира, в которой мы были очень счастливы. Вчера полковник показал мне снимки Гогенцоллерн-штрассе, сделанные во время аэросъемки. Я увидел на них руины нашего дома».

Осада Бреслау шла «семимильными шагами» к своему завершению, но в самой крепости продолжали выносить смертные приговоры «дезертирам». Хуго Хартунг описал в своей книге случай, который произошел 25 апреля 1945 года:

«К нам на командный пункт привели дезертира. Это был ремесленник из Бреслау, отец нескольких детей, который пытался уклониться от ставшей давно уже бессмысленной обороны города, чтобы помочь выжить своей семье. Мужчина прилично выглядел и вел себя подобающе. Когда полковник стал расспрашивать о причинах его поступка, тот не стал отвечать. Он знал, что судьба уже вынесла свой приговор. Допрос превратился в форменное издевательство, когда в дело вступил молодой лейтенант. Он стал поносить мужчину самыми грязными словами, заявляя, что не наго даже жалко тратить пулю… Вечером того же дня этот же самый лейтенант вновь прибыл на командный пункт, чтобы уточнить, приведен ли приговор в исполнение».

Потрясает, что жизнь многих немцев, которые не видели смысла в продолжении войны, закончилась буквально за несколько дней до капитуляции Германии!

День 30 апреля 1945 года был ознаменован в истории Второй мировой войны несколькими событиями. Именно тогда достигли своего апогея бои за Бреслау и Берлин. Именно в этот день советские войска вышли к рейхсканцелярии, которая на протяжении всей битвы за германскую столицу была командным пунктом, откуда отдавал свои приказы Гитлер. Не желая сдаваться советским войскам в плен, в районе 15 часов он застрелился. В своем политическом завещании Гитлер сделал своим преемником гросс-адмирала Денница. 1 мая из ставки фюрера было сделано официальное сообщение:

«Сегодня после обеда погиб фюрер Адольф Гитлер, который во имя Германии до последнего вздоха боролся против большевизма».

Данное сообщение было вдвойне ложным. Во-первых, указывалась неправильная дата смерти. Во-вторых, ни слова не говорилось о самоубийстве Гитлера. Данное сообщение 1 мая 1945 года моментально распространилось по всему Бреслау. Это был явный признак крушения Третьего рейха, которого можно было ожидать со дня на день. В самом Бреслау о смерти Гитлера было объявлено дважды. Огромными буквами в 118-м выпуске «Силезской ежедневной газеты» (фронтовое приложение) от 2 мая 1945 года сообщалось о «геройской гибели» фюрера. Одновременно с этим по частям был распространен приказ генерала Нихофа. В нем, в частности, говорилось:

«Защитники крепости Бреслау! В судьбоносной борьбе немецкого народа героически погиб фюрер. 30 апреля фюрер передал командование своему преемнику гросс-адмиралу Денницу».

Это воззвание в виде желтых плакатов было развешано на всех улицах города.

Как же было воспринято известие о смерти Гитлера в осажденной «крепости»? В документах нашлось лишь два упоминания на данный счет. Конрад Бюхзель записал:

«Эта смерть будет иметь огромные политические и военные последствия».

Напротив, Альфонс Буххольц высказывал весьма скептическое мнение:

«Сообщение о подобном виде смерти вызывает огромные сомнения. Пожалуй, он умер от кровоизлияния в мозг или чего-то подобного».

А далее говорит о преемственности Денница:

«Это назначение предельно абсурдно. Передача ему политической и военной власти является, скорее всего, результатом вынужденных обстоятельств».

По сравнению с голосами из Бреслау, где не знали о самоубийстве Гитлера, звучали и весьма авторитетные мнения. В журнале боевых действий командования Вермахта есть запись относительно бывшего начальника генерального штаба Люфтваффе, генерала Колера, который до 22 апреля находился в непосредственной связи с Гитлером. Так вот, Колер заявил генералу

Христиану, который в аппарате фюрера отвечал за связь:

«Гитлер втянул нас в огромные неприятности, а теперь бросил всех нас, весь народ на произвол судьбы».

Сам Колер записал в своих дневниках:

«Когда ему (Гитлеру) сообщили о том, что директор Лойне со своей женой подорвали себя, а также обер-бургомистр Лейпцига со всей своей семьей совершили самоубийство (в обоих случаях в условиях приближающихся вражеских войск), то он гневно возразил: «Никогда! Это трусливое стремление уйти от ответственности! Я больше никогда не хочу слушать о подобных вещах!». Теперь он сделал то же самое».

В течение нескольких дней жители Бреслау не имели никаких препятствий для того, чтобы слушать иностранные радиостанции (немецкое радио полностью прекратило свое вещание). 1 мая 1945 года Хуго Эртунг записал:

«Теперь все разговоры крутятся только вокруг одного: как мы будем жить дальше после ЭТОГО? В подвалах оперного театра располагалось помещение для караульной службы, там не считали зазорным слушать немецкоязычную службу Би-би-си. Только так можно узнать правдивые новости. Бои за Берлин фактически уже прекратились, американцы взяли Мюнхен и Гармиш. Что же будет с нами?».

Смерть Гитлера фактически ничего не изменила ни в ходе боев за Бреслау, ни условиях жизни мирного населения. Единственное, что произошло в этой связи, так это полная дезориентация партийных функционеров. Уверенность стала покидать их.

После того, как во второй половине апреля 1945 года частям Красной Армии удалось добиться немалого успеха в Бреслау, советское командование предпочло поменять тактику. Вместо артиллерийского огня было решено использовать политическую пропаганду. Призывы, звучавшие из громкоговорителей, раздавались над всеми участкам фронта. Регулярно сообщалось о положении на фронтах, что должно было привести защитников крепости к мысли о бессмысленности продолжения борьбы. В этих условиях генерал Нихоф мог полагаться на себя и свой штаб. С одной стороны, к концу подходили боеприпасы. Но, с другой стороны, советским войскам не удалось пробиться к центру города. Впрочем, в Бреслау уже знали, что столица рейха, Берлин, пал, а стало быть, в ближайшее время советские войска могли получить существенное подкрепление. Тем временем из советских динамиков агитаторы сообщали не только о смерти Гитлера, но и том, что Бреслау выполнило возложенную на него задачу, а потому его защитники были свободны от каких-либо присяг и обязательств. Но не стоило полагать, что советское командование рассчитывало только на силу пропагандистского внушения. В условиях многократного превосходства в боевой технике и живой силе оно не исключало возможности очередного штурма города. Генерал Нихоф прекрасно понимал это. Его соображения были подкреплены предложением майора Хамайстера, командира одного из саперных подразделений. Он предлагал нанести мощный удар по советским позициям на отрезке между Одером и станицей Пёпельвиц. Сам майор считал, что это было единственным выходом из сложившейся ситуации.

Итак, встал вопрос о прорыве из окруженного города. Несмотря на то, что генерал Нихоф считал успех этой операции маловероятным, он все равно втайне от всех отдал приказ майору Отто и полковнику Тизлеру разработать план прорыва советского кольца окружения изнутри города. После нескольких дней работы офицеры доложили коменданту крепости, что прорыв кольца окружения был бессмысленной, безответственной и неосуществимой затеей. Данное наступление захлебнулось бы в крови. Вопреки сохранению секретности данных разработок, среди населения стали распространяться различные слухи. Начался непредвиденный отток населения на юго-запад города. Даже если бы генерал Нихоф решился на прорыв, то в этих районах просто-напросто не нашлось бы места для военных частей – они все были плотно забиты гражданским населением. В этих условиях генерал Нихоф стал склоняться к решению о

возможной капитуляции. После войны он, словно оправдываясь, говорил, что это решение было продиктовано не его слабостью или нерешительностью, но заботой о судьбах вверенных ему людей. Но даже это решение надо было принять в полной тайне, так как в противном случае город рисковал погрузиться в хаос. Важной задачей было навязать советскому командованию условия почетной сдачи города. Для начала по частям был распространен приказ:

«Я продолжаю оставаться Вашим командиром! Призываю в этот трудный час доверять мне как самим себе! Вы должны знать, что я выберу путь, который является лучшим для Вас».

В эти критические часы генерал Нихоф связался с Шёрнером, который к тому моменту уже стал фельдмаршалом. Он напомнил ему, что тот еще два месяца назад обещал *«протянуть руку помощи»* и прорвать блокаду города. Нихоф доложил о выполнении отданного ему приказа, после чего сообщил о намерении капитулировать. Первая реакция Шёрнера оказалась весьма странной. Он обещал деблокировать город! Он призывал Нихофа сражаться за каждый дом до последнего патрона. При этом фельдмаршал ожидал от генерала Нихофа, что тот сохранит клятву верности уже мертвому фюреру.

Между тем, в оперативных сводках Верховного командования Вермахта от 1 мая 1945 года значилось:

«Героические защитники Бреслау вновь отразили все атаки большевиков».

Теперь население жило в постоянно напряжении и ужасе от того, что ожидало его в будущем. Впрочем, хоть каким-то утешением было то обстоятельство, что продолжалось скудное снабжение продуктами. Их распределение продолжало осуществляться в том числе через продуктовые магазины. Но для того, чтобы получить эти продукты, надо было проделать небезопасный путь, а затем отстоять длинную очередь, что в условиях постоянных обстрелов и бомбежек было также небезопасным занятием. Нормализации ситуации в этом направлении отнюдь не способствовало, что оба человека, отвечавших за снабжение гражданского населения продуктами (Бленн и Лопоч) оказались убитыми осколками от разорвавшихся бомб. Город замер в мучительном ожидании.

Глава 9. Финал трагедии

Последние дни осады Бреслау ознаменовались многократно усилившимися бомбардировками города. Советские самолеты совершали воздушные налеты уже посередь белого дня. Это была авиация, которая высвободилась после падения Берлина. По сведениям Эрнста Хорнига, только за первые числа мая 1945 года в городе погибло не менее тысячи мирных жителей.

В этом положении, которое всем казалось безвыходным, общим девизом стали слова, записанные одним из жителей в своем дневнике:

«Так как нам более никто не может помочь, то все стали взывать к Всевышнему».

Факт остается фактом: в эти дни множество солдат стали посещать храмы, не делая различия, были ли они католическими или евангелистскими.

В этой связи весьма примечательна запись, сделанная Хуго Хартунгом:

«Теперь лейтенант из штаба роты, который неприятно отличился во время допроса пожилого дезертира, закрыл семинарскую часовню, куда стали ходить молиться солдаты. Перед дверями в нее он возвел баррикаду из скамеек. На все упреки он цинично заявлял: «Тот, кому надо помолиться, с таким же успехом может сделать это и в нужнике»».

3 мая центр города подвергся самому сильному обстрелу за все время осады. В эти трагические дни погибло очень много детей. Они, привлеченные солнечной погодой, почти во всем городе покидали подвалы.

Обернувшись назад, надо отметить, что 2 апреля капитулировал город Глогау, который считался в Силезии кроме Бреслау единственной крепостью, которая продолжала оказывать сопротивление советским войскам. К первым числам мая Бреслау стал единственным крупным городом в Германии, который до сих пор не сдался союзническим войскам. Он был последней «крепостью» уже по сути исчезнувшего рейха. В этих условиях солдаты Вермахта и минные жители давно уже спрашивали себя: имело ли смысл продолжать бессмысленную оборону города, каждый день которой приносил все новые и новые жертвы?

В первые майские дни 1945 года свое слово решили сказать представители двух немецких христианских конфессий – католики и евангелисты. Риск возможных переговоров священнослужителей и коменданта крепости заключался в том, что до сих пор продолжал действовать приказ Верховного командования Вермахта, согласно которому любые лица, склоняющие комендантов к сдаче крепостей «противнику», должны были быть немедленно расстреляны. Данный приказ звучал следующим образом:

«Верховное командование Вермахта провозглашает: города являются важнейшими транспортными узлами. По этой причине они должны удерживаться до самого конца, не принимая во внимание ни обещания, ни угрозы, которые поступают как от парламентеров противника, так и через вражеские громкоговорители. Назначенные в каждом городе коменданты лично отвечают за исполнение данного приказа. Если же выполнению их воинского долга пытаются воспрепятствовать некоторые гражданские или должностные лица, равно как и сами коменданты отказываются от выполнения данного долга, то они приговариваются к смерти. Случаи, когда можно прекратить оборону городов, устанавливаются исключительно Верховным командованием Вермахта.

Начальник Верховного командования Вермахта Кейтель

Рейхсфюрер СС Гиммлер

Руководитель партийной канцелярии Борман».

Принимая во внимание данный приказ, священникам Бреслау нельзя было отказать в определенном мужестве. Встреча с генералом Нихофом была назначена на 11 часов 4 мая. Как

вспоминал Эрнст Хорниг, который всходил в состав этой делегации:

«Накануне ночью никто из нас не мог заснуть».

Священники отправились в путь загодя, в 10 часов, но попали под обстрел. Далее они не могли двигаться. Было решено вновь собраться в 12 часов. В районе 13 часов за священнослужителями прибыла специальная машина, которую направил генерал. Только после этого церковной делегации удалось попасть в здание Государственной и университетской библиотеки на Песчаном острове, где в одном из подвалов располагался штаб коменданта крепости. На встрече присутствовали со стороны военных – сам генерал Нихоф, его адъютант подполковник Тизлер и майор Отто, от католиков – епископ Ферхе и настоятель Крамер, от евангелистов – Эрнст Хорниг и декан Конрад. Слово было предоставлено Эрнсту Хорнигу. Он стал живописать ужасы боев, которые были уже бессмысленными. Отдельно он подчеркнул бедственное положение мирных жителей, потери среди которых ежедневно составляли не менее сотни человек. Свое выступление Хорниг закончил вопросом, адресованным генералу Нихофу:

«Можете ли Вы в этих условиях перед лицом Всевышнего взять на себя ответственность за продолжение обороны города?»

В подвале повисло глубокое молчание. Генерал Нихоф, по словам очевидцев, молчал около минуты, а затем произнес:

«Ваши заботы – это мои заботы. Вы можете сказать, что мне надо делать?»

В последующей беседе священники, отбросив всякие опасения, высказали мнение, что единственным выходом из сложившейся ситуации является сдача Бреслау советским войскам. На это генерал Нихоф возразил:

«Я нахожусь в подчинении фельдмаршала Шёрнера. Он приказывает нам организовать прорыв. В этих условиях мы должны будем собрать все мирное население в центре города».

Эрнст Хорниг, бывший в годы Первой мировой войны лейтенантом, стал протестовать:

«При таком соотношении сил прорыв линии окружения закончиться кровавой бойней. Если не может спастись Вермахт, то о гражданском населении и говорить не приходится. Женщины с детьми не способны на длительный переход».

Подумав, генерал заметил: *«Эсэсовские части никогда не сдадутся в плен». «Тогда пусть они идут в прорыв на собственный страхи риск»* , – парировал Хорниг. Беседа фактически закончилась ничем. Конкретного решения не было принято. Но генерал Нихоф пообещал священникам огласить его в ближайшее время.

Вторая встреча состоялась тем же днем ближе к вечеру. При этом на нее приглашался только Эрнст Хорниг. Он должен был дать офицерам Бреслау справку о состоянии гражданского населения. Когда тот прибыл в подвал, то обнаружил, что там собралось около 25 офицеров (в том числе эсэсовцев). Генерал Нихоф попросил Хорнига: *«Расскажите господам офицерам то, что Вы поведали мне днем».* Хорниг, по собственным же словам, обомлел – говорить эсэсовцам в сдаче города было огромным риском. Он смог лишь выдавить из себя: *«Господин генерал! Могу ли я быть сейчас столь же откровенным, как и ранее?».* Генерал ответил: *«Более того, я бы просил Вас быть столь же откровенным»* . Евангелический священник вновь повторил всё сказанное несколько часов назад. Генерал пожал ему руку: *«Благодарю Вас, большего от Вас я и не хотел»* . Далее военный совет продолжался уже без присутствия Хорнига. Судя по всему, генерал Нихоф хотел убедить всех офицеров в принятии единого решения, которое бы устраивало абсолютно всех. В итоге в 17 часов два немецких парламентера были направлены на угол улицы СА (императора Фридриха Вильгельма) и улицы

Виктории. Два офицера с белых флагом должны были дать частям Красной Армии сигнал о начале переговоров.

В одной из своих книг немецкий исследователь Г. Кнопп отмечал:

«Советские войска несколько дней не обстреливали город, давая окруженным последний шанс на добровольную капитуляцию. Однако защитники не воспользовались возможностью сохранить многие человеческие жизни. Лишь в начале мая немецкие парламентеры подняли белый флаг».

Среди них находился Артур Гроссман. Подростки из Гитлерюгенда пытались помешать им:

«Мы были отчетливо видны всем с нашим белым флагом. Мы пошли на другую сторону вести переговоры. Нам пришлось идти мимо позиций Гитлерюгенда. Для них наш поступок был совершенно неприемлем. Они не хотели сдаваться. Они кричали нам, что будут воевать дальше и никогда не капитулируют. Конечно, у нас было неприятное чувство опасности, но они ничего не могли нам сделать. У нас был приказ. Они просто встали у нас на пути и не пускали дальше. Мы вызвали их командира батальона. Потом связались по телефону с командованием. Генерал переговорил с командиром. Лишь тогда под крики и ругань гитлерюгендовцев мы смогли продолжить свой путь. На обратном пути мы вновь столкнулись с проявлениями недовольства. Они обзывали нас предателями и трусами. Они снова кричали, что будут биться дальше. Среди этих криков особенно выделялся один тенор».

В этот момент в дело вмешался гауляйтер Ханке, который продолжал придерживаться лозунга: *«Мы никогда не капитулируем!»* . Тем же вечером он появился у генерала Нихофа и стал предъявлять ему всевозможные обвинения. На следующее утро, 5 мая, крепостная газета вышла с призывом не поддаваться пораженческим настроениям. Впрочем, в ней не было никаких конкретных обвинений.

Как известно из воспоминаний генерала Нихофа, в ночь с 4 на 5 мая у него состоялся непростой разговор с Ханке. Гауляйтер, ставший к тому моменту уже рейхсфюрером СС, отверг предложение военного покончить с собой. Также он отверг предложение получить подложные документы на имя рядового Майера, что могло позволить ему затеряться в толпе солдат. В итоге гауляйтер предпочел покинуть город на имевшемся в его распоряжении самолете «Физелер-Шторьх» («Аист»). О том, что гауляйтер покинул Бреслау тайно, не поставив в известность свое окружение, говорят два факта. Во-первых, утром 6 мая из бункера, где располагался штаб Ханке, не раз по телефону у генерала Нихофа интересовались его местопребыванием. Во-вторых, в тот же самый день в штаб коменданта крепости прибыл офицер, который должен был уточнить ту же самую информацию о Ханке.

Чтобы понять поведение Ханке, надо обратиться к событиям последних дней апреля 1945 года. Ханке еще «руководил» обороной Бреслау, когда Гитлер узнал о переговорах Генриха Гиммлера с союзниками. Обвинив Гиммлера в государственной измене, Гитлер в своем завещании 29 апреля 1945 года назвал его преемником на посту рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Карла Ханке. Российский исследователь К. Залесский отмечал, что теоретически Ханке также должен был получить, как руководитель СС, ранг рейхсляйтера, однако особого приказа об этом отдано не было. Подобное решение было лишь эмоциональным порывом: Гитлер выбрал на пост руководителя СС наиболее энергичного партийного деятеля НСДАП, который не потерял волю к сопротивлению и показал себя решительным и жестоким политиком, готовым защищать Германию до последней капли крови своих подчиненных. При том, что постоянно приходили сообщения о том, что иерархи Третьего рейха предпринимали попытки спастись, действия Ханке были для фюрера «лучом света в темном царстве». В принципе решение Гитлера не значило ничего: во-первых, он уже не имел возможности обеспечить передачу полномочий от Гиммлера к Ханке; а Гиммлер располагал в Германии значительными подчиненными ему лично силами СС и полиции, аппарат СС сохранял ему верность – насколько это было возможно в условиях надвигавшегося хаоса. Во-вторых, Ханке

был полностью занят организацией обороны Бреслау и просто физически не мог приступить к исполнению обязанностей и тем более организовать хотя бы какое-нибудь управление огромной «империей СС». В-третьих, у Ханке (несмотря на высокий эсэсовский чин) не было никаких позиций и поддержки в СС, он был не функционером СС, а партийным функционером, а отношения между партией и СС с каждым годом становились все напряженнее. Его кандидатуру высшие иерархи СС серьезно не рассматривали, тем более, что в случае отставки Гиммлера в СС были свои кандидатуры.

Улетев из Бреслау, Ханке прибыл в штаб-квартиру командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Фердинанда Шёрнера, а оттуда отправился в Прагу, где планировалось организовать отчаянное сопротивление наступавшим советским войскам. Однако выяснилось, что в Праге ему делать абсолютно нечего. Тогда Ханке принял решение пробираться во Фленсбург, где размещалось новое правительство Германии и штаб-квартира гросс-адмирала Карла Дёница, которого Гитлер назначил своим преемником. Это решение было обусловлено тем, что Ханке в соответствии с завещанием Гитлера все же официально являлся высшим государственным чиновником – шефом германской полиции, и его пребывание вместе с правительством было вполне обоснованно и давало определенную надежду на будущее. (Ханке, как и многие другие члены правительства, рассчитывал, что западные союзники признают правительство Дёница и оставят его во главе Германии.) Первая неудача ожидала Ханке на аэродроме, где его охрана столкнулась с чешскими партизанами и была вынуждена отступить. Самый быстрый способ добраться до севера Германии оказался отрезанным. Ханке решил пробиваться через Карлсбад. Он сформировал небольшую боевую группу из остатков 18-й добровольческой моторизованной дивизии СС «Хорст Вессель» и вышел из Праги. Однако его небольшая группа была окружена чешскими партизанами у Нойдорфа, близ Комотау (чешское название Нова Вес), что в районе Пльзеня, и 6 мая 1945 года сдалась в плен. Ханке также был захвачен в плен – он был в полевой форме СС без знаков различия, кроме того, он не имел документов, которые бы свидетельствовали о его высоком положении. Если бы партизаны знали, что в их руки попал сам рейхсфюрер СС, возможно, Ханке бы удалось сохранить жизнь, и вполне возможно, что после войны он не был бы осужден к смертной казни (хотя, конечно, никакой гарантии этому не было). Но Ханке сохранил инкогнито, а затем – 8 мая 1945 года – предпринял попытку бежать. Это попытка провалилась, и Ханке был застрелен партизанами.

И если Ханке только спасал свою жизнь, то совершенно иной путь выбрал фактический создатель Фольксштурма в Бреслау обергруппенфюрер СА Херцог. Он предпочел добровольно уйти из жизни. Сам Херцог полагал, что Бреслау должен был продолжать борьбу. Подобное мнение опиралось не столько на национал-социалистический фанатизм, сколько на мнение, что в ближайшее время западные державы должны были начать войну против СССР. Согласно планам высокопоставленного штурмовика, в этой борьбе «запада» и «востока» Бреслау должен был сыграть если не ключевую, то как минимум очень важную роль.

Если говорить о конкретных результатах переговоров, которые были достигнуты 4 мая, то можно было отметить, что в 16 часов 50 минут (то есть до расширенного офицерского совещания у Нихофа) немецкие части прекратили любой огонь. Вскоре после этого огонь был прекращен и частями Красной Армии. По городу стали тут же распространяться слухи о том, что начаты переговоры с советским командованием. Многие надеялись, что их страданиям был положен конец. 5 мая 1945 года, которое приходилось на субботу, стало для жителей Бреслау днем напряженной неизвестности. Но к полудню советская авиация и артиллерия вновь начали обстреливать город. Из советских громкоговорителей было объявлено, что генерал Нихоф отказался от условий почетной капитуляции. Возможно, это было связано с тем, что действия Ханке сорвали намеченное еще 4 мая перемирие. В любом случае, 5 мая крепостная газета Бреслау вышла под заголовком *«Сопротивление Советам продолжается»* . В ней рассказывалось не только о перемирии в Голландии и Дании, но также приводились слова о том, что *«крепость Бреслау отвергла предложение Советов о капитуляции»*.

Сам генерал Нихоф собрал во второй половине 5 мая еще раз всех командиров, чтобы огласить свое решение о сдаче города. Он произнес:

«Я пригласил Вас, чтобы огласить свое окончательное решение. То, что было сделано Вами, вашими солдатами и гражданским населением, не требует отдельного описания. История сама вынесет когда-нибудь свой приговор. Гитлер мертв, Берлин пал. Союзнические войска с запада и с востока проникли в самое сердце Германии. Более нет никаких предпосылок для того, чтобы продолжать борьбу за Бреслау. Каждая последующая жертва является преступлением. Я имею решительное намерение прекратить бои и сдать город неприятелю на почетных условиях. Последний патрон выпущен, и мы, как того требовал от нас закон, выполнили свой воинский долг».

Генерал Руфф, который из всех присутствовавших офицеров имел самый длинный послужной список, от лица командиров крепости выразил согласие и поблагодарил генерала Нихофа. После этого командование 17 армии радиограммой было уведомлено о предстоящей капитуляции крепости.

5 мая 1945 года генерал Нихоф в последний раз собрал командиров всех частей гарнизона для того, чтобы зачитать им телеграмму, пришедшую от командования 17-й армии. Она была не лишена определенного горестного пафоса, но в любом случае в ней говорилось:

«Германия скорбно склоняет свои знамена перед лицом мужества и стойкости, явленного солдатами и жителями Бреслау».

Решение о капитуляции было доложено советскому командованию вечером 5 марта. Хуго Эртунг вспоминал:

«Вечером над городом из русских громкоговорителей звучали сообщения о предстоящей капитуляции. Они перемежались музыкой. Этой ночью над русскими позициями в воздух взлетало множество ракет и очередей трассирующими патронами – это был фейерверк победителей».

Утром 6 мая в районе 8 часов два немецких офицера на «южном» фронте с белым флагом направились к советским позициям. Они объявили о том, что комендант крепости согласен с прекращением борьбы, если капитуляция произойдет на почетных условиях. Но справедливости ради скажем, что Нихоф не имел никаких козырей и не мог фактически определять условия сдачи города. Один из парламентеров, оберлейтенант Гроссман, вечером того же дня рассказал консисторскому советнику Бюхзелю о том, что *«русские приняли его и сопровождавшего переводчика очень хорошо и даже по-дружески накормили».* Условия сдачи города оказались весьма благоприятными для немцев. Но на обратном пути случился неприятный инцидент. Немецкие парламентеры наступили на немецкую же мину. Переводчик был тяжело ранен, но оберлейтенант Гроссман отделался лишь небольшими царапинами.

6 мая 1945 года в Бреслау было на редкость солнечным воскресным днем. Люди на улицах, обрадованные впервые за несколько месяцев замолчавшей канонадой, были одеты в самые лучшие костюмы, что могли найтись в их скудном гардеробе. В этот день Эрнст Хорниг был вновь вызван к генералу Нихофу. Генерал встретился со священником. В его действиях чувствовалась некая суетливость. Нихоф сам объяснил ее:

«Ваша просьба выполнена. Я сдаю город и немедленно направляюсь к русским. Позаботьтесь о том, чтобы население в городе сохраняло железную дисциплину».

После этого генерал попрощался. Сам Хорниг был немало удивлен, когда встретил в коридоре штаба двух советских офицеров, которые, судя по всему, ожидали Нихофа. Когда они увидели Хорнига и сопровождавшего его католического викария Ферхе в облачении, то тут же вытянулись. Ферхе благословил их крестным знамением, советские офицеры в ответ склонили головы.

6 мая комендант крепости направил двух офицеров-парламентеров, которые должны были обеспечить связь с советским командованием. Только после этого генерал Нихоф направился,

чтобы начать личные переговоры с генералом Глуздовским. В ходе них были выработаны определенные условия капитуляции Бреслау, которые были оформлены командованием 6-й советской армии отдельным документом:

«Господину коменданту крепости Бреслау,

генералу пехоты Нихофу.

В соответствии с Вашим согласием относительно почетной сдачи Вашей окруженной крепости и ее гарнизона, я предлагаю Вам следующие условия:

1. Все войска, находящиеся в Вашем подчинении, прекращают любые боевые действия 6.5.1945 с 14 часов по московскому времени (с 13 часов по немецкому времени).

2. Вы сдаете весь личный состав, вооружение, боевую технику, транспортные средства, инженерные сооружения неповрежденными.

3. Мы гарантируем Вам, всем Вашим офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь, питание, сохранность личной собственности и наград, а после окончания войны – возвращение на родину. Всем офицерам разрешается ношение холодного оружия.

4. Всем раненым и больным будет оказана немедленная медицинская помощь за счет наших средств.

5. Всему гражданскому населению гарантируется безопасность и нормальные условия жизни.

6. За Вами лично и другими генералами сохраняются персональные автомобили и обслуживание, так же как и соответствующее обслуживание генералов в плену.

Командующий 6-й русской[25] армией

1-го Украинского фронта генерал Глуздовский

Начальник штаба генерал-майор Панов

6 мая 1945 г.»

Генерал Нихоф, кроме всего прочего, был весьма доволен тем обстоятельством, что в представленных ему условиях отсутствовали какие-либо особые упоминания о формированиях Ваффен-СС.

«К условиям сдачи крепости я еще добавил гарантии для всех солдат и офицеров, в том числе Ваффен-СС, которые принимали участие в ее обороне».

Впрочем, эти гарантии были лишь письменными. Так, например, командир 609-й дивизии Руфф, в свое время бывший комендантом Риги, был повешен. Большинство же защитников Бреслау провели в советских лагерях не менее десяти лет. В немецкой литературе много писалось и пишется по сей день о произволе, творимом красноармейцами после занятия Бреслау. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов слова генерала Нихофа о том, что генерал Глуздовский вел себя всегда предельно корректно. О сдаче крепости вспоминал неоднократно упоминавшийся нами лейтенант Хартман.

«6 мая, в день капитуляции Бреслау, мы снова встретились с моим экипажем на Ян-штрассе. Мы направлялись на Берлинскую улицу к командному пункту моего взвода, когда был объявлен приказ о прекращении огня. Можно было стрелять, если бы только русские продолжили атаки. Однако все было очень спокойно. Во второй половине дня в соответствии с приказом мы покинули наши позиции и в последний раз проехались на танках по улицам Бреслау. Было воскресенье. Это был удивительно хороший весенний день. Но мы не радовались. Больше не раздавалось выстрелов, а гражданское население высыпало на улицы. Какая-то пожилая женщина крикнула нам: «Несчастные солдаты! Теперь Вы попадете в плен!». Во дворе судебной тюрьмы наш командир построил роту и объявил о капитуляции. У многих на глаза навернулись слезы. Вечером того же дня моторы наших машин вышли из строя. Мы не успели проехать и квартала, как из-за перегрева в моторах заело поршни. Согласно условиям капитуляции мы не могли уничтожать технику. Ночью в город вошли русские. Уже в

[25] Так значится со всех немецких документах.

понедельник, 7 мая 1945 года, наша рота маршировала по Франкфуртской улице мимо танка «Иосиф Сталин», который в прошлом был подбит нами. Впереди нас ожидала тьма и многолетний плен, из которого на Родину вернулись далеко не все».

В ходе переговоров об условиях сдачи Бреслау было выдвинуто требование о том, что советские войска вступят в Бреслау 6 мая 1945 года в 21 час. Генерал Нихоф пытался возразить, что это был слишком близкий срок, чтобы успеть распространить его приказ об условиях капитуляции по частям. Генерал хотел направиться с подписанными условиями капитуляции обратно в Бреслау, но это вызвало возражения у комиссара армии. Он потребовал, чтобы все мероприятия по подготовке к капитуляции осуществлялись по телефону прямо из виллы. В итоге было решено, что подписанный сторонами текст условий будет доставлен в Бреслау майором Отто. Дальнейшая судьба генерала Нихофа складывалась во многом драматично. Сначала по удобному поводу его направили в «политический лагерь» в Красногорск. В итоге, несмотря на «почтенные условия капитуляции», генерал провел в советских лагерях более 10 лет. После своего возвращения в Германию он не раз высказывал мнение, что «ошибочно поверил генералу Глуздовскому», так как условия капитуляции были нарушены уже в 1946 году.

Если говорить о самом входе советских войск в Бреслау, то в 21 час 6 мая 1945 года это не было массовым явлением. Поначалу на улицах стали появляться лишь советские офицеры, в частности, в Николаевском пригороде. Собственно войска вошли в город уже ближе к полуночи. Первые офицеры Красной Армии, которые появились на улицах Бреслау, по воспоминаниям очевидцев, вели себя осторожно и даже вежливо. Нет никаких сомнений в том, что они пытались наладить контакт с местным населением. Собственно, настороженность была оправданной. Местное население, опасаясь голода, начало растаскивать провиант. Кроме этого комендатура крепости решила уничтожить все запасы алкогольной продукции, чтобы тем самым обезопасить жителей от пресловутого «пьяного насилия русских». Вино, пиво и шнапс выливались прямо в сточные канавы, которые превращались в винные реки.

Поначалу в городе было достаточно тихо. Хорниг вспоминал, что около часа ночи стал слышен гул голосов и топот множества сапог. Части Красной Армии вступали в город с различных направлений. Они должны были встретиться где-то у Кольца. После этого момента город наполнился «русским ликованием», которое многим немцам напоминало новогодние праздники, проходившие в Бреслау до войны.

В послевоенной Западной Германии вышло множество книг, в которых живописались эксцессы на занятых советскими войсками территориях. В книге Гюнтера Бедекера «Горе побежденным» есть отрывок, который посвящен Бреслау: «И через три недели после падения крепости Бреслау руины продолжали дымиться. То там, то здесь ветер раздувал тлеющие угли в языки пламени. Над городом витал запах запустения и смерти. Во время осады погибло 40 тысяч мирных граждан. Многие не были погребены, многие лежали в подвалах обрушившихся домов. Через руины и обломки вели еле заметные тропы. По большей части улиц невозможно было пройти, а часто невозможно было их узнать. В этой пустыне в конце мая 1945 года торговец недвижимостью житель Бреслау Б.Ф. искал свое жилище. Он рассказывал:

«Дом моего сына был сровнен с землей. Восемь из принадлежавших мне домов постигла та же участь. По углам улиц на стульях сидели русские солдаты. То там, то здесь, развлекаясь, они стреляли вдоль улиц из автоматов. Наша квартира и моя родина, все, все было стерто навсегда и бесследно»».

Во многие дома, которые не были повреждены войной, вселились русские солдаты и офицеры. В руинах Бреслау, в подвалах и развалинах, поселились тысячи женщин, детей и стариков. Большинство из них ходили в лохмотьях и ночевали где-нибудь на разодранных матрасах. Дни они проводили в поисках пищи. Голод царствовал в Бреслау. Немцы – женщины, дети, старики – обыскивали развалины, переворачивали камни в разрушенных квартирах, откладывали в сторону балки, залезали в подвалы. Они искали консервы, испорченный, заплесневелый хлеб, но часто после долгой тяжелой работы, освободив вход в очередное помещение, они натыкались на трупы. Голодающих немцев сразу же после капитуляции

русские направили на так называемые исправительные работы. Многие женщины, мужчины и старшие дети по многу часов в день своими руками очищали улицы от обломков. Среди них было много тех, кто два месяца назад был вынужден расчищать взлетную полосу для гауляйтера Карла Ханке. Житель Бреслау В.Ф. сообщал:

«Эти женщины, одетые в лохмотья, уже мало походили на женщин. Они были абсолютно не ухожены. Несмотря на это, они постоянно подвергались произволу солдат».

Война закончилась, но насилие продолжалось. Житель Бреслау железнодорожный служащий Адольф Вальда слышал, как ночью над Бендерплац гремели выстрелы:

«Русские солдаты охотились на женщин».

А торговец недвижимостью Б.Ф. сообщал:

«Как только темнело, во мраке раздавались крики женщин о помощи, и повсюду царил ужас. Мать не могла защитить дочь и наоборот. Впрочем, были и женщины, добровольно принимавшие советских офицеров, готовившие им пищу, обстирывавшие их и обшивавшие. За это они получали продукты».

В общественном госпитале Бреслау по приказу советской комендатуры была оборудована станция для женщин с венерическими заболеваниями. Торговец недвижимостью Б.Ф.:

«Перед госпиталем стояла очередь, достойная жалости».

Часто оставшиеся в Бреслау немцы командировались русскими на различные работы, которые выполнялись с особой горечью: они должны были вытаскивать остатки того, что война оставила им в подвалах и квартирах, складывать по краям улиц, а потом грузить на советские машины. Свидетель В.С. писал:

«Непрерывно приезжали русские и требовали предметы на вывоз, например, пианино, швейные машинки, гардеробы, спальные гарнитуры, велосипеды, пишущие машинки».

Высоко нагруженные, советские грузовики двигались к вокзалу. Там добычу перегружали в вагоны и отправляли в Россию. В Бреслау русские, как и во всей Восточной Германии, с чрезвычайной основательностью преследовали цель вывезти по возможности все, что представляет какую-либо ценность, к себе, прежде чем они передадут власть Польше.

1 июля 1945 года во главе городского управления встал польский гражданский комиссар. Будни немцев в силезской столице стали невыносимыми. Житель Бреслау Х., которого русские после оккупации назначили окружным бургомистром, сообщал:

«К злоупотреблениям русских оккупационных властей добавился теперь произвол вооруженных польских молодчиков совершенно других мотивов, полностью понятных нам, антифашистам, если они не затрагивали нас самих… Все же и здесь проявились положительные силы русской военной администрации, русская военная комендатура часто откликалась на просьбы и предоставляла охрану и защиту от насилия со стороны поляков».

Польские банды, как вспоминает обойщик Георг Фрич из Бреслау, взламывали склепы городского кладбища и выбрасывали гробы. Затем уютно размещались в склепах на жительство. Из склепов они совершали разбойничьи вылазки, а в кладбищенских стенах прятали свою добычу. Одного немецкого пастора ограбили во время похорон, бандиты у могилы сняли с него ботинки.

«Сначала, – сообщал окружной бургомистр Х., характеризуя отношения между поляками и советскими солдатами, – когда русским стало известно, что Бреслау и Си-лезия становятся польскими, они поджигали целые жилые кварталы в бешенстве от того, что они клали свои жизни за завоевание этой земли и этого города, а теперь плоды их победы оспариваются бандой мародеров, корчащих из себя таких победителей, которых прежде них не бывало. Даже несколькими неделями позже, когда отношения успокоились, то здесь, то там можно было увидеть занимающиеся огнем дома, подожженные русскими».

Вооруженная польская милиция была авангардом польского гражданского населения, которое теперь, через несколько недель после принятия гражданской власти новыми хозяевами, устремилось в Бреслау. Немцы должны были уступать им место, оставлять квартиры, сдавать предприятия. Торговец недвижимостью Б.Ф. и его жена были изгнаны из квартиры, которую они с большим трудом снова кое-как смогли обжить. К ним пришли солдат и гражданский: *«Солдат направил мне в грудь автомат и сказал: «То же самое, что немцы делали в Польше. Даю семь минут времени, теперь шесть, теперь пять!..»* Торговец пожаловался польскому бургомистру. Бургомистр ответил: *«Для немцев больше нет собственности!»*.

Лишенные собственности и бесправные жители Бреслау нищали день ото дня. Не было продовольствия и медикаментов. Поляки утвердили размер хлебного пайка для немцев в два фунта на десять дней. И даже это количество часто не выдавали. Немцы в Бреслау голодали. В польских магазинах в Бреслау были горы хлеба и мяса, но за них надо было платить польские деньги, а немцы были вынуждены работать вообще бесплатно. В аптеках, перешедших к полякам, стоимость одной таблетки аспирина составляла десять-пятнадцать марок.

Над многими подвалами, где обитали немцы, и в окнах многих домов, где еще жили немцы, летом 1945 года висели куски желтой ткани – сигналы эпидемии. Они запрещали входить в подвал или в дом. Начался тиф, свирепствовавший повсюду. Болезнь унесла бесчисленное множество ослабленных и голодающих немцев.

Торговец недвижимостью Б.Ф.:

«Новорожденные дети почти без исключения были приговорены к смерти. Матери не могли успокоить детей, так как для них самих не было никакого пропитания. К тому же не было никакой воды для мытья, никакого белья и никакого ухода, так как большинство женщин должны были исполнять исправительные работы. Завернутое в тряпье, разумеется, без гроба, такое невинное создание закапывали на кладбище безо всяких формальностей».

Нужда росла, и часто изголодавшиеся, исхудавшие, одетые в лохмотья немецкие женщины, мужчины и дети с миской в руке шли в те места города, где стояли русские полевые кухни. Вид побежденных вызывал у победителей жалость. Торговец недвижимостью Б.Ф. с благодарностью вспоминал:

«Иногда повара давали половник каши и бульона, а кому посчастливилось, получал кость с чем-нибудь на ней и хлеб. Я тоже много раз подходил со своим чайником. «Давай, старик, подходи», – подзывали меня и наливали полную посудину. Для нас это было спасением».

Если принять во внимание эти сведения, то нет ничего удивительного, что Силезия в целом и окрестности Бреслау в частности были одним из очагов послевоенного напряжения. Через несколько дней после того, как война уже закончилась, в город прибыли польские войска, в том числе сорок милиционеров, которые должны были поддерживать порядок в разрушенной крепости. Один из них вспоминал позже:

«Сначала одной из наших задач являлось очистить территорию от остатков гитлеровских войск. Чтобы выполнить ее, мы организовывали по ночам засады на дорогах. Каждую ночь в отделение милиции мы доставляли по несколько эсэсовцев, служащих гестапо и бандитов».

Этот польский милиционер несколько приукрашивал ситуацию. Большинство этой работы выполняли советские войска. Поляки, как правило, не отходили далеко от милицейских

участков, наивно полагая, что партизанские вылазки и немецкое сопротивление закончатся как-нибудь сами собой. До середины лета Бреслау фактически не имело прямого контакта с Варшавой. Причиной этого были постоянные обрывы телеграфных и телефонных кабелей, которые осуществляли немецкие партизаны – «вервольфы». Кроме того, польские отряды и администрация города испытывали явный недостаток квалифицированных кадров. Именно по этой причине они зависели от немцев, которыми стали верховодить германские коммунисты и члены «Антифа» («Антифашистского действия»). Но даже усилия немецких коммунистов в деле подавления сопротивления «вервольфов» не находили широкой поддержки у местного населения.

Казалось, что поляки вообще не были способны на любую продуктивную деятельность. В дело пришлось вмешаться маршалу Рокоссовскому. По его инициативе в город была выслана бригада НКВД, которая должна была окружить, а затем прочесать город. Любой пойманный с оружием в руках или заподозренный в пособничестве «вервольфам» расстреливался на месте. Подобные методы борьбы с нацистским сопротивлением тут же подтолкнули польские власти к множеству злоупотреблений. Если верить официальной статистике, то польские милиционеры выносили в день по тридцать-сорок обвинений «поджигателям». Могло показаться, что в Бреслау действительно существовала разветвленная сеть «вервольфов». Но есть и более простое объяснение – поляки пытались завладеть чужой собственностью, а потом под любым поводом избавлялись от ее хозяев. По сути, они сами провоцировали поджоги, дабы и дальше проводить репрессии среди немцев. В итоге даже месяц спустя после окончания войны город был объят пожарами.

Но это не значило, что в городе не было реальных вылазок «вервольфов». Накануне падения города команды «вервольфов» бродили по городу, отравляя алкоголь и продовольствие, полагая, что они достанутся бойцам Красной Армии. Помощник бургомистра активно участвовал в подготовке партизанских вылазок. По его инициативе обустраивались подземные ходы, которые имели бронированные двери, ведшие в подземелья из подвалов полуразрушенных домов. По меньшей мере несколько вылазок было предпринято из недр подобных подземелий. Во время одной из них были убиты два советских офицера. В другом случае польский милиционер смог спастись, вовремя бросив в подземелье гранату. Во время третьей вылазки завязалась перестрелка. Немецкие партизаны были ликвидированы, но в ходе боя были убиты и ранены двенадцать польских милиционеров.

В середине лета 1945 года польские власти все-таки решили навести порядок в Бреслау и его окрестностях. Поводом для этого стала новая волна нападений «вервольфов», которые, как казалось советскому руководству, были уже уничтожены. 17 июля был застрелен польский солдат, патрулирующий улицы города. Месяц спустя на улицах Бреслау в засаду попали четверо красноармейцев. Где-то в то же время немецкий партизанский отряд напал на пост польской милиции. Поляков от неминуемой гибели спасли вовремя подоспевшие красноармейцы. В пригороде Бреслау «вервольфам» удалось добиться своей цели – они уничтожили милицейский участок. Затем нападавшие отступили в местную деревушку, где сожгли несколько домов польских колонистов. Прежде чем раствориться в лесу, они совершили еще одно нападение. На этот раз объектом стал небольшой отряд Красной Армии.

Другой «горячей точкой» Силезии был удаленный город Ёльс. Этот случай был классической иллюстрацией нападений на поляков, которые стали происходить уже после капитуляции Германии. Вызвано это было массовым возвращением немецких беженцев на свою малую родину. Городок Ёльс был серьезно разрушен во время советского наступления. Почти три четверти жителей покинули его, предпочтя вовремя эвакуироваться в центральную Германию. В итоге к маю 1945 года его население составляло всего лишь 18 тысяч человек. Однако в июне 1945 года население его стало вновь расти. Естественно, среди них замаскировались «вервольфы», военные партизаны, фанатичные нацисты. Выждав время, они стали более дерзкими. Именно в это время в этом районе стали появляться польские колонисты. Первой жертвой «вервольфов» в Ёльсе стали трое советских солдат. Вскрытие трупов показало, что они были просто забиты до смерти. Советская контрразведка решила, что эти красноармейцы стали жертвами отряда «Вервольфа», который действовал в окрестностях Ёльса и насчитывал где-то тридцать человек. По оперативной информации, эту группу возглавлял

бывший офицер СД. Предполагалось, что именно он и его люди несли ответственность за убийства немецких коммунистов, которые начали сотрудничество с польскими властями. Но вскоре «вычислили» информатора и убили его. НКВД и польские власти перестали получать какую-либо информацию о действиях этого отряда. Между тем «вервольфы» продолжали совершать нападения на поляков. Со временем отряд не только не сократился, но фактически вырос вдвое.

Первый шаг в деле ликвидации этого партизанского формирования был предпринят, когда польские власти нашли небольшую немецкую колонию, жители которой свободно говорили на польском языке. Эти немцы поведали, что тот отряд «Вервольфа» разбился на три небольшие группы. Одна из них продолжала действовать в округе Ольса, а две другие направились соответственно в Требниц и Мильч. Имея такие точные сведения, польские силы безопасности решили провести зачистку местных лесов. Стремительность этой операции позволила захватить «вервольфов» врасплох в одном небольшом лесном хуторе. Завязался бой. Большую часть отряда удалось уничтожить. Остатки «вервольфов» бежали в направлении Мильча. После этой операции о действиях этих партизан фактически ничего не было слышно.

Между тем осенью-зимой 1945–1946 годов в Бреслау и его окрестностях продолжала править анархия. Она усиливалась тем, что войну против польских коммунистов начали партизанские отряды польских националистов. Шла форменная война всех против всех. Американский военный корреспондент вспоминал, что с наступлением ночи из темноты доносилась стрельба и взрывы. Все эти столкновения сопровождались еврейскими погромами и активизацией уголовников. Один из немцев, позже депортированный из Бреслау, вспоминал, что днем в городе правили коммунисты, а ночью – уголовники и националисты. После заката солнца мирные жители просто не решались выходить на улицу. На фоне этой междоусобной войны немецкие партизаны чувствовали себе более чем вольготно. Окрестности Бреслау даже днем больше напоминали зону боевых действий. В его округе только за первый послевоенный год было убито около 150 польских милиционеров.

Другой горячей точкой Силезии стал город Бунцлау. Действовавшая в этом районе крупная группировка нацистских партизан состояла из бывших служащих Вермахта, активистов НСДАП, украинских националистов. Она не раз совершала нападения на советских и польских военных. В июле 1945 года в Бунцлау на воздух взлетел дом, где остановились на постой девять красноармейцев. Все они погибли (отдельно стоящие дома всегда были объектом повышенного «внимания» со стороны партизан). Несколько дней спустя, 21 июля, в Бунцлау были убиты шестеро поляков, в том числе чиновники новой администрации и несколько милиционеров. Их машина была просто изрешечена автоматным огнем. Среди погибших оказался новый глава города Болеслав Кубик, видный член Польской социалистической партии. В августе активность «вервольфов» не пошла на спад. Напротив, нападения совершались одно за другим.

На отошедших Польше территориях большинство отрядов «вервольфов» удалось ликвидировать лишь к середине 1946 года. В 1947 году было засвидетельствовано несколько вылазок, но все они в основном ограничивались распространением антисоветской пропаганды. Снижение активности «вервольфов» было вызвано двумя факторами. Во-первых, польская милиция и служба безопасности приобрели достаточный опыт по борьбе с партизанскими формированиями. До 1945 года такой опыт было лишь у Красной Армии. Кроме этого, была начата активная политика инфильтрации агентов в движение «вервольфов». Чтобы эта тактика стала приносить свои плоды, потребовалось немало времени. Во-вторых, что более важно, поляки начали осуществлять массовые депортации немцев. В 1946 году была начата операция «Ласточка», которая лишила «вервольфов» возможности скрываться среди немецких беженцев и мирных жителей. Была разрушена сама база немецкого партизанского движения.

Заключение

Опираясь на различные источники, мы попытались дать живое изображение боев за Бреслау, которые на протяжении долгого времени не попадали в поле зрения отечественного читателя. О «чуде Бреслау» стали говорить в Германии еще в 1945 году. После войны об этом очень много писалось в германской историографии. Но данному сюжету почти ни слова не было посвящено (что вполне понятно) в советской историографии. При этом в Германии под «чудом Бреслау» многие исследователи подразумевали нечто свое. Но почти все исследователи опирались на несколько простых фактов. Во-первых, на протяжении трех месяцев плохо вооруженным немецким войскам удавалось противостоять как минимум втрое превосходящим силам Красной Армии. Во-вторых, капитуляция города, которая состоялась 6 мая 1945 года, не была результатом захвата Бреслау. В-третьих, к моменту капитуляции немецкие войска продолжали контролировать большую часть города. В руках Красной Армии находилось лишь несколько районов на юге и на западе Бреслау. В то же самое время части Вермахта продолжали удерживать кварталы от Вайды до устья Одера, а на востоке – до самого моста Гюнтера.

Так чем же можно объяснить «чудо Бреслау»? Сами генералы фон Альфен и Нихоф называли три причины. Во время обороны города было налажено очень тесное сотрудничество между частями Вермахта и гражданским населением. Несмотря на произвол партийных органов, многие из мирных жителей считали попадание в русский плен злом много большим. Кроме этого, при обороне города, в которой принимали участие в основном уроженцы тамошних краев, сказывалось хорошее знание местности, чем не могли похвастаться красноармейцы. Третья причина кроется в том, что, понеся большие потери, советское командование отказалось от идеи штурма города одновременно с нескольких сторон, что давало тактическое преимущество немцам. В итоге даже мощное наступление частей Красной Армии во время «пасхального сражения» не принесло ожидаемого перелома в боях за Бреслау.

После публикации отрывков воспоминаний генерала Нихофа в немецком обществе разгорелась дискуссия. Поводом для нее стало открытое письмо профессора Иоахима Конрада, который был жителем Бреслау. В 1956 году это письмо было переделано в статью «Конец Бреслау». В И. Конрад отмечал, что на самом деле «чудо Бреслау» было трагедией. Не обошлось и без критики в адрес самого генерала Нихофа:

«После почтения сообщений генерала Нихофа может возникнуть впечатление, что оборона Бреслау была образцовой стратегической операцией, когда для защиты города от русских было достигнуто полное единение армейских подразделений и гражданского населения. Возможно, события, происходившие в крепости, из штаба выглядели именно подобным образом. Но эта точка зрения не соответствует действительности. Генерал Нихоф подчеркивает, что не позволял гауляйтеру Ханке оказывать хотя бы малейшее влияние на ход военных операций. Но у гражданского населения сложилась иная точка зрения».

Каковы же были итоги осады Бреслау? В книге Гюнтера Грундмана, посвященной истории Силезии, говорилось:

«Капитуляция обескровленной и почти полностью уничтоженной крепости в воскресенье 6 мая принесла оставшимся в живых 100 тысячам мирных жителей в городе не ожидаемый мир и спокойствие, а грабежи, насилие и новые пожары, в которых сгорел уцелевший в боях городской замок Фридриха Великого».

Может, в этих словах и была доля правды, но численность уцелевшего во время осады гражданского населения была много большей. Хорниг в своих мемуарах говорил как минимум о 200 тысячах жителей.

Если говорить о потерях во время боев за Бреслау, то они были очень велики. «Гарнизон крепости», который на протяжении трех месяцев удерживал Бреслау, составлял 35 тысяч служащих Вермахта и 10 тысяч мужчин, призванных в Фольксштурм. До конца марта из города по «воздушному мосту» было вывезено около 6 тысяч раненых. В самом же Бреслау осталось

около 5 тысяч раненых (по состоянию на начало мая 1945 года). То есть гарнизон во время боев потерял ранеными около 11–12 тысяч человек. Если говорить о числе погибших солдат, то немецкие источники называют цифру в 6 тысяч человек. При этом гражданское население во время боев потеряло около 10 тысяч человек убитыми и столько же ранеными.

При подсчете советских сил, штурмовавших Бреслау, получается, что кольцо окружения, которое неизменно сжималось, составляли около 150 тысяч красноармейцев. Из советских же источников следует, что потери Красной Армии за время осады составили 5 тысяч офицеров и 60 тысяч солдат. По крайней мере, на военном кладбище на юге уже Вроцлава было захоронено 5 тысяч советских офицеров.

Сам комендант крепости генерал Нихоф приводил в своих воспоминаниях несколько иные цифры. По его мнению, в обороне Бреслау принимало участие около 50 тысяч солдат Вермахта и фольксштурмистов, из которых 6 тысяч было убито, а еще 29 тысяч ранено. То есть общие потери немецкого гарнизона составили 29 тысяч человек, что оставляет около 58 % от общей численности немецкой группировки. Если это цифра верна, то это очень большая доля военных потерь в живой силе. Потери среди гражданского населения он оценивал в 80 тысяч человек, что кажется несколько завышенной цифрой. Когда Нихоф говорит о советских потерях, то он исходит из цифры в 30–40 тысяч убитых, ссылаясь на советские источники, которых он не называет. В любом случае Бреслау удалось сковать действия около 12 советских дивизий, семь из которых находились на передовой, а еще пять использовались в качестве оперативного резерва.

В исторической литературе вполне правомерно задается вопрос: была ли необходима оборона Бреслау, и имело ли смысл немецким частям удерживать город на столь длительный срок? Вполне логичной кажется отсылка к выводам историка Второй мировой войны, генерала Курта фон Типпельскирха. Он в своей «Истории Второй мировой войны» высказал мысль, что для Германии война была окончательно проиграна, когда под натиском превосходящих сил Красной Армии рухнул немецкий фронт, проходивший по Висле. После этого советские войска смогли начать проникновение на территорию противника по всей ширине фронта от Польши вплоть до Одера. Советское наступление в Силезии на самом деле служило всего лишь фланговым прикрытием для осуществления главной цели советского командования – взятия Берлина. Протектораты Богемия и Моравия, Словакия и Венгрия рано или поздно пали бы, если бы советские войска взяли Берлин и Вену. С этой точки зрения оборона Бреслау имела стратегический смысл только на первой фазе зимнего наступления Красной Армии 1945 года, то есть в январе и феврале. В этот момент бои за Бреслау могли сковать наступавшие советские дивизии, что, в свою очередь, могло позволить немецкому командованию создать новую линию фронта, которая бы тянулась от Нижней Силезии до Судетских предгорий. Кроме этого, оборона крепости была оправдана с той точки зрения, что она позволяла обеспечить отход колонн беженцев к Силезским горам или в западном направлении в Саксонию и Тюрингию. Но, собственно, этими тактическими задачами необходимость обороны Бреслау у Типпельскирха исчерпывается. Красная Армия к началу апреля смогла добиться выполнения всех поставленных перед ней задач, несмотря на то, что Бреслау продолжал сковывать действия нескольких советских дивизий. После февраля 1945 года оборона Бреслау не имела никакого стратегического смысла. Наиболее логичной датой капитуляции Бреслау должно было стать время относительной стабилизации Судетского фронта. То есть город без какого-либо ущерба для Вермахта можно было бы сдать советским войскам во второй половине февраля, на крайний случай, в начале марта. Но как мы помним, это время было ознаменовано лишь одним изменением: на посту коменданта крепости генерала фон Альфена сменил генерал Нихоф. И именно с этого периода оборона Бреслау вступает в новую фазу, связанную с громадными потерями в живой силе. По большому счету, после указанной даты бои за Бреслау теряли всякий смысл. Можно предположить, что даже в самом Верховном командовании Вермахта не ожидали, что город сможет столь долго противостоять советскому натиску. Но, тем не менее, несмотря на все высказанные соображения, Типпельскирх провозглашал оборону Бреслау *«одной из самых славных страниц в истории немецкого народа»*. Это обстоятельство уже после войны позволило Эрнсту Хорнигу говорить о *«смысле и бессмысленности обороны города»* .

Приложение 1. Боевой состав немецких частей, оборонявших Бреслау

При формировании крепостных воинских частей поначалу были созданы пехотные полковые группы, которые обозначались латинскими литерами А, В, С и т. д. (см. текст книги). В начале февраля они были трансформированы в обычные полки, которые назывались по имени их командира.

I. Штаб крепости
Комендант крепости с сентября 1944 года по январь 1945 года
генерал-майор Краузе

Ia: капитан Эрдман
Офицер-помощник: оберлейтенант Рихтер
Квартирмейстер: полковник фон Хауэншильд
II а (адъютант): капитан (позднее майор) Бёк

Штаб по возведения позиции «Север»
Начальник: капитан Ленцен
Артиллерийский офицер: капитан Пельцедер

Штаб «Юг»
Начальник: капитан Зейферт
Артиллерийский офицер: капитан Рольфес
Офицер истребителей танков: капитан Шмедес

Комендант крепости с 1 февраля по 8 марта 1945 года: генерал-майор Альфен
Комендант крепости с 9 марта по 6 мая 1945 года: генерал-лейтенант Нихоф (с 1 апреля 1945 года – генерал от инфантерии)

Представитель коменданта: полковник Тизлер
Ординарец коменданта: обелейтенант Фишер
Оперативный отдел:
Ia: майор Отто
01: капитан Эрдман
Ic: оберлейтенант Шеффиниус
04: оберлейтенант Пеллегрини.
Прочие сотрудники
Ic: оберлейтенант Бергер
I d (I a/org): оберлейтенант Рихтер
I a/Mess: капитан Ришанек

Подразделение квартирмейстера (I b):
Майор Пель, начиная с середины в феврале 1945 года майор Фухс
02: оберлейтенант Финцен Офицер, ответственный за снабжение и связь с гражданскими структурами: оберлейтенант Хёзель
Боеприпасы: капитан Кравучке, лейтенант Зеельмайер
IV а (интендант): штабсинтендант Кюнель, штабсинтендант Шнайдер
V к (транспорт): капитан Вилльнер
IV b: крепостной врач старший полевой врач д-р Мелинг
Адъютант: младший полевой врач Геше.

Адъютанты:
майор Бёк
офицер национал-социалистического руководства капитан ванн Брюк
сотрудник лейтенант Пампух
ротмистр Ланген (порядок эвакуации по воздуху)

Связь: оберлейтенант Франке
Комендант штаб-квартиры: ротмистр Пуин, оберлейтенант Зееван, оберлейтенант Петерман.
Офицер, ответственный за связь по воздуху: оберлейтенант Кунце, оберлейтенант Нойманн

Представители особых родов войск оружия (одновременно командиры частей):
командир артиллерии: полковник Урбатис
командир саперов: майор Хамайстер
начальник связистов: подполковник, дипломированный инженер Виттенберг
военная авиация (одновременно обеспечение деятельности аэродрома Гандау): подполковник фон Фридебург

II. Военные части
А. Самостоятельные пехотные полки

Полк Мора
Состав:
Часть 49-го учебного егерского батальона (Бреслау – Карловиц), а также часть 83-го учебного егерского батальона (Траутенау)

Командир полка: майор, позднее подполковник Мор
Три батальона под командованием майора Тильгнера (в том числе 49-й учебный егерский батальон)
Майор Теншерт (83-й учебный егерский батальон) + оберлейтенант Фриц

Подразделения полка: 1 рота пехотных орудий, 1 рота истребителей танков, 1 взвод связи, 1 транспортный взвод

В начале марта в состав полка вошел начавший формироваться в конце февраля батальон Зейбольда (командир – прибывший 26 февраля в Бреслау майор Зейбольд).
В середине апреля в рамках полка была сформирована «полковая группа Зейбольда», в которую вошли следующие подразделения:

Батальон Вуттке (из полка Зауэра – «северный» фронт)
Батальон Роге (из полка СС Бессляйна)
Десантно-парашютный батальон I /26
Правление I./Fallschirmjdger 26
Батальон полиции
Взвод из остатков батальона Зейбольда

Полк Ваффен-СС Бессляйна
Состав:

а) от Ваффен-СС
Учебный батальон СС (пехотные орудия – Немецкая Лисса)
Учебный батальон СС (панцергренадеры – Бреслау)
Школа младшего командирского состава (Бреслау)

б) от армейских формирований
армейская школа унтер-офицеров в Штригау (капитан Зоммер)
28-й учебный батальон (транспорт – Швайдниц)
8-й учебный батальон (ветеринары – Швайдниц)

Командир полка: оберштурмбанфюрер Бессляйн
Ia: капитан Эбергарт Зейферт
I. Батальон хауптштурмфюрера Грегера
II. Батальон хауптштурмфюрера Цильске
III. Батальон капитана Зоммера
IV. Батальон оберштурмбанфюрера Шарпвинкеля

Подразделения полка: взвод связистов, 2 учебные роты младшего командирского состава (хауптштурмфюрер Роге и капитан Цицман), рота тяжелых (120-миллиметровых) минометов.

Состав батальона II после гибели Цильске был передан 609-й дивизии. Новый батальон II был сформирован уже под командованием капитана Цицмана. После ранения капитана его возглавил хауптштурмфюрер Роге.

Полк Веля (Люфтваффе)
Состав: роты обслуживающего персонала и персонала аэродрома
Командир полка: полковник Люфтваффе Вель
Сила: от 4 до 6 батальона, в том числе 1 резервный батальон
Из командиров батальонов известны: ротмистр фон Клейст и капитан Гюнтер

Полк Зауэра
Состав: 49-й учебный егерский батальон (Бреслау-Карловиц)
Командир полка: полковник Зауэр
Сила: от 3 до 4 батальонов

Полк Ханфа, позднее Фельхагена

Образован из различных полков
Командиры полка: с начала февраля – полковник Гёлльниц. После его ранения в конце марта полк возглавил ротмистр Ханф, затем полковник Фельхаген
Сила: от 3 до 4 батальонов

I. Учебный крепостной батальон «Бреслау»
Командир: майор граф Зейдлиц (погиб 2 мая 1945 года)
Адъютант: лейтенант Шёнфельдер
Адъютант: лейтенант Шенфелдер

II. Батальон
Командир: подполковник Ротанзель (вначале – командир армейской школы унтер-офицеров Франкенштейн)
Б. 609-ая дивизия

Подразделения дивизионного подчинения: усиленная рота связи и взвод полевой жандармерии

Командир дивизии: генерал-майор, позднее генерал-лейтенант Руфф
Ia: капитан Моошаке
Ib: (квартирмейстер) капитан Людвиг
IIa: (адъютант) майор Мюллер

Штаб дивизии был сформирован в конце января 1945 года в Дрездене, через несколько дней был перекинут по железной дороге в Лигниц, откуда штаб во время ночного марша добрался до Бреслау. За исключением командира дивизии и капитана, отвечавшего за снабжение оружием и техникой, ни один из офицеров не имел опыта деятельности в штабе дивизии.

Дивизия была сформирована за счет различных военный частей, оказавшихся в Силезии, в том числе школы унтер-офицеров Франкенштейн, учебных курсов фаненюнкеров Гнезен, роты истребителей танков Гогензальца, а также отдельных подразделений 269-й дивизии, которым не удалось пробиться на юг к основным частям Вермахта.

Дивизия состояла из 3 пехотных полков. Их командирами были: полковник Райнкобер, майор Керстен, майор Шульц.

В. Артиллерия, истребители танков, саперы, связисты

Артиллерийский полк Бреслау
Состав:
а) крепостные батареи 3048, 3049, 3075, 3076, 3081 и 3082
б) 28-ое учебное подразделение легкой артиллерии (Бунцау)
28-е учебное подразделение тяжелой артиллерии (Бунцау)
в) 859-е резервное артиллерийское подразделение
остатки артиллерии 17-й пехотной дивизии

Командир полка: полковник Урбатис
Количество и типы батарей:

15 батарей немецких легких полевых гаубиц (калибр 105 миллиметров)
4 батареи немецких тяжелых гаубиц (калибр 150 миллиметров)
1 батарея немецких тяжелых минометов (калибр 210 миллиметров)
4 батареи советских 120-миллиметровых орудий
5 батарей советских 76,2-миллиметровых орудий
1 батарея польских 75-миллиметровых орудий
1 батарея югославских 75-миллиметровых орудий
1 батарея итальянских 70-миллметровых орудий
Итого – 32 батареи

Кроме этого, командиру полка подчинялась зенитная артиллерия.

Зенитная артиллерия крепости была составлена из 570-го подразделения тяжелой зенитной артиллерии, 137-го учебного подразделения зенитной артиллерии, 150-го полка зенитной артиллерии, подразделения зенитной артиллерии 47/IV и нескольких зенитных батарей Имперской трудовой службы. После потери нескольких батарей в предместьях Бреслау общая численность полевой и зенитной артиллерии составляла около 200 стволов.

Деление артиллерийских частей
Группа «Север»: майор Гартль
Группа «Запад»: капитан Фронер
Группа «Юго-запад» капитан Гиардет
Артиллерийская группа 609-й дивизии: майор Зиберт
Точные данные о силе артиллерийских групп сохранились только в отношении «Севера»:

3 батареи немецких легких полевых гаубиц
1 батарея немецких тяжелых полевых гаубиц
1 батарея польских 75-миллиметровых орудий
1 батарея итальянских 70-миллиметровых орудий

Подразделение истребителей танков «Бреслау»
Командир: оберлейтенант Реттер

1-ая бронетанковая рота (оберлейтенант Фенцке)
Боевая сила:
1 штурмовой танк IV с орудием от «Пантеры» и боезапасом на 500 выстрелов
2 штурмовых орудия (шасси III)
6 штурмовых орудий с пушкой L48 – остатки 311-й бригады штурмовых орудий(командир взвода – фельдфебель, позже лейтенант Хартман)
6 танков PzII с орудием Fl. 38 (калибр 20 миллиметров)
4 небронированных самоходных лафета с установленной на них легкой полевой гаубицей (калибр 105 миллиметров)

2-ая и 3-ая рота были укомплектованы «офенрорами» и «Пупхенами»
4-ая рота (командир – оберлейтенант Альбрехта) состояла из солдат, вооруженных фаустпатронами

Саперный полк «Бреслау»
Состав:

28-й саперный учебно-запасной батальон (Бреслау – Козель). Из него в январе 1945 года после объявления в крепости тревоги стала формироваться «Боевая группа Мёллера»
Командир полка: майор Хамайстер
I батальон (капитан Мюллер), II батальон предназначены для подрыва и выполнения боевых заданий, III (капитан Ротер) был в составе 609-й дивизии, IV батальон имел своим основным заданием усиление крепостных строений, V батальон был ориентирован на минирование и подрыв стратегических объектов.
Имелись два самостоятельных взвода персонала, обслуживающего танкетки «Голиаф» (у каждого по 48 танкеток), которыми командовали лейтенанты Коне и Терюнг.

Кроме этого, в состав полка входили:
2-ая рота 6-го технического батальона, которой командовал лейтенант Шульце
10 строительных батальонов Фольксштурма

Полк связи «Бреслау»
Состав: подразделение связи 17-й пехотной дивизии
Технический персонал городского телеграфа и почты

Командир полка: подполковник Виттенберг
Офицер, ответственный за телекоммуникации: капитан Кунт
I подразделение: две роты телефонистов и рота радиосвязи
II подразделение (как и первое)
III подразделение укомплектовано телеграфистами и почтовиками

Г. Парашютисты

Десантно-парашютный батальон I/26
Командир: капитан Троц. Направлен в Бреслау 25 февраля

Десантно-парашютный батальон особого назначения «Шахт»

Командир: капитан Скау, после ранения – капитан Зайц (до этого адъютант). Батальон прибыл в Бреслау 5 марта

Состав батальона:

5-ая рота оберлейтенанта Бикеля

6-ая рота оберлейтенанта Хоффмана

8-ая (тяжелая) рота оберлейтенанта Альбрехта Шульца

Взвод связи лейтенанта Юнгхауса

Врач подразделения: старший врач Зайпп

Казначей (!): Крюгер

Вооружение:

5-ая и 6-ая компания: 18 легких пулеметов МГ 6 легких минометов (60-миллиметровых), 54 винтовки; в дальнейшем каждый солдат имел при себе пистолет. Кроме того, в каждой роте имелся взвод связи

8-ая (тяжелая) рота: 3 тяжелых 80-миллиметровых миномета (с коротким стволом), 6 тяжелых пулеметов МГ 42 (станковых), 4 винтовки с оптическим прицелом. Кроме этого, каждый из солдат был вооружен штурмовой винтовкой 43 и пистолетом

В дальнейшем в состав батальона была добавлена рота огнеметчиков и еще одни взвод связи

Д. Фольксштурм (народное ополчение)

Командир Фольксштурма в Бреслау: обергруппенфюрер СА Херцог

Заместитель: Астер

Офицер связи с штабом крепости: командир батальона башни Вёль

В целом насчитывалось 38 батальонов, в том числе:

1 учебный батальон

1 запасной батальон

10 строительных батальонов и 26 боевых батальонов. Из 26 боевых батальонов два были полностью укомплектованы членами Гитлерюгенда

Общая численность составляла примерно 15 000 человек, то есть сила батальона Фольксштурма в Бреслау составляла около 400 человек

Для более эффективного выполнения боевых заданий большинство батальонов Фольксштурма были сгруппированы в полковые группы:

Полковая группа Хенеляйтера (Ёльс)

Полковая группа Воланке (Бренслау)

Полковая группа Франке (Бреслау)

Полковая группа Хирша (Гитлерюгенд – Бреслау)

Обзор батальонов. Имена руководителей и родных городов указаны в скобках. Если нет указания города, значит, батальон сформирован в Бреслау:

а) 71-й учебный батальон (Мияч)

51-й запасной батальон (Бур)

б) боевые батальоны

55-й батальон ГЮ (Зейферт)

56-й батальон ГЮ (Линденшмидт)

21-й батальон (Кошате, Пфланц – Лигниц)

22-й батальон (Ханке-Швайдниц)

23-й батальон (Кантер)
24-й батальон (Майнке)
30-й батальон (Банвиц)
31-й батальон (Гёбель-Ротебург)
32-й батальон (Бём)
33-й батальон (Пёлеман)
34-й батальон (Цёке)
35-й батальон (Земан-Ёльс)
36-й батальон (Штраус)
37-й батальон (Торзевски)
41-й батальон (Клозе, Каулше, Дёрзиг)
42-й батальон (Штефан, Меркле)
44-й батальон (Клугер)
46-й батальон (Пэшке)
48-й батальон (Штёрель)

52-й батальон (Менде) был укомплектован челнами НСКК (национал-социалистического водительского корпуса), выступал в роли транспортного подразделения. Позже был приписан к саперном подразделениям

66-й батальон (Фишер)
67-й батальон (граф Кайзерлинг – Милитиш, Требниц)
68-й батальон (Кайзерлинг, Штайн, Кох)
74-й батальон (Пёч) укомплектован железнодорожниками Бреслау
75-й батальон (Бишоп)
76-й батальон (Херпишбём) сформирован из охраны почтовых отделений

в) 10 строительных батальонов
38-й батальон (Августин)
40-й батальон (Шарц, Шымек)
43-й батальон (Штемллер)
45-й батальон (Шёнвольф)
49-й батальон (Шривер)
50-й батальон (фон Холленуфер)
54-й батальон (Ролл)
59-й батальон (Штрикер)
72-й батальон (Наин)
73-й батальон (Ноллау)

Д. Полк пожарной охраны «Бреслау»

Командир полка: полковник Грибова

Командиры подразделений: подполковник Адама, подполковник Патетт, майор Кулеман, майор Хорст

Сила: 6 команд, насчитывающих в целом 600 человек, с 44 пожарными машинами, 12 специальными транспортными средствами и 25 пожарными насосами

Приложение 2. Краткая хроника осады Бреслау

12 января. Армия маршала Конева с целью взятия захвата Силезии предпринимает наступление с плацдарма в Баранове. Немецкий оборонительный рубеж моментально прорван. С этот момента в Бреслау насчитывается с учетом беженцев около 1 миллиона жителей.

16 января. Передовые танковые части Красной Армии достигают границ Силезии и приближаются к Верхнесилезскому промышленному району.

18 января. В срочном порядке эвакуируется население Кройцбурга, Розенберга и прочих городов Верхней Силезии.

19 января. Гауляйтер Ханке отдает приказ об эвакуации населения округов, расположенных к востоку от Одера.

20 января . Распоряжение аппарата гауляйтера о том, чтобы женщины с детьми в срочном порядке покинули Бреслау.

20–22 января . Колонны беженцев тянутся из Бреслау по направлению к Силезским горам.

21 января. Так называемое «Черное воскресенье». Опасаясь прорыва в город передовых советских танковых частей, в спешном порядке минируются и готовятся к уничтожению все мосты через Одер. Днем распоряжение аппарата гауляйтера о том, что женщины с детьми должны покинуть город и направиться в Опперау или в направлении Канта, транслируется через громкоговорители. Во время бегства на запад и юго-запад в стуже умирает множество маленьких детей (массовые захоронения в Южном парке и близ Нового рынка).

22 января. Власти провинции прекращают свою деятельность и покидают город. Кафедры и преподавательский состав Технического университета Бреслау переводятся в Дрезден. Евангелическая консистория переносит свое местонахождение в Гёрлиц. В городе остается приблизительно 250 тысяч жителей. Прибывают беженцы из сельских районов. На вокзалах Бреслау царит хаос и неразбериха.

23 января . Подразделения Вермахта располагаются на постой в здании материнского дома «Бетанина». Руководство учреждения отдает распоряжение, чтобы весь медицинский персонал был приведен в повышенную готовность.

23 января. «На территории к востоку от Оппельна, а также между Намслау и Ёльса большевики предприняли мощные контратаки, поддержанные танками» [26].

24 января. «Напротив Одера, между Козелем и Бригом, усилился натиск противника. На этом участке фронта идут ожесточенные бои, в особенности близ Гляйвица и Оппельна. В районе боевых действий к востоку от Бреслау решительные контратаки, предпринятые нашими силами, смогли выбить большевиков из некоторых районов».

25 января. Аппарат гауляйтера отдает приказ о том, что город должны покинуть все женщины, а также мужчины младше 16 и старше 60 лет. Переговоры католических и евангелических священнослужителей с комендантом крепости генерал-майором Краузе. Комендант высказывает просьбу, чтобы служители культа оказывали помощь гражданскому населению и ухаживали за ранеными в военных госпиталях.

25 января. «К Бреслау с юго-востока приближаются передовые части противника. К востоку от города все атаки врага закончились неудачей».

26 января . Части Красной Армии обходят с флангов Бриг, после чего начинают создавать плацдарм в Штайнау.

26 января. «Между Козелем и Бреслау наши силы смогли предотвратить многочисленные попытки Советов форсировать Одер. К востоку и северо-востоку от Бреслау противник создает оборонительный рубеж».

27 января. «Вчера противник предпринял безуспешные попытки прорвать линию обороны Бреслау. К северо-западу от Бреслау идут ожесточенные бои. На некоторых участках фронта враг предпринимает контратаки».

28 января. В 6 часов утра по приказу гауляйтера Ханке близ кольца Бреслау расстрелян второй бургомистр д-р Шпильхаген. Население испугано афишами, в которых сообщается о

[26] Курсивом выделены отрывки из сообщений Верховного командования Вермахта.

казни.

28 января. «Наши силы обороны по Одеру, в которой принимают участие несколько подразделений Фольксштурма, предотвратили дальнейшее формирование вражеского плацдарма между Козелем и Глогау. С переменным успехом идут кровопролитные бои. Отбито несколько атак большевиков. Вражеское наступление на «северном» фронте оказалось безуспешным, оно не смогло прорвать нашу линию обороны в Бреслау».

29 января. «По Одеру между Козелем и Бреслау продолжаются многочисленные большевистские атаки. Ликвидированы или существенно уменьшены несколько вражеских плацдармов. Несмотря на мужественное сопротивление в Штайнау, враг смог закрепиться на западном берегу Одера».

30 января . Команда из состава военного училища в ходе боев на востоке города несет большие потери. Офицер СС передает евангелическому священнику Эрнст Хорнигу приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера о том, что все священнослужители должны покинуть город в 24 часа. Хорниг заявляет о невозможности выполнения данного приказа.

30 января. «С территории плацдарма в Олау неприятель пытается продвинуться дальше на запад. В районе Штайнау наши части разбили более многочисленные силы противника и восстановили связь с упорно защищающимися в данном месте солдатами».

31 января . Католические священники встречаются с гауляйтером Ханке, который заявляет, что ему ничего не известно о приказе Гиммлера и рекомендует обратиться за разъяснениями в гестапо.

31 января. «При Олау и по обе стороны Штайнау в ходе нашей контратаки были перехвачены большевики, пытавшиеся наступать со своего плацдарма близ Одера».

1 февраля. Гестапо Бреслау разрешает, чтобы в городе осталось 10 евангелических и 35 католических священников.

3 февраля. Генерал Кох-Эпах приглашает полковника фон Альфена занять место тяжело заболевшего генерал-майора Краузе в качестве коменданта крепости. Фон Альфен произведен в генерал-майоры. Для обороны города собрано около 35 тысяч служащих Вермахта и 10 тысяч фольксштурмистов. Одна из рот Фольксштурма располагается в «Бетанине».

5 февраля. «Противник с территории своего плацдарма на берегах Одера крупными силами предпринял наступление по обе стороны от Брига. Здесь идут ожесточенные бои. В остальном положение на Одерском фронте существенно не изменилось».

7 февраля . Бреслау посещает государственный секретарь Науман, один из ведущих сотрудников Имперского министерства пропаганды. Он произносит перед офицерами и местными партийными функционерами речь «Бреслау надо удерживать любой ценой».

9 февраля. Новый комендант крепости отдает по частям длинный приказ «Ты должен верить в будущее Германии».

9 февраля. «Большевики предприняли мощное наступление из района Штайнау».

10 февраля. Советские войска с плацдарма в Штайнау достигают Нового рынка и через Любен устремляются к Лигницу.

10 февраля. «В районе боевых действий Бреслау – Лигниц – Глогау Советы бросили в бой крупные силы. Несмотря на ожесточенное сопротивление наших частей, они смогли продвинуться на запад».

11–13 февраля . Советские танковые части наносят удар по обе стороны от шоссе в направлении Канта. Начинается окружение Бреслау с запада. Прервано железнодорожное сообщение с Бреслау по ветке, ведущей в Хиршберг.

12 февраля. «Усиливается битва за Нижнюю Силезию. К западу от Бреслау наши силы, предпринявшие контратаку, смогли отбросить обратно на юг в район Канта – Костенбюлта неприятеля, чем предотвратили его объединение с силами неприятеля, которые располагаются к северо-западу от Бреслау на плацдарме в Бриге».

13 февраля. «В Нижней Силезии наши части предприняли контратаку, чем сорвали попытку Советов отрезать крепость Бреслау от основных немецких сил. На небольшом участке фронта к юго-западу от города противник потерял в бою около 60 танков».

12–14 февраля . Ожидающий своего отбытия на Фрайбургском вокзале санитарный поезд не может покинуть город, чтобы направиться в Хиршберг.

14 февраля . Верховное командование Вермахта сообщает о замыкании кольца окружения советских войск вокруг Бреслау. С южного направления в город еще удается доставлять боеприпасы и вывозить раненых.

14–16 февраля . Беженцы из окрестных деревень ищут укрытия в Бреслау.

15 февраля . Генерал-майор фон Альфен объявляет о блокировании Бреслау. Призыв к гражданскому населению: «Нельзя терять твердости духа!».

15 февраля. «В Нижней Силезии заново возведены оборонительные рубежи. Близ Бреслау и Глогау наши части в кровопролитной борьбе смогли отбить все нападения большевиков».

16–17 февраля . На город сброшены первые советские пропагандистские листовки, которые адресованы как солдатам, так и гражданскому населению.

16 февраля. «Мощные вражеские атаки к юго-западу от Бреслау и к западу от Бунцау, а также по обе стороны от Загана потерпели полную неудачу».

17 февраля. Новая попытка советских войск взять город с южного направления. Военный госпиталь, расположенный в Южном парке, в срочном порядке эвакуируется. Во время эвакуации гибнет главный врач Губрих.

18 февраля. «Идут ожесточенные бои на южном и юго-западном фронте Бреслау. Противник несет большие потери».

19 февраля. «Хорошо закрепившийся на юге и западе гарнизон Бреслау успешно обороняется от утомленного боями противника».

20 февраля. «Защитники Бреслау смогли отбить вражеские атаки на юго-западном и восточных фронтах».

19–20 февраля. Ожесточенные бои на окружной дороге и в районе так называемого «Киндер-Цобтена».

21 февраля . Самое крупное лечебное заведение Бреслау, госпиталь во имя Всех Святых, оказывается в зоне обстрела, но продолжает свою работу.

21 февраля. «Вражеские атаки к югу от Бреслау натолкнулись на ожесточенное сопротивление наших частей».

24–25 февраля . Советские войска достигают здания кирасирских казарм. 25-ая годовщина принятия партийной программы НСДАП. Гитлер и гауляйтер Ханке обмениваются поздравительными радиограммами. Начинается снабжение Бреслау по воздуху силами 18 самолетов.

23 февраля. «Противник смог на незначительную глубину проникнуть с юга в отдельные кварталы Бреслау».

26 февраля . Части Красной Армии занимают газовый завод Дюрргой. Прекращаются ожесточенные уличные бои в южных кварталах города.

26 февраля. «Гарнизоны Бреслау и Глогау ведут ожесточенные уличные бои. Врагу не удалось добиться каких-либо значимых успехов».

28 февраля . Поток беженцев из южных районов города в северные кварталы или районы, граничащие с Одером.

2 марта . Передача на волне Немецкого радио ложного сообщения «Час Вашего освобождения пробил!». Попытка дезинформировать немецких солдат и гражданское население. Генерал Нихоф назначен в качестве преемника генерал-майора фон Альфена в качестве коменданта крепости. Фон Альфен готовится передать дела.

3 марта. Радиообращение гауляйтера Ханке. Введение в силу приказа о противодействии распространению «вражеских слухов».

5 марта. Генерал Нихоф прилетает на самолете в горящий Бреслау

6 марта. Уничтожение кварталов близ Кайзеровского моста, чтобы в будущем возвести «внутренний аэродром».

7 марта. Распоряжение коменданта крепости генерала Нихофа и гауляйтера Ханке «Трудовая повинность для каждого». Смертные казни за несоблюдение данного приказа.

8 марта . Части Вермахта при помощи городского советника по вопросам строительства Курта Либиха предпринимают меры в отношении городской канализации.

С 8 марта. Генерал Нихоф передает по частям сообщение генерал-полковника Шёрнера, что тот во что бы то ни стало деблокирует Бреслау.

10 марта. Наступление весенней оттепели. Необходимость прокладки телефонных линий.

11 марта . Усиление бомбардировок и артиллерийского обстрела Бреслау. Мероприятия, посвященные павшим героям, в частях Вермахта. Торжественный вечер в «Бетанине».

12 марта. «Защитники крепости Бреслау в ожесточенных уличных боях удерживают свои позиции. В длящихся неделями боях противник безуспешно пытается пробиться в южную часть города. В период с 10 по 28 февраля в этих боях уничтожены 41 вражеский танк и 239 орудий противника. Неприятель несет огромные потери, которые составляют около 6700 человек убитыми».

15 марта. Из 55 самолетов с боеприпасами только половине удается приземлиться на аэродроме Гандау. Снабжение города по «воздушному мосту» становится затруднительным из-за эффективных мер советской зенитной артиллерии. Захоронения погибших производятся исключительно в братских могилах.

15 марта. «Крепость Бреслау успешно защищается. Гарнизон отражает атаки, предпринимаемые наступающим противником с севера и юга».

16 марта . Мощный воздушный налет на Николаевский пригород. Целью являются предприятия ФАМО. Во время бомбежки разрушен храм во имя Св. Николая.

19 марта. «Бреслау и Глогау являют собой образец для подражания в деле сотрудничества сражающихся частей Вермахта, Фольксштурма и гражданских структур, что позволяет успешно отражать натиск противника».

22 марта . Три крупных группы жителей эвакуируются с востока на север в район Эльбинга.

23 марта . Гитлер отдает приказ направить в Бреслау восемь грузовых планеров с тяжелыми пехотными орудиями. Возражения генерала Нихофа не принимаются в расчет. Семь из восьми планеров не достигают цели назначения.

24 марта. Пожары на Офенер– и Пальм-штрассе.

25 марта. «Защитники крепостей Бреслау и Глогау отбили все предпринятые неприятелем атаки»

27 марта . На Бреслау сбрасываются советские пропагандистские листовки, которые изобличают террористические методы правления гауляйтера Ханке. У немецких частей ощущается нехватка боеприпасов и оружия.

27 марта. «Вчера вражеское наступление было сорвано ожесточенным сопротивлением смелых защитников Бреслау, которые, начиная с 12 февраля, ведут бои исключительно в неблагоприятных условиях. Советы несут огромные потери. Кроме упоминавшихся ранее, подбито еще 64 вражеских танка».

30 марта . По образцу покушения на Гитлера неизвестные взрывают партийные помещения.

30 марта. «В сводке Вермахта сообщается: в крепости Бреслау 1-ая рота полка СС, которой командует унтерштурмфюрер СС Будка, явила чудеса героизма. Обороняясь в подвале горящего дома, где температура достигала от 50є до 60є, благодаря несгибаемой воле солдат она сорвала планы противника по прорыву нашей обороны. Сам неприятель несет огромные потери».

31 марта. По городу ходят слухи о предстоящем мощном наступлении советских войск. Поздно вечером начинается мощный обстрел и бомбардировка города.

1 апреля . Начало «пасхального сражения». Массированный налет советской авиации на Бреслау. Постоянные бомбардировки центра города. Повсеместные пожары. Части Красной Армии берут аэродром Гандау.

1 апреля. «После многочасовой артиллерийской подготовки враг крупными силами атаковал крепость Бреслау с западного направления. Стойкость защитников позволила отразить наступление. Отбито несколько атак».

2 апреля . Продолжение советского наступления. В западном парке части Красной Армии захватывают здание интерната для слепых. Центр города объят пожарами. Обер-бургомистр Ляйхтенштерн завален обломками ратуши. Военные госпиталя переполнены, в некоторых – более тысячи раненых. Бреслау окутан клубами дыма, пыли и гари.

2 апреля. «Защитники Бреслау отражают мощные атаки неприятельских танков и самолетов».

3 апреля. «С западного направления большевики продолжают наступать, используя крупные соединения танков и авиации. Смелые защитники удерживают свои позиции».

4 апреля. «Противник продолжает атаковать крепость Бреслау крупными силами. После тяжелых боев защитникам удалось отбросить прорвавшихся вперед русских».

5 апреля. «Продолжаются ожесточенные бои в западных районах Бреслау и на севере близ гавани».

6 апреля. «Противник продолжает штурмовать Бреслау только с западного направления. Смелые защитники отражают все атаки. В ожесточенных оборонительных боях особо отличился крепостной полк под командованием майора Мора, который не только стойко обороняется, но и предпринимает решительные контратаки».

9-11 апреля . Новые массированные налеты советской авиации с юга и с запада. Усиление артиллерийского огня.

10 апреля. «На южном и юго-западном фронтах Бреслау большевики после мощнейшей артиллерийской подготовки вновь предприняли попытку штурма, которая была отражена гарнизоном после потери незначительных городских территорий».

11 апреля. «Защитники Бреслау продолжают отражать мощные атаки, предпринимаемые с южного и с западного направлений. Они сумели ликвидировать прорыв вражеских сил на территорию кладбища Св. Бернхардина, расположенного к западу от площади Манфреда фон Рихтхофена».

12 апреля. «Советы продолжат пытаться прорвать оборону с южного и с западного направлений при помощи массированных бомбардировок. Локальные прорывы позиций ликвидируются в ожесточенных боях».

13 апреля . В Бреслау распространяются слухи о смерти президента Рузвельта.

14 апреля . Появление новых слухов в возможном деблокировании города. Сотни женщин возводят взлетно-посадочную полосу.

15 апреля. «Смелые защитники Бреслау отразили все атаки, предпринятые на крепость с западного направления».

16 апреля . Все девушки и женщины в возрасте от 16 до 35 лет должны стать «помощницами Вермахта».

18 апреля . Бомбардировки и обстрелы различных районов города. Бои за кварталы Одертора. Советские войска пытаются пробиться с запада на север.

18 апреля. «На западном фронте Бреслау продолжаются ожесточенные оборонительные бои»

18–19 апреля . Немцы ведут оборонительные бои в западных районах города. Советские войска получают под свой контроль железнодорожную дамбу близ вокзала Пёпельвиц. В ходе наступления потеряно 25 советских танков. Немцы несут большие потери.

19 апреля. «Смелые защитники Бреслау отразили на южном и западном фронтах вновь начавшиеся атаки русских».

20 апреля . Гауляйтер зачитывает по радио поздравление в адрес Адольфа Гитлера.

20–22 апреля . Бои за бункер на Штригауэр-плац. Из бункера в последний момент вывозится военный госпиталь.

25 апреля . Эвакуация жителей с Штригауэр-плац с другие районы города. Явная нехватка жилья.

25 апреля. «Гарнизон Бреслау продолжает отражать атаки Советов».

26 апреля. «Смелые защитники Бреслау отразили все атаки. В образцовом боевом содружестве частей Вермахта, подразделений Фольксштурма и гражданских структур крепость удерживается начиная с 17 февраля, несмотря на превосходство Советов в технике и живой силе».

28 апреля. «В Бреслау советским частям удалось совершить несколько прорывов линии обороны».

29 апреля . Сообщения о том, что Геринг по состоянию здоровья отстранен от командования силами Люфтваффе. Слухи о смерти Гитлера, единовластном правлении

Гиммлера и возможных переговорах с западными державами.

1 мая . Сообщения о смерти Гитлера, который якобы пал «смертью храбрых в борьбе против большевизма». Приказ коменданта крепости генерала Нихофа по частям «Я остаюсь во главе Вас».

1 мая. «Героические защитники Бреслау вновь отразили все атаки большевиков».

2 мая . Новая волна слухов о предстоящем деблокировании Бреслау.

2–5 мая . Воздушные налеты на Бреслау.

3 мая. Мощный артиллерийский обстрел центра города. Совещание католических и евангелических священнослужителей.

4 мая. Встреча священнослужителей с генералом Нихофом. Попытка немцев послать парламентеров к советским позициям.

5 мая. Возобновление бомбардировок и артиллерийского обстрела Бреслау. Распространение слухов, что генерал Нихоф отказался принять условия капитуляции, предъявленные советской стороной.

6 мая . Рано утром – бегство гауляйтера Ханке. Встреча генерал Нихофа с генералом Глуздовским. Капитуляция Бреслау. Поздно вечером в город входят советские войска.

7 мая. Разоружение частей Вермахта. Большая часть немецких военнопленных направляется в лагерь в Хундсфельде.

9 мая. Сообщение Верховного командования Вермахта о падении Бреслау. Начало грабежей и эксцессов в городе.

9 мая. «Защитники Бреслау, которые более двух месяцев отражали атаки Советов, в последний момент уступили превосходящим силам противника».

10 мая. В Силезию начинают активно переселяться поляки, которые устанавливают собственные органы власти. Польская милиция устраивает террор в отношении немецкого мирного населения.

Список использованной литературы

Ahlfen, Hans von, Niehoff, Hermann. So kдmpfte Breslau. Verteidigung und Untergang von Schlesiens Hauptstadt. Stuttgart, Motorbuch Verl, 1976

Ahlfen, Hans von. Der Kampf um Schlesien. 1944–1945. Stuttgart, Motorbuch Verl, 1976

Biddiscombe, Perry . The Last Nazis: SS Werewolf Guerrilla Resistance in Europe 1944–1947. Tempus Publishing, Limited, 2004

Biddiscombe, Perry . Werwolf!: The History of the National Socialist Guerrilla Movement, 1944–1946. University of Toronto Press, 1998

Duffy, Christopher. Red storm on the Reich: the Soviet march on Germany, 1945. London, Routledge, 1991

Hartung, Hugo. Schlesien 1944/45. Mьnchen, Bergstadtverl, 1956

Hornig, Ernst . Breslau 1945. Erlebnisse in der eingeschlosseen Stadt. Mьnchen, Bergstadverlag Wilh.Gottl.Korn, 1965

Kaps, Johannes. The tragedy of Silesia. 1945 – 46; a documentary account with a special survey on the Archdiocese of Breslau. comp. and ed. by Johannes Kaps. Transl. by Gladys H. Hartinger. Munich, 1952

Konrad, Joachim . Das Ende von Breslau // Vierteljahrshefte fьr Zietgeschichte, 1956, № 4, s. 387-390

Kurowski, Franz . Hitler’s Last Bastion: The Final Battles for the Reich, 1944–1945. Schiffer Military History, 1998

Lucas, James Sidney . Last Days of the Third Reich: The Collapse of Nazi Germany, May 1945. W. Morrow, 1986

Lucas-Busemann, Erhard . So fielen Kцnigsberg und Breslau. Nachdenken ьber eine Katastrophe ein halbes Jahrhundert danach. Berlin, Aufbau-Taschenbuch-Verl, 1994

Majewski, Ryszard, Sozanska, Teresa . Die Schlacht um Breslau. Januar – Mai 1945. Berlin, Union-Verl, 1979

Paul, Wolfgang. Der Endkampf um Deutschland: 1945. Bechtle, 1976

Peikert, Paul . Festung Breslau in den Berichten eines Pfarrers: 22. Januar bis 6. Mai 1945. Berlin, Union Verlag 1966

Thum, Gregor . Die fremde Stadt. Breslau 1945. Berlin, 2003

Бёддекер, Гюнтер . Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. – М.: Эксмо, 2006

Геббельс Й. Последние записи. – Смоленск.: Русич, 1998

Залесский, К . Рейхсфюреры СС // Тайны «черного ордена SS». – М.: Яуза, 2006, с. 5–48

Кальтенэггер, Рональд. Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. –М.: Яуза; Эксмо, 2007

Лиддел Гарт Б.Г. Вторая мировая война. – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1999

Типпельскирх, Курт. История Второй мировой войны. СПб.:Полигон; М.:АСТ,1999